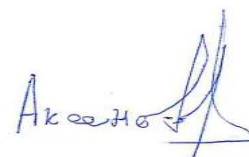

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кемеровский государственный институт культуры»

На правах рукописи

Аксенов Павел Викторович

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
РОЛЬ И МЕСТО В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор культурологии, профессор
Марков Виктор Иванович

Кемерово – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ИДЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ИХ РАЗВИТИЯ	22
1.1. Теоретические основания осмысления элит в социокультурной мысли прошлого.....	22
1.2. Классические и современные теории элит и интеллектуальных сообществ: основоположники и последователи.....	53
Глава 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС	77
2.1. Интеллектуальная элита России: проблема категориального определения в социокультурной системе современности.....	77
2.2. Основания демаркации интеллектуальной элиты, интеллигенции и научной элиты в социокультурном пространстве современной России.....	111
Глава 3. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА: СТРУКТУРА, РОЛЬ И ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	144
3.1. Функции интеллектуальной элиты и их динамика в российской культуре.....	144
3.2. Социокультурные характеристики и особенности функционирования интеллектуальной элиты современной России.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	185

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Все возрастающий в России за последние три десятилетия исследовательский интерес широкого спектра гуманитарных дисциплин к проблеме элит не случаен, так как именно они, с точки зрения теорий элит, являются главными субъектами и инициаторами производимых в обществе изменений, актором социально-политических, экономических, исторических и социокультурных процессов, задают их темп и вектор. Особенно актуальным и наименее освещенным в сравнении с другими типами элит представляется исследование феномена интеллектуальной элиты в качестве важной группы российского общества, которая является действенным субъектом и одной из основных конструктивных сил общественного прогресса.

На сегодняшний день термин «интеллектуальная элита» наиболее часто встречается в социологических и политологических исследованиях, где каждый исследователь, работая преимущественно в рамках структурно-функциональной методологии, вкладывает в него свое содержание и видение проблемы, вследствие чего порождается множество смыслов и интерпретаций данного феномена. «В результате данный термин не всегда применяется с должной степенью рефлексии, как правило, служа либо простым синонимом к понятиям “интеллигенция”, “высокообразованные”, “высококультурные”, “научная элита” и пр., либо используется в различных, часто взаимоисключающих смыслах, что вносит путаницу в исследовательский анализ» [2, с. 57], неизбежно ведет к неопределенности и размытости данного феномена. «Категория интеллектуальной элиты оказывается размытой по своим социальным параметрам и поэтому не может быть с необходимой точностью зафиксирована с позиций одной только научной дисциплины или одного научного метода. Феномен интеллектуальной элиты многогранен, имеет комплексный характер» [2, с. 63].

Более «глубокому осмыслению феномен интеллектуальной элиты может быть подвергнут с позиций ценностно-нормативной методологии. Если

структурно-функциональная методология тяготеет к онтологической описательности и позволяет зафиксировать интеллектуальную элиту здесь и сейчас, причем без необходимой конкретизации объекта исследования, то для ценностно-нормативной методологии свойственно вскрывать гносеологическую природу, сущностно-содержательную сторону этого явления, причем в его исторической ретроспективе с учетом генезиса и особенностей эволюции на различных этапах человеческой истории, у различных народов и общностей. Трудно в этом смысле переоценить роль и значение культурологии» [2, с. 63].

Более того, «важная особенность комплексного анализа интеллектуальной элиты заключается в том, что критерии ее идентификации заключены не столько в узкие (но немаловажные) рамки структурно-функционального подхода, сколько в сфере ценностной методологии» [2, с. 64], позволяющей анализировать генезис интеллектуальной элиты, внутриэлитные процессы в ней происходящие, а также ее роль и место во всей системе плюрализма элит. Культурология позволяет выработать целую систему критериев идентификации интеллектуальной элиты в социокультурном пространстве.

Как в практическом, так и в теоретическом отношении актуальность исследования определяется поиском действенных субъектов интеллектуального развития современной России для выработки и реализации стратегических задач, стоящих перед обществом и государством, находящихся в процессе интенсивных политических, экономических и социокультурных трансформаций.

Степень разработанности темы исследования. Феномен интеллектуальной элиты не относится к числу проблем, достаточно освещенных и детально проработанных в культурологических аспектах. При этом история осмысления роли выдающихся личностей, своими мотивами и достижениями увлекающих все человечество к новым горизонтам своего развития, насчитывает не одно тысячелетие и начинает фиксироваться в

литературных памятниках Древнего Китая. Коллективный трактат «Гуань-цзы» содержит в себе первые упоминания об общественной дифференциации и ее легитимации по принципу интеллектуальных способностей. Шан Ян в «Книге правителей области Шан» оправдывает общественную стратификацию, проводимую «совершенномудрыми» для установления мира и порядка. Конфуций в учении о «благородных мужах» на вершину общественной иерархии наряду с императором поставил мудрецов-правителей, сочетающих в себе интеллектуальное и духовно-нравственное величие и потому призванных управлять обществом и повелевать остальными людьми.

Начиная с античности стали закладываться более глубокие идейно-теоретические основы социальной стратификации по интеллектуальному признаку. Платон в своих представлениях о душе, а также в своей «философии избранности» создал достаточно иерархизированную модель «идеального государства» под руководством философов-правителей, обладающих разумной частью души в силу своих врожденных и приобретенных в процессе воспитания и образования характеристик. Аристотель, декларируя в «Политике» равенство и идеал «золотой середины» в общественном устройстве, все же признает правление интеллектуальной аристократии наиболее предпочтительным. Его рассуждения в «Метафизике» и трактате «О душе» на темы разума, ума и мудрости сводятся к тому, что каждый индивид занимает определенное место в социальной иерархии соразмерно своей природе, уровню интеллектуального, морального и нравственного развития.

Развитие идей Платона и Аристотеля получило новый импульс в эпоху Возрождения, когда наметился переход от средневекового пантеизма к гуманизму и доминирующей роли личности в обществе и культуре. Социокультурный интерес с точки зрения построения общества равных представляют идеи утопического социализма, представленные в произведениях Т. Мора «Утопия» и Т. Кампанеллы «Город солнца», рисующие идеалистические образы справедливого общественного устройства, равного во всех своих отношениях. Но даже на теоретико-утопическом уровне они не

смогли обойтись без малочисленной интеллектуальной прослойки, формирующейся на принципах меритократии и потому являющейся учредителями и правителями наилучшего общественного устройства. Ценность утопии как теоретической интеллектуальной конструкции по изменению существующей действительности заключается в ее целеполагающей функции, стремлением достичь всеобщего справедливого идеала и гуманного общественного устройства.

Диаметральной позиции придерживался другой представитель эпохи Возрождения Н. Макиавелли, который в своем трактате «Государь» уходит от бытовавших этических представлений о должном в сфере общественного устройства и акцентируется на низменных установках и аморализме людей, стремящихся к власти. Он абсолютизировал отношения господства и подчинения и объявил неравенство людей перманентным признаком любого общественного устройства. При этом идеального правителя он видел в «мудром доблестном человеке», обладающего твердостью льва и изворотливостью лисы, так как власть в государстве держится на двух опорах – силе и согласии. Циркуляция и характеристики данных типов элит легли в дальнейшем в основу классических теорий элит XX века.

Особый социокультурный ракурс проблема исследования элит и интеллектуальных движений приобретает в эпоху Нового времени в теориях общественного договора, в основе своей ориентирующихся на идеи всеобщего равенства, но в латентной форме которых содержится принцип легитимации правящей элиты посредством всеобщего благожелательного согласия. Наиболее показательны в этом отношении работы Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо, обосновывающих идеалистические принципы народного суверенитета посредством законодательных и общественных механизмов, обеспечивающих подконтрольность правящих элит, но при этом они приходили к выводу о необходимости подчиняться просвещенным законодателям, компетентному интеллектуальному меньшинству, называя это естественными законами всех цивилизованных народов. Схожие по своему содержанию выводы

обнаруживаются в «Духе позитивной философии» О. Конта, который финальную стадию интеллектуального развития человечества называет научной, при которой сословие ученых станет обладать моральной властью и по достоинству займет свое место в социальной иерархии для надлежащего обеспечения интеллектуальной эволюции человечества.

К середине XIX века начинают складываться традиции научного осмысления выдающихся интеллектуалов в рамках элитарных концепций развития культуры, главным производителем и потребителем которой является элита. А. Шопенгауэр в своих трудах «Мир как воля и представление» и в «Афоризмах о житейской мудрости» проводит дихотомическое деление общества на элиту и массу по интеллектуальному признаку, аргументируя как «люди гения», «аристократия ума», «выдающиеся умы» должны всячески отгораживаться от разнузданной толпы и «людей пользы» интеллектуальными и социокультурными барьерами. Ф. Ницше, конструирует интеллектуальную страту в виде «свободных умов» и «гениальных личностей» с великим независимым духом и элитарно-аристократической субкультурой, образующих интеллектуальную элиту, резко отделяя ее от «людей неполных», «вульгарных масс», недоделанных в культурном, моральном и интеллектуальном плане.

Собственно сам термин «элита» вводится в научный оборот на рубеже XIX – XX веков признанными классиками теорий элит В. Парето, Г. Моска и Р. Михельсом, которые восходят к макиавеллистской традиции дихотомического деления общества на элиту и массу, и объектом своего исследования преимущественно видят правящую, политическую элиту. Вместе с тем В. Парето дает широкое антропологическое определение элиты и выводит закон циркуляции элит, по которому правящая элита для недопущения своего революционного свержения должна пополнять свои ряды одаренными выходцами из низов. Также он предлагает индексный подход оценки индивидуальных качеств, способностей и достижений для определения достойных индивидов, в том числе и гениев как носителей разума и выдающихся личностей, способных возвышаться над обыденностью,

отделяться от человеческих масс и руководить ими. Г. Моска в своей работе «Правящий класс» окончательно закрепляет деление общества на класс правящий и класс управляемый, где первый всегда составляет организованное меньшинство, монополизировавший властные, социокультурные и идеологические функции посредством своего материального, интеллектуального и морального превосходства за счет постепенного притока новых интеллектуальных сил и узурпации общественных институтов. Р. Михельс вывел «железный закон олигархических тенденций», по которому даже самая демократическая организация со временем вырождается в олигархию во главе с закрытой правящей элитой со своей определенной субкультурой, которая стремится удержать свое господствующее положение всеми средствами. При этом Михельс утверждает, что для эффективного господства меньшинства над большинством, а также положения того или иного индивида в правящей элите не достаточно только экономического, социального или культурного превосходства, необходимо еще и превосходство интеллекта.

Для исследования генезиса и функционирования интеллектуальной элиты особый интерес представляет интерпретация проблемы «элита – масса» Х. Ортеги-и-Гассета с позиции «восстания масс» и их триумфа над элитой, что неуклонно приводит к упадку высокой аристократической культуры и общему кризису европейской цивилизации. По его глубокому убеждению, степень успешности развития общества зависит от степени его аристократичности, где элита занимает главенствующие позиции сообразно уровню своего культурного, морально-нравственного и интеллектуального превосходства, а человек толпы знает свое соответствующее место.

Против воцарения такого «триумфа гипердемократии», погрязшей во власти финансового капитала и коррупции, выступал и О. Шпенглер в «Закате Европы», о чем в свое время предупреждали еще Платон и Макиавелли. В результате Шпенглер отводит ведущие позиции «небольшому количеству людей выдающегося ума», стремящихся к сохранению культурной самобытности и сплывающих их морально-этическими нормами.

Особый ракурс видения проблем структуры и положения интеллектуальной элиты, а также ее значения и роли по обеспечению легитимности правящей элиты внес А. Грамши. В «Тюремных тетрадах» он через понятие гегемонии раскрывает общественную стратификацию, основанную на насильственном принуждении и благожелательном согласии. Обеспечение последнего – прерогатива именно интеллектуальной элиты, состоящей из «традиционных» и «органических» интеллектуалов, обладающих соответствующими компетенциями и формирующих таким образом «культурное ядро» общества, на котором в свою очередь основывается гегемония и культурно-идеологические установки всего народа в целом.

Меритократической парадигмы исследования интеллектуальных элит придерживаются М. Янг и Д. Белл, которые интерпретируют классические теории элит как правление лучших и достойных, наиболее талантливых и компетентных индивидов из всех слоев общества, которые могут и должны занимать ведущие позиции в обществе не по праву своего рождения, а по своим фактическим заслугам. Они сформулировали такую социокультурную концепцию меритократии, по которой интеллектуальная элита выступает в качестве носителя уникальных интеллектуальных ресурсов и новой элитарной культуры, в результате чего вносит наибольший вклад в развитие общества и по праву должна входить в состав правящей элиты.

В настоящем исследовании также рассматриваются другие зарубежные концепции и взгляды на проблему элит и интеллектуальных движений таких исследователей, как Арон Р., Бауман З., Бергер П., Валлерстайн И. М., Гоулднер А. У., Дарендроф Р. Г., Коллинз Р., Страда В., Лиотар Ж. -Ф. Лэш К., Манхейм К., Миллс Ч. Р., Рассел Б., Сартори Дж., Субири К., Тамаш П., Тойнби А. Дж., Тоффлер Э., Флорида Р., Хабермас Ю., Ясперс К. на предмет выявления в них социокультурного ракурса рассматриваемой проблематики.

Что касается отечественной традиции исследования элит, то наиболее артикулированно «проблема элит прозвучала в середине прошлого века в трудах Г. К. Ашина, которому удалось представить на тот момент имеющийся

мировой опыт в исследовании различных типов элит. Именно Ашин вводит в научный оборот термин “элитология” (признаваемый сегодня в качестве отдельной отрасли научного знания), что, на наш взгляд, без преувеличения можно считать отправным пунктом исследования элит в отечественной научной мысли. Уже с 1989 года образуется сектор исследования элит в Институте социологии РАН во главе с О. В. Крыштановской, проводятся также исследования общественного мнения аналитическим центром Ю. А. Левады и др. Наряду с этим растет количество публикаций, книг, переводов, статей, защищенных диссертаций» [2, с. 57], актуализирующих различные аспекты исследования элит и др.

В настоящее время проблема элит и стратификационных процессов активно исследуется и обсуждается широким спектром общественных наук. Среди отечественных исследователей-элитологов серьезные научные разработки принадлежат таким известным именам российских ученых, как Ашин Г. К., Гаман-Голутвина О. В., Дука А. В., Карабущенко П. Л., Крыштановская О. В. и др., в работах которых освещались проблемы, рассматриваемые в нашем диссертационном исследовании.

Значительное влияние на разработку культурологического аспекта исследования феномена интеллектуальной элиты оказали фундаментальные идеи и представления Зиновьева А. А., Кара-Мурза С. Г., Панарина А. С., имеющие широчайший гуманитарный охват, что позволило взглянуть на выбранную проблематику во всем ее многообразии. Среди исторических, философских, социальных и собственно культурных исследований, с разных сторон освещающих столь сложный и многогранный феномен элиты, но в то же время приближающих к его культурологическому осмыслению, следует выделить имена следующих авторов: Блейхер О. В., Бондаренко Е. А., Галкин Д. В., Гасилина Ю. И., Гертнер С. Л., Давыдов В. А., Кирчик О. И., Комиссаренко С. С., Кошелева А. В., Нарский И. В., Новопашин С. С., Пархоменко Т. А., Снарская Е. В., Фирсов Д. Е., Шувалова М. В.

Отдельно следует выделить авторов работ, носящих методологический характер – это Гадлевская О. В., Кайбушев А. Д., Логинова О. А., Наронская А. Г., Резанова З. И., Шевелев А. А. На основании этих и ряда других авторов в настоящем диссертационном исследовании дан развернутый анализ методологической проблематики в исследовании интеллектуальных элит, выявляется значимость и перспективность их культурологического осмысления.

Собственно сам социокультурный дискурс вокруг феномена интеллектуальной элиты, а также ее взаимоотношений с правящей элитой и обществом представлен такими отечественными авторами, как Григорьев Л. М., Довженко Ю. С., Захарова О. Д., Иноземцев В. Л., Ипатов А. М., Казакова В. И., Кислицин С. А., Кокин А. В., Корнев С., Кремень В. Г., Кузьмина Т. А., Куренной В. А., Куш Т. В., Левинтова Е. М., Лашкевич Т. Г., Мартьянов В. С., Михайловский А. В., Мусихин Г. И., Орлов М. И., Резаков Р. Г., Реймерс Н. Ф., Савельев А. Д., Татарина Ю. Н., Фадеева Л. А., Филиппов А. Ф., Фомина В. Н., в работах которых затрагивались исследуемые в нашем диссертационном исследовании проблемы.

Важной методологической проблемой в культурологическом исследовании интеллектуальной элиты современной России является научная корректность применения термина «интеллектуальная элита» при его использовании и соотнесении с такими терминами как «интеллигенция» и «научная элита». Для разрешения указанной проблемы в диссертационном исследовании был проведен содержательный анализ ряда работ таких отечественных исследователей, как Гаспаров М. Л., Голубева Ю. В., Дакоро М. А., Ильин, А. Н., Кальной И. И., Краснухина Е. К., Кустарев А., Лотман М. Ю., Межуев В. М., Микешин М. И., Покровский Н. Е., Севастьянов А. Н., Соколов А. В., Струве П. Б., Тощенко Ж. Т., Успенский Б. А., Фирсов Б. М., Ярош Н. Н., а также их соотнесение с зарубежной исследовательской традицией на предмет выявления противоречий и общих точек пересечения.

В целом, проведенный нами анализ публикаций по теме исследования показывает, что, несмотря на то, что в ряде отечественных научных работ и практических исследований уделено некоторое внимание интеллектуальной элите современной России, целостное осмысление данного феномена в культурологических аспектах пока находится в стадии своего формирования. Зародившись в недрах социологической мысли, «теории элит продолжают развиваться в рамках устоявшихся парадигм, <...> а объектом исследования выступают преимущественно политические, экономические и даже военные элиты» [2, с. 59]. Вместе с тем многие исследователи обращают внимание на отсутствие в современных отечественных исследованиях культурологических работ по проблемам элитогенеза и интеллектуальной элиты в качестве общечеловеческого социокультурного феномена, как культурно-антропологической общности, оказывающей влияние на отечественную культуру и ее развитие. Данным обстоятельством, с одной стороны, обусловлена необходимость концептуализации роли и значения интеллектуальной элиты в социокультурном пространстве России, а с другой – актуальность и научная значимость темы диссертационного исследования.

Проблема исследования. На современном этапе развития отечественных социально-гуманитарных исследований возникает противоречие: с одной стороны, возрастает научный интерес к феномену интеллектуальной элиты в качестве действенного субъекта модернизации страны, как в общетеоретическом, так и в историческом, политическом, идеологическом, культурологическом отношениях, с другой – практическое отсутствие в научной литературе комплексных фундаментальных исследований, выявляющих генезис, сущностные черты, роль и функции, выполняемые интеллектуальной элитой на современном этапе развития России. Это ставит вопрос о конструировании современного понимания интеллектуальной элиты во всем богатстве ее характеристик, функций и потенциальной роли в современной России.

Объектом исследования является интеллектуальная элита как социокультурный феномен.

Предмет исследования – генезис и специфика функционирования интеллектуальной элиты современной России как социокультурного явления.

Цель исследования – концептуализация феномена интеллектуальной элиты в качестве одного из действенных субъектов модернизации России.

Поставленная цель, а также обозначенная проблема, объект и предмет исследования конкретизируется в решении следующих **задач**:

1. Проанализировать основные теоретико-методологические подходы к исследованию феномена интеллектуальной элиты с учетом устоявшихся элитологических дефиниций «элитный», «элитарный», «эгалитарный», «меритократический», «альтиметрический» для конкретизации проблемного поля исследования.

2. Выявить и обосновать критериальные характеристики принадлежности к интеллектуальной элите.

3. Предложить авторское понимание феномена «интеллектуальная элита России» в современном социокультурном пространстве с целью его дальнейшей экспликации в проводимом исследовании.

4. На основании полученных результатов выявить социокультурные основания демаркации интеллектуальной элиты, интеллигенции и научной элиты.

5. Определить и охарактеризовать потенциальные и выполняемые интеллектуальной элитой функции, посредством которых происходит реализация ее интеллектуального капитала.

6. Исследовать диалектику взаимоотношений правящей элиты современной России и интеллектуальной элиты.

Теоретико-методологическая основа исследования определяется совокупностью использованных методов. Комплексный характер рассматриваемой проблемы определил наше обращение к системной

методологии, при которой все уровни и стороны рассматриваемого явления органически связаны между собой и каждая из которых выполняет свою закономерную роль в функционировании и социокультурной динамике. Свое широкое применение нашли принципы, идеи и положения социокультурного подхода к анализу рассматриваемых в исследовании феноменов и совокупности их характеристик для их идентификации и сопоставления в общем контексте культуры и общества, частью которых они выступают. При анализе структуры современного российского общества для выделения интеллектуальной элиты, определения ее места и роли были задействованы методы стратификационного анализа, структурно-функционального и ценностно-нормативного подходов, а также общенаучные принципы и методы исследования: непротиворечивости, анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному, индукция и дедукция, методы исторических и культурных аналогий, сравнительный анализ, что в конечном итоге обеспечило надежность и достоверность полученных результатов.

В работе использованы идеи и теории социальной стратификации зарубежных и отечественных исследователей широкого спектра общественных наук, начиная с идей общественной дифференциации Конфуция, Платона и Аристотеля, до общепризнанных классических теорий элит В. Парето, Г. Моска и Р. Михельса, заканчивая современными концепциями общественного деления Г. К. Ашина, П. Л. Карабущенко, О. В. Крыштановской и др. Также в диссертационном исследовании были задействованы концепции меритократии (М. Янг, А. У. Гоулднер), теории постиндустриального общества (Д. Белл, В. И. Иноземцев), идеи утопического социализма (Т. Мор, Т. Кампанелла), теории общественного договора (Т. Гоббс, Ж. -Ж. Руссо). Особо значимыми для нашей работы стали концепции элитарно-аристократического развития культуры А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Х. Ортеги-и-Гассета, О. Шпенглера, а также теории гегемонии и легитимности А. Грамши и Р. Коллинза.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Наряду с широко применяемой при исследовании элит структурно-функциональной методологией для более глубокого и фундаментального осмысления феномена интеллектуальной элиты аргументирована перспективность ценностно-нормативного подхода, выявляющего также сущностное содержание различных элитологических дефиниций.

2. Определен ряд критериальных характеристик, конституирующих интеллектуальную элиту и ее представителей: высокий уровень развития интеллектуальных способностей; высокие стандарты образования; универсализм; высокий адаптивный потенциал; исключительная мобильность; самоидентификация в качестве представителя интеллектуальной элиты; высокая продуктивность и результативность интеллектуальной деятельности; признание со стороны интеллектуального сообщества; специфическая культура критического дискурса.

3. Концептуализирован термин «интеллектуальная элита России» в качестве социокультурного сообщества наиболее авторитетных культурных производителей новых ценностно-смысловых универсумов в сфере сложного рационально-мыслительного труда, задающих во многом темп и вектор общественного развития и имеющих набор устойчивых признаков (высокий уровень аналитических способностей, творческое и продуктивно-инновационное мышление, ригоризм, высокая степень интеллектуальной и критической рефлексии).

4. Аргументированы основания демаркации интеллектуальной элиты, интеллигенции и научной элиты по этимологическим особенностям, количественному и профессиональному признакам, критерию продуктивности интеллектуальной деятельности, специфической культуре речевого мышления и выражения, а также различным системам ценностно-смысловых ориентаций.

5. Выявлены следующие ключевые функции интеллектуальной элиты: познавательная (гносеологическая); стратегическая; управленческая; коммуникативная; инновационная; консультационная (экспертная); функция

критической рефлексии; контролирующая; стабилизационная; интегративная; прогностическая; функция рационализации существующего порядка; аксиологическая (ценностно-нормативная); функция обогащения и развития интеллектуальной культуры; функция структурирования новой иерархии и неравенства.

6. Выстроена и обоснована эффективная система отношений между интеллектуальной и правящей элитой современной России, по которой представители интеллектуальной элиты являются важными субъектами развития не только в качестве консультантов и экспертов для правящей элиты, но и в роли эффективных ресурсов ее интеллектуального обновления. С одной стороны, происходит легитимация статусного положения правящей элиты в глазах масс и недопущение собственного декаданса, с другой – интеллектуальная элита выступает в роли действенного субъекта модернизации России, государственной идеологии и политики.

Научная новизна исследования конкретизирована в следующих основных **положениях, выносимых на защиту:**

1. Проблемы иерархизации социального бытия по интеллектуальному признаку были заложены в культурах Древнего Китая и Античности, где общей идейно-содержательной основой стала меритократическая парадигма общественного деления, по которой власть в обществе должна принадлежать лучшим, компетентным, интеллектуально и нравственно развитым индивидам. По мере развития и усложнения социокультурного пространства данная идея эволюционировала, претерпевала череду интерпретаций в различных стратификационных концепциях, а также теориях элит, но неизменным оставалось одно – этимологический и нормативно-методологический стержень, по которому люди исключительных дарований, чей интеллект является двигателем исторического развития, могут быть названы элитой в полном меритократическом содержании этого понятия. При раскрытии сущностного содержания интеллектуальной элиты превалирующей становится меритократическая (ценностно-нормативная) парадигма в сравнении с

альтиметической (структурно-функциональной), широко применяемой сегодня при исследовании других типов элит.

2. Идентификация и конституирование интеллектуальной элиты в социокультурном пространстве современной России осуществляется на основании ряда следующих критериальных характеристик: а) высокий уровень развития интеллектуальных способностей; б) высокие стандарты образования; в) универсализм; г) исключительная мобильность; д) высокий адаптивный потенциал; е) самоидентификация в качестве представителя интеллектуальной элиты; ж) продуктивность и результативность интеллектуальной деятельности; з) признание со стороны интеллектуального сообщества; и) специфическая культура критического дискурса.

3. Применительно к России характеристики необходимой и желательной интеллектуальной элиты можно охарактеризовать следующим образом: это социокультурное сообщество наиболее авторитетных культурных производителей новых ценностно-смысловых универсумов (знания, идеи, смыслы, формы, модели, ценности) в сфере сложного рационально-мыслительного труда, обладающих такими устойчивыми характеристиками, как высокий уровень аналитических способностей, творческое и продуктивно-инновационное мышление, ригоризм, высокая степень интеллектуальной и критической рефлексии, признаваемых сообществом и задающих во многом темп и вектор общественного развития.

4. Свое широкое распространение термины «интеллектуал» и «интеллигент» получили во второй половине XIX века в европейской и русской культуре соответственно. Однако установлено, что даже их этимология берет свое начало еще в латинской письменности (лат. *Intellectus* – знающий, умный, мыслящий, понимающий, рассудочный), но только термин «интеллектуал», попав на русскую почву через европейские языки, получил в обыденном употреблении значение с пренебрежительным оттенком, в то время как «интеллигент» был объявлен самобытным отечественным феноменом с наивысшим чувством совести и ответственности перед обществом. Данная

этимологическая тенденция легла в основу отечественных исследований, став их неотъемлемой методологической установкой. При этом интеллигенция и интеллектуалы восходят к одним и тем же источникам мировой культуры, имеют общие корни, но представляют собой различные элементы единого духовно-интеллектуального пространства с отличительными системами ценностно-смысловых ориентаций. Если для представителей интеллектуальной элиты характерно производство новых смыслов, идей и идеологий, постоянная критическая рефлексия над ними, то интеллигенции свойственно их творческое восприятие, интерпретация и ретрансляция в социум. Представитель интеллектуальной элиты тяготеет к рациональности и прагматизму, придерживается разумно-рефлексивного способа мышления, стремящегося к истинности и содержательности. Интеллигенцию отличает, прежде всего, нравственный императив и этическое самоопределение.

Стремление к поиску истины, реальные достижения и выдающиеся результаты, ведущие все общество по пути прогресса и культурной эволюции, сближают интеллектуальную элиту с научным типом элиты. Количественно интеллигенция шире интеллектуальной элиты и частично может пересекаться с ней, в то время как научную элиту можно отнести к одной из важных составных частей интеллектуальной, входящей в ее состав в качестве субэлиты.

5. Интеллектуальная элита реализует ряд следующих функций, посредством которых происходит фактическая реализация ее интеллектуального капитала в социокультурном пространстве: а) познавательная (гносеологическая); б) стратегическая; в) управленческая; г) коммуникативная; д) инновационная; е) консультационная (экспертная); ж) критическая рефлексия; з) контролирующая; и) стабилизационная; к) интегративная; л) прогностическая; м) рационализация существующего порядка; н) аксиологическая (ценностно-нормативная); о) обогащения и развития интеллектуальной культуры; п) структурирования новой иерархии и неравенства.

6. Сегодня интеллектуальная элита России, в сравнении с правящей или экономической элитой, не располагает прямыми властными ресурсами, не представляет собой автономную консолидированную общественную силу как таковую, а скорее как процесс ее становления. Однако символическая власть представителей интеллектуальной элиты (власть знаний, власть форм и идей), основанная на научном авторитете, информации и культурной легитимности, может эффективно реализовываться посредством вхождения в состав правящей элиты.

В результате возрастает роль и значение интеллектуальной элиты, оказывающей значительное влияние на общественное мнение, ключевые процессы, происходящие в стране, в существенной степени определять их ход и характер социокультурного развития. Вместе с тем обнаруживается однонаправленный характер мобильности и заградительные барьеры инкорпорации в интеллектуальную элиту представителей из политики, в то время как выдающиеся интеллектуальные фигуры в принципе могут пополнить состав правящей элиты. При этом выделяется три необходимые тенденции: качественное обновление правящей элиты, что не позволит ей вырождаться; легитимация статусного положения в глазах масс, вызывая меньше опасений в своей компетентности и элитном статусе; интеллектуальная элита оказывает положительное влияние на развитие современности в роли полноправного субъекта государственной идеологии, политики, экономики и культуры.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что на основе обширного теоретико-эмпирического материала отечественных и зарубежных исследователей разработана теоретико-методологическая модель социокультурного осмысления сущности феномена интеллектуальной элиты, которая в частности позволяет определить ее сложную структуру, выделить критериальные характеристики принадлежности к ней, выявить роль и функции, выполняемые интеллектуальной элитой. Предложенная модель обладает эвристичностью в решении ряда научных дискуссионных проблем соотношения места и роли интеллектуальной элиты, интеллигенции, правящей и

научной элиты в социокультурных процессах современной России, чем расширяется проблемное поле культурологии как знания о культуре интегративного уровня. В работе разработаны основы концептуального видения феномена интеллектуальной элиты, которые вносят серьезный вклад в создание ее многомерной концептуальной модели не только с точки зрения культурологии, но и философии, социологии, политологии, зарождающейся элитологии.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения результатов и выводов диссертации в высшей школе при разработке учебных пособий, подготовке спецкурсов, проведении семинарских занятий и практикумов по философии культуры, социальной антропологии, культурологии, политологии, социологии, интеллектуало- и интеллигентоведении, теории элит (элитологии), а также в методических разработках в области теории и истории культуры. Материалы диссертационной работы могут найти применение при проведении исследований элитологического и стратификационного характера в культурно-социальной сфере социальными институтами, общественными организациями и органами государственной власти при определении культурной стратегии и формулировании интеллектуального вектора развития страны.

Апробация работы. Основные положения диссертации освещались на Российской научно-практической конференции с международным участием «Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте» (Кемерово-Далянь, 22.11.2010г.); Международном научно-практическом форуме «Славянский мир. Диалог культур» (Кемерово-Омск, 17-18.2011); на межрегиональных научно-практических конференциях «Актуальные проблемы социокультурных исследований» (Кемерово, 2009, 2010, 2011 гг.), Международной научно-практической конференции «Интеллектуальный и кадровый потенциал современной науки» (Петрозаводск, 11.11.2020).

Диссертация в полном объеме обсуждалась на заседании кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (шести параграфов), заключения и списка литературы из 182 источников.

Глава 1. ГЕНЕЗИС ИДЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ИХ РАЗВИТИЯ

1.1. Теоретические основания осмысления элит в социокультурной мысли прошлого

Несмотря на то, что сам термин «элита» вошел в научный оборот лишь в конце XIX и утвердился в начале XX века, большинство современных исследователей элит утверждают, что 2,5 тысячи лет назад четко прослеживается рефлексия относительно этого феномена. И действительно сущностная природа выдающегося человека волновала философские умы уже на самых ранних этапах человеческой истории. Его роль представил еще немецкий философ Карл Ясперс в своей концепции «осевого времени» или «осевой эпохи», датируемой им между 800 и 200 годами до н.э., когда на смену мифологическому представлению о мире приходит его рациональное осмысление, появляются философские системы его обоснования и когда на исторической арене появился человек такого типа, который продолжает существовать и сегодня [175, с. 32-33]. В относительно короткий (по историческим меркам) промежуток времени обнаруживается высокая концентрация одаренных индивидов.

Содержание интеллектуального потенциала общества не остается неизменным в ходе исторического процесса, равно как и сами представления о носителях высших в глазах общества интеллектуальных способностях. И, как следствие, представления о выдающемся индивиде, связанные с характерным для каждого общества миропониманием, способом мышления и критериальной шкалой оценки интеллектуальных способностей, весьма различаются как в различных культурах, так и в рамках одной этнокультурной общности на различных исторических этапах. При этом прослеживается двоякая ситуация, когда имена известных философов с уверенностью можно отнести к представителям интеллектуальной элиты своей эпохи и, в тоже время, их

независимость и отстраненность относительно всей массы. В результате, с одной стороны, создавались теоретические конструкции об исключительности, избранности, одаренности выдающихся личностей, оказывавших огромное влияние на всю массу, а с другой – создателями этих конструкций были неординарные, творческие личности, интеллектуальная деятельность которых служила неоспоримым доказательством существования в обществе соответствующей элиты.

Прежде чем приступить к исследованию феномена интеллектуальной элиты, необходимо ввести и различить понятия, которыми мы будем оперировать на протяжении всей работы. Речь идет о производных от термина «элита», а именно «элитарный», «элитный», «эгалитарный». Они эффективно применимы не только к современным элитологическим исследованиям, но и к наследию прошлого. На практике происходит смешение данных терминов. Одним из первых провел их методологическое разграничение и систематизацию Г. К. Ашин [8, с. 12-14]. По его справедливому замечанию общей методологической базой, на которой строятся эти концепции является положение о том, что в обществе существует разделение на элиту и массу, однако, в рамках каждой из концепций данная дихотомия приобретает собственное обоснование: от тотальной приверженности ей до полного порицания и отрицания.

Историческое первенство принадлежит концепции элитаризма (Платон, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет и др.). Элитаризм основан на аристократическом и глубоко консервативном мировоззрении, по которому деление общества на элиту и массу является имманентным признаком любой процветающей цивилизации, отсутствие же такого деления свидетельствует об отсталости и неразвитости. Развитие общества, по мнению элитаристов, и является следствием развития элиты в нем. Чем более аристократично общество, тем оно выше как общество. Элита в рамках концепции элитаризма фактически является закрытой привилегированной группой, критерии инкорпорации в которую строго регламентированы и охраняются членами самой элиты, не

допуская в свои ряды чужаков. Именно закрытость элиты есть яркая отличительная особенность элитаризма, однако рекрутация в состав элиты все же происходит, но по разным основаниям в зависимости от исторического контекста и типа социокультурной общности. Это может быть ярко выраженная консервативно-аристократическая тенденция и ее крайняя форма – «элита крови», что характерно для ранних обществ, или более поздние варианты «элиты богатства» или «элиты престижа», что, впрочем, не исключает из взаимопереплетения.

Эгалитаризм (от фр. *egalite* – равенство) является полной противоположностью элитаризма (Т. Мор, Т. Кампанелла, А. Сен-Симон, Ж. - Ж. Руссо и др). Для сторонников эгалитарной концепции неприемлемо дихотомическое деление общества на элиту и массу; наличие элиты для них – вызов фундаментальным ценностям общества – политическим, правовым, культурным, экономическим. Сам эгалитаризм является довольно неоднородным набором представлений, варьирующихся от грубой уравнительности, начиная с полного имущественного равенства (радикальный эгалитаризм) до более воздержанных представлений, ограничивающихся набором общих гражданских прав (умеренный эгалитаризм). «Причем отрицательное отношение к имущественному неравенству порой перерастало в отрицательное отношение к неравенству вообще, например, к отрицательному отношению к интеллектуальному неравенству» [168, с. 197].

Идеи эгалитаризма, как мы в дальнейшем увидим, появились еще в Древнем мире и не теряют своей значимости и сегодня, однако, с точки зрения их применимости к элитологическим исследованиям являются малоэффективными и практически не используются, поскольку идут вразрез с основными элитологическими постулатами. Однако не стоит забывать об идейной основе эгалитаризма, которая не теряет своей актуальности и сегодня и на которой зиждутся принципы равенства возможностей, а также концепции утопического социализма, коммунизма и в немалой степени демократии.

И, наконец, третий термин, наиболее часто используемый при исследовании элит – элитизм (К. Мангейм, Р. Арон, Дж. Сартори и др.), который предельно упрощенно можно представить как своего рода консенсус между двумя полярными точками зрения на элиту – элитаризмом и эгалитаризмом. Одной из особенностей современного исторического этапа явилось усложнение социальных структур и процессов в них происходящих, повлекших за собой усиление неустойчивости социальных статусов. Культуре постмодерна свойственна относительность, стремление избежать абсолютизации противоположных концепций, уход от упрощений, направленность на полиаспектность, на плюрализм, а также стремление доказать, что противостоящие концепции должны не противостоять, а взаимодополнять друг друга. Если элитаризм придерживался дихотомического деления общества на элиту и массу, то элитизм ослабил это, сохранив за элитой ключевые позиции в обществе в качестве его скелета и движущей силы прогресса и отведя широким народным массам особое, уже не уничижительное место в общественной жизни. «Элитизм, как и элитаризм, исходит из дихотомии элита-масса. Однако теория допускает возможность вертикальной социальной мобильности, достижения властных постов отличающимися высокими интеллектуальными способностями выходцев из низших слоев общества» [153, с. 11], – приходит к выводу Ю. Н. Татарина. Народ (масса) представлены теперь в виде равноправного гражданского общества (идея, взятая из эгалитаризма), которое способно выдвигать свою собственную элиту, удовлетворяющую потребностям и чаяниям большинства. Между гражданским обществом и элитой заключается общественный договор, когда элите передается вся полнота власти (и соответственно привилегии связанные с ней), но в обмен на это на элиту возлагается особая ответственность за суверенитет народа, его гражданские права и свободы.

В концепциях элитизма происходит постепенный уход от идеи аристократизма элиты как закрытой для неполноценных масс страты. Элита становится более открытой для достойных индивидов из иных социальных

слоев, вплоть до социальных низов. Принцип «элиты по крови» сменяется новым принципом «элиты по способностям». В рамках рассматриваемой концепции начинают фигурировать такие понятия как «социальная мобильность», «социальные лифты», «меритократия» и др. Элитистская концепция представляется более приемлемой (в отличие от двух предшествующих) как для самой элиты, поскольку позволяет ей легитимно занимать соответствующее место в социальной иерархии, так и для массы, в этой легитимности все менее сомневающийся.

Концепции элитаризма, эгалитаризма и элитизма крайне редко встречаются в своем чистом виде, переплетаясь между собой, взаимодополняя и взаимообуславливая друг друга. Поэтому возникают сложности при попытке отнесения трудов и идей того или иного исследователя к одной из концепций. Даже труды античных философов (не говоря уже про классические и современные теории элит) нельзя однозначно трактовать как принадлежащие к исключительно одной из концепций.

Масштабно проблемы иерархизации социального бытия были затронуты в рамках античной философии Платоном и Аристотелем, однако, узловые моменты отражения социальной стратификации мы обнаруживаем уже в философии Древнего Китая.

Примером этому может служить древнекитайский коллективный трактат «Гуань-цзы» (IV-II вв. до н.э.). Существенно отметить при этом, что «период создания “Гуань-цзы” характеризуется тем, что в то время уже сформировалась культурно-политическая элита, в среде которой создавались письменные тексты, составлявшие основу общекитайской традиционной культуры» [166, с. 10]. В рассматриваемом письменном памятнике зафиксированы первые практические шаги обустройства общественной системы по принципу классового деления, а также первые теоретические мысли, легитимирующие такую систему. Отправным пунктом для написания трактата стали идеи государственного деятеля Гуань Чжуна (ум. в 645 г. до н.э.), прославившегося своими реформами, которые послужили толчком развития теории и практики

легизма в Китае, ставившего закон не только выше народа, но и правителя. Но, согласно канонам легизма, существует одно исключение – это сама элита. Сама легистская практика раскрывает общественную дифференциацию Китая того времени, вычлняя элитную прослойку, когда разработчиками законов являются мудрецы-реформаторы, издает их государь, а за их осуществлением следят специально отобранные чиновники и министры, для того чтобы народ (масса) под страхом суровых наказаний их неукоснительно соблюдал. Закон и элита в данном случае выступают как понятия конвергентные; элита является прямым выразителем норм и правил жизнеустройства.

В контексте дальнейшего исследования важно отметить, что легизм придерживался меритократического подхода вхождения в элиту. Любой простолюдин благодаря своим качествам и реальным заслугам мог дослужиться до поста первого министра. Один из ярких представителей легизма Шан Ян (IV в. до н.э.) за свои заслуги перед государем был пожалован правителем области Шан. Он был сторонником выдвигать в первую очередь тех, кто доказал преданность своему царству и государю на службе и в войске. Шан Ян явился инициатором ряда идей, реформ и указов, которые были изложены в «Книге правителей области Шан»: теория равных возможностей, госрегулирование важнейших сфер жизни, система рангов знатности, принцип коллективной ответственности перед законом и т.п.: «В древности, еще до того как появились правители и сановники, высшие и низшие, не было порядка меж людьми и никто не управлял ими. Поэтому совершенномудрые разделили людей на знатных и простых, установили ранги знатности и должности, ввели наименования и титулы, дабы можно было отличать правителя от сановников, высших от низших» [72, с. 226]. Общественная стратификация, по Шан Яну, не произошла сама собой, а явилась прерогативой «совершенномудрых» для установления порядка. Эта мысль будет наполнена новым содержанием в учении Конфуция о «благородных мужах», а затем и Платона о «философах-правителях». После того как учение Шан Яна было воспринято сторонниками конфуцианской школы, произошел синтез позднего легизма и конфуцианства,

которое посредством этого смогло приспособиться к нуждам империи и превратиться в государственную идеологию, просуществовавшую вплоть до Синхайской революции 1911-1913гг.

Учение Конфуция являет собой систему взглядов, содержащую в себе представления о должном в сфере управления государством. Он выстроил и обосновал систему, которая призвана была служить иерархизации социального порядка по которой «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном» [131, с. 85]. Проповедуемый им примат нравственности определялся стремлением китайского духа к всеобщему порядку, справедливости, устойчивому развитию, спокойствию и гармонии. В учении Конфуция предстает некий идеал мудрецов-правителей, которые во главе с императором (сыном неба) призваны управлять обществом, основываясь на универсальных принципах добродетели. Однако понятие благородного мужа (цзюнь-цзы) у Конфуция несет в себе двойную смысловую нагрузку: с одной стороны это индивид, принадлежащий к элите по праву своего рождения (т.е. элитарно-аристократическая интерпретация элиты), а с другой – образец совершенномудрого человека, являющегося опорой для императора. Конфуций, однако, признавал, что принадлежность индивида к элите крови не гарантирует его совершенства, но возлагает на него еще большую ответственность для достижения цзюнь-цзы, так как открывает для него более широкие горизонты саморазвития. Для достижения же совершенства необходимо овладеть всеми добродетелями, что трудно ожидать от бедного простолюдина, не способного к постижению мудрости: «И среди благородных мужей бывают не обладающие человеколюбием, но среди маленьких людей встречаются человеколюбивые» [131, с. 101]. «Благородный муж движется вверх, низкий человек движется вниз» [131, с. 106] и участием последнего является труд и беспрекословное повиновение.

Между тем было бы неверно назвать Конфуция крайним элитаристом, а скорее умеренным с большим перевесом в сторону элитизма. Несмотря на то, что Конфуций является сторонником сословно-иерархического деления

общества, центральным элементом его учения является концепт знания. Знание представлено одним из ключевых критериев общественной дифференциации и постижения цзюнь-цзы. Конфуций говорил: «Почтительность без знания должно превращается в самоистязание. Осторожность без знания должно превращается в трусость. Храбрость без знания должно превращается в безрассудство. Прямодушие без знания должно превращается в грубость» [96, с. 142]. Благородным мужем можно стать посредством развития в себе высоких интеллектуальных способностей и моральных добродетелей, а не статусного рождения и положения. Пособием сферы образования конфуцианская идеология предполагала возможность социальной мобильности, а сам Конфуций воспевал выдвижение на руководящие посты людей, обладающих соответствующим морально-нравственным и интеллектуальным багажом. В результате в конфуцианском учении обнаруживается принцип равных возможностей индивидов, но все же не без тотального отрыва от социально происхождения индивида. Каждый человек заключает в себе возможность увеличения наличного в данный момент интеллектуального потенциала. Благодаря образованию, накоплению знаний и следованию аксиологическим категориям конфуцианской этики каждый человек способен достигнуть «цзюнь-цзы», что открывает для него широкие горизонты в системе общественной стратификации. Конфуций полагал, что в людях по природе заложено стремление к самосовершенствованию и что от рождения они обладают более или менее идентичными стартовыми способностями овладевать знаниями, дальнейшее будет зависеть от их воли, усилий и характера, но и в немалой степени от их социального окружения.

Для того чтобы инкорпорация в элиту была максимально эффективной и открытой, Конфуций предложил технологии и механизмы отбора и обучения эффективных правителей и их продвижение по службе. В данном контексте прослеживается четкая конвергентность понятий «благородный муж» и талантливый правитель, они воплощены в одном лице. Таким образом, благородный муж («цзюнь-цзы») представляет собой идеальный нормативный

образец человека, сочетающего в себе интеллектуальное и духовно-нравственное величие с присущим ему правом на высокий социальный статус. Так начала складываться первая образовательная система элит, основанная на интеллектуальных способностях индивида, которая выработала ключевые элементы того, что в дальнейшем будет именоваться принципом равных возможностей в сфере образования.

Узловым моментом для всей социальной структуры Древнего Китая и его основных философских течений, таких как легизм и конфуцианство, является то, что они задали вектор дальнейшего развития всего Китая в опоре на духовно-интеллектуальное совершенствование личности. Ши, а в поздних империях шэньши (буквально «ученые мужи») явились сословием, синтезирующим в себе представителей китайской интеллектуальной элиты различных философских взглядов и устремлений. Придя к власти во времена правления ханьских императоров (III в. до н.э.) «конфуцианцы превратили конкурсные экзамены в главный, а позже фактически в единственный путь, который давал возможность войти в состав правящей элиты» [23, с. 465].

В результате сословие шэньши, формируемое посредством интеллектуального отбора достойных представителей, имело следствием соответствующие материальные и социальные привилегии перед остальным населением. Регулярное естественное обновление слоя за счет новых его членов, обладающих высоконравственными и высокоинтеллектуальными характеристиками, способствовало тому, что важнейшие посты в Поднебесной занимали в основном достойные их люди. Поэтому тех представителей шэньши, которые благодаря своим духовно-интеллектуальным качествам и заслугам смогли добиться высокого положения в обществе можно назвать именно элитой в полном меритократическом содержании этого понятия.

Таким образом, борьба элитарной и эгалитарной парадигм в древнекитайской философской мысли привели к ослаблению первой и, как следствие, возникновению элитизма, апогеем которого можно с уверенностью считать сословие ученых мужей шэньши – древнекитайского прототипа

интеллектуальной меритократии, состоявшего из выдающихся людей того времени, занимавших важные посты и высоко почитаемых в обществе.

Если в китайской теоретической мысли исследование проблем интеллектуальной элиты носило скорее прикладной характер, то в трудах античных мыслителей данный вопрос приобретает черты теоретической конструкции с заявкой на методологическую проработанность, однако, без тотального отрыва от складывающейся действительности. Авторитетным источником по элитологической проблематике древнегреческого периода являются работы Платона. Именно Платон предложил свою «философию избранности», ставшей одним из столпов в фундаменте современной элитологии. Его элитологические взгляды легли в основу дальнейшего осмысления элит такими философами как Аристотель, Н. Макиавелли, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и др. В своей философии избранности Платон создал тип «идеального государства», в котором существует модель «желаемого» человека эллинской культуры. Он решительно выступал против всякого допущения демоса к власти, считая ее уделом аристократии, которая состоит из наиболее одаренных и способных индивидов, обладающих специальными знаниями и умениями, получившими специальное на то образование. Существенным уточнением является то, что «Аристократизм Платона носил преимущественно интеллектуальный и нравственный характер. <...> Лучшей формой правления он считал верховенство лучших людей – мудрых и добродетельных (то есть подлинной элиты)» [8, с. 41]. В данном контексте можно заключить, что в состав элиты по Платону входят все те, кто достиг совершенства как высшей добродетели.

Платон предложил оригинальное представление о человеческой душе в виде ее трехчастного построения – разумного, волевого и чувственного. Каждой из части души соответствует положение индивида в обществе. Так философам-правителям свойственна разумная часть души; волевая часть души отведена войнам-стражам, призванным поддерживать порядок и оберегать философов; чувственную – низшую, вождедеющую часть души Платон оставил

для простых людей (массы), уделом которых является безропотное повиновение правителям и стражам, соблюдение установленных порядков, трудолюбие.

В результате платоновское «идеальное государство» включает три сословия, где на вершине стоят философы-правители. Сословия строго отделены друг от друга во избежание попадания в верхнюю страту людей из массы, так как это может привести к тому, что будет разглашена эзотерическая мудрость философа, к которой обычный человек просто не готов. Мудрость является исключительной прерогативой философа и ему подобных. Платон по этому поводу настаивает: «Переход из одного сословия в другое – величайший вред для государства и с полным правом может считаться высшим преступлением» [132, с. 185], что, в свою очередь, объясняется природными характеристиками представителей данных сословий, между которыми не должно быть никаких отношений.

Однако бы было неправильным называть Платона крайним элитаристом, так как он все же допускал возможность неспособных потомков правителей и стражей попасть в низшие сословия и, наоборот, детей, обладающих исключительными талантами, – вверх по социальной лестнице. В результате формирование сословий, по мысли Платона, происходит посредством выбора, осуществляемого природой, но находящейся под контролем человеческого разума, своевременно исправляющего ее ошибки. Своей мыслью «Платон, экстраполируя процессы искусственного отбора на общества, явился теоретическим отцом евгеники, которое, как целостное учение, было сформулировано во второй половине XIX века Ф. Гальтоном» [8, с. 20].

Отдавая должное природным задаткам, философ не останавливается на этом и говорит о необходимости их развития и совершенствования. Посредством должного воспитания и образования, упорства, а также совершенствования необходимых управленческих качеств, обычный человек может пополнить ряды высшего сословия. Представитель элиты должен быть личностью всесторонне развитой – физически, духовно и интеллектуально.

Сегодня философское учение Платона о государстве принято называть утопическим, так как качественные характеристики предъявляемые им к элите не находят своего подтверждения в реальной жизни. Завышенность требований к личным качествам человека элиты являют собой эталон того, что должно быть в идеале, но не существует в действительности.

Важным для нас является то обстоятельство, что генезис общества рассматривается Платоном сквозь призму культуры. В зависимости от направленности собственной культуры высшее сословие осуществляет созидательную, либо разрушительную деятельность в социуме. Выбор того или иного вектора общественного развития является прямым отражением уровня внутренней культуры высшего сословия, от которого в свою очередь зависит уровень общей культуры. Когда сословие правителей, по мысли Платона, обладает высоким моральным и интеллектуальным обликом, то государство развивается. Если только высшее сословие начинает утрачивать свои высокие культурные эталоны, намечается спад, ведущий к деградации и, как следствие, неизбежен декаданс общей культуры, а вслед за ним и разрушение всего общественного устройства [132, с. 402]. Аристократия в результате своего декаданса перерождается сначала в тимократию, когда у руля находится меньшинство, обладающее высоким имущественным цензом, а затем в олигархию – крайнюю степень проявления власти богатых, которые служат не высоким идеям, а деньгам. Олигархи, в представлении Платона, это уже не элита вообще, либо элита статусная, добравшаяся до вершин общественной иерархии вопреки как логике общественного развития, так и своему происхождению.

Узловым моментом при построении идеального государства Платоном является наличие и главенствование в нем философов-правителей-интеллектуалов. А. Грамши в своей книге «Искусство и политика» размышляет относительно смысла, который вкладывал в термин «философы» Платон: «Разумеется, Платон имел в виду характерный для его времени тип “выдающегося интеллектуала” и вкладывал особый смысл в понятие

“интеллектуальность”, <...> в том широком смысле, который имел в виду Платон, т.е. это была в известном смысле “социальная” деятельность, направленная на совершенствование и воспитание полиса (а также на осуществление интеллектуального руководства и, следовательно, на постижение интеллектуальной гегемонии)» [38, с. 195]. Власть, по Платону, открывает большие горизонты и возможности, поэтому обладать ею и должны самые достойные – философы-интеллектуалы. Они обладают мудростью и поэтому они и только они должны являться главными архитекторами и правителями идеального государства. Платон вновь и вновь повторяет, что «Ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям, пока владыкой государства не станет племя философов» [132, с. 256]. Своей мыслью Платон предвосхитил основополагающий принцип меритократии, согласно которому статус и место индивида в общественной структуре напрямую зависят от его индивидуальных качеств. В дальнейшем эту мысль подхватят, разовьют и интерпретируют исследователи различных эпох и направлений от макиавелистской школы и ценностных теорий элит до леволиберальных элитологов. А его идея о том, что главным условием устойчивого развития социальной системы является наличие в ней интеллектуальной элиты, сегодня воспроизводится во многих вариантах теорий элит. Однако для нас важным у Платона остается то, что «понятие “элита” носит у него не социальный, а именно интеллектуальный характер» [67, с. 152].

Последующие взгляды на идеальное правление, осуществляемое интеллектуальной элитой, представляют собой движение в заданном Платоном направлении. Экстраполяция платоновских идей имело место и у Г. Меджида (который фактически воспроизвел его идеальное государство, лишь немного модернизировав его и поставив во главе угла философскую сверхэлику) и К. Манхейма с его «элитой способностей», отстраненную от масс непреодолимым барьером и др.

Первым продолжателем Платона, равно как и оппонентом, стал его ученик Аристотель. Он классифицировал формы правления и из них выделил

правильные – монархия, аристократия, полиция и их девиации – тирания, олигархия, демократия соответственно. Вследствие нравственной порчи и развития городов-государств место аристократов и монархов заняли их антиподы – олигархи и тираны, а на смену полиции приходит демократия. Э. Д. Фролов отмечает, что «Аристотель усматривает известную связь между ростом правоспособной гражданской массы и видоизменением политических форм – переходом от патриархальной царской власти через аристократию, олигархию и тиранию к демократии» [164, с. 11]. Однако Аристотель, равно как и Платон, крайне резко отзывается о демократии, считая ее властью неуправляемой толпы. Лучшую форму правления в таких условиях Аристотель все же видел в полиции (когда правит большинство в интересах общей пользы), хоть она встречается крайне редко и возможность ее установления невелика.

Таким образом, можно предположить, что Аристотель придерживался взглядов умеренного эгалитаризма, что также находит свое подтверждение в его стремлении к идеалу «золотой середины». Эталоном такой середины для него явилась полиция, при которой достигается главная добродетель – справедливость и, как следствие, устанавливается всеобщее благо. Иными словами, Аристотель, делая ставку на средний класс, мыслит в категориях «усредненности». Полиция у него является средней формой государства и средний элемент здесь превалирует во всем: в нравах – умеренность, в материальных благах – средний достаток, в правлении – средний класс и лучший размер собственности тоже средний. «Государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй <...> и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большом количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности» [5, с. 508]. В результате напрашивается вывод о том, что Аристотель выстроил и довольно четко обосновал теорию среднего класса, которую спустя две с половиной тысячи лет будут пытаться воплощать в жизнь демократические общества.

Важным в элитологическом и социокультурном дискурсе будет внести ясность, что средний класс, описываемый Аристотелем состоял из свободнорожденных граждан военного сословия и граждан, входящих в законосовещательные органы. Оставшаяся же часть так называемого «многочисленного среднего класса», то есть это действительно подавляющее большинство населения полиса, в лице ремесленников, торговцев, земледельцев, женщин, детей, иностранцев (не говоря уже про рабов и бедняков) к данному классу никакого отношения не имели. Аристотель лукавит, когда ратует за утверждение политики во главе с большинством среднего класса, заведомо исключив из его числа большинство жителей государства: «Гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично или вместе с другими» [5, с. 454-455]. Кроме того, «На практике гражданином считается тот, у кого родители – и отец и мать – граждане, а не кто-либо одни из них» [5, с. 446]. Налицо явная интерпретация элиты в ее крайней элитарно-аристократической трактовке.

Далее Аристотель проводит дихотомическое деление общества на элиту и массу, предлагая различать существенные и несущественные, но, тем не менее, необходимые части общества. Так к существенным частям Аристотель относил законосовещательные органы, воинские и жреческие. Несущественными, но необходимыми для каждого государства являются все трудящиеся (земледельцы, ремесленники) и торговое сословие. В результате можно заключить, что идеи Аристотеля о строении общества не является сугубо эгалитарными, скорее он «придерживался умеренно-эгалитаристских взглядов» [8, с. 57]. Однако ему в большей степени приписывается также стремление к элитаризму и завуалированная манифестация аристократии [67, с. 23, 95]. С другой стороны, в его философии также находят свое подтверждение и идеи элитизма, когда говорят о том, что он заложил основы демократического правления и разработал теорию среднего класса. Широчайший охват многих

областей знания, присущий Аристотелю, не мог не привести к противоречивости ряда его представлений и возможности их дальнейшей интерпретации. Однако в рассматриваемой нами части общественной стратификации совершенно четко прослеживается именно элитарная направленность аристотелевского учения.

Другим важным аспектом, детализирующим стратифицированную направленность учения Аристотеля, является его идея относительного равенства. Аристотель выделял два вида равенства: по достоинству и по количеству. Количественный вид равенства Аристотель определял, как номинальный «в смысле размера или количества». Под первым – равенство иного порядка и предполагает распределение благ сообразно достоинствам индивида, его заслугам. В этой связи Б. Рассел кратко и метко подмечает: «Мы все думаем <...> что справедливость требует равенства. Аристотель же думал, что справедливость включает не равенство, а правильную пропорцию, которая лишь иногда является равенством» [134, с. 229]. Однако «безусловно справедливым, – отмечает Аристотель, – может быть только равенство по достоинству» [5, с. 528], так как при таком равенстве каждый индивид согласно уровню своего интеллектуального, морального, культурного развития занимает определенное место в социальной иерархии. Такова справедливость по Аристотелю, которая, безусловно, носит меритократический оттенок.

Между тем, дихотомическое деление общества у Аристотеля обнаруживает себя не только на стадии «распределения равенств», а много раньше, когда «в целях взаимного самосохранения необходимо объединится попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным» [5, с. 377]. Аристотель в данном случае априори наделяет «властвующих и господствующих» умственными свойствами, жестко отделяя

от них «подвластных» с физическими свойствами, удел которых – исполнять полученные указания. Забегая вперед, отметим, что эта мысль Аристотеля находит свое отражение даже в XXI веке, например, в статье Ю. Хабермаса с таким заголовком – «Первым почуять важное: что отличает интеллектуала» [165].

В философском трактате «О душе» по мнению Б. Рассела «Аристотель различает “душу” и “разум”, ставя “разум” выше “души”» [134, с. 226] и далее «разум обладает более высокой функцией мышления, которая не имеет отношения к телу или органам чувств. Следовательно, разум может быть бессмертным, хотя остальная часть души не может» [134, с. 226]. В результате Аристотель предстает в качестве интеллектуалиста, разум является основой для морали. Ум для него представляет высшую степень бытия, отличительную особенность и индикатор развития человека. Аристотель видел в уме сосредоточение всех идей, «форму форм» и неустанно утверждал, что это самое божественное из всего являющегося нам: «Кто проявляет себя в деятельности ума и почитает ум, видимо, устроен наилучшим образом и более всех любезен богам» [5, с. 283]. «И если ум в сравнении с человеком божественен, то и жизнь, подчиненная уму, божественна в сравнении с человеческой жизнью» [5, с. 283]. На первый взгляд Аристотель своей философией стремится к выравниванию жизненных шансов но, что самое важное, не к всеобщему равенству. Все в той же метафизике размышляя на тему мудрости он заключает: «мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и он должен повиноваться другому, а ему – тот, кто менее мудр» [4, с. 68]. Именно уровень интеллектуального развития определяет у Аристотеля место индивида в общественной стратификации, позволяет ему быть причисленным к элите по интеллектуальному признаку.

Суммируя вышеизложенное касательно древнегреческой философской мысли, можно констатировать, что как для Платона, так и для Аристотеля высокий интеллектуальный уровень индивида является показателем его элитности. Это четко прослеживается у Платона, выдвигающего на первый

план философов-правителей, в то время как Аристотель немного ослабляет критериальные требования к интеллектуальной элите. В результате элита в трактовке Аристотеля теряет ярко выраженный аристократический характер и приобретает черты элитизма, однако, в глубинном своем содержании, является всего лишь легитимирующим средством власть имущих. Труды Платона и Аристотеля дали мощный импульс развития элитологических идей в европейской научной мысли. Некоторые исследователи без всякого преувеличения считают их первыми европейскими интеллектуалами в прямом смысле этого слова [20, с. 3].

Новый виток теоретического осмысления идеи Платона и Аристотеля получили в эпоху Возрождения. Признание исключительной роли личности и уход от средневекового пантеизма не могли не способствовать возрождению интереса к проблеме интеллектуальной элиты. Гуманизм эпохи Возрождения утвердил себя в формировании нового течения общественной мысли, основанного на идеях эгалитаризма, ставящего вопрос о неправомерности складывающейся социальной дифференциации и защищающего интересы большинства слоев населения – утопического социализма. Радикальные идеи нового направления в художественно-романтической форме выразили Томас Мор в произведении «Утопия» и Томмазо Кампанелла в «Городе солнца». Сам Т. Мор не скрывает, что его «Утопия» содержит целые пласты платонизма и являет собой своеобразное продолжение идеального государства Платона и в определенной степени политики Аристотеля.

Сюжет книг англичанина Т. Мора и итальянца Т. Кампанеллы довольно прост: в них провозглашаются идеи всеобщего равенства и описывается общественное устройство на острове Утопия и в Городе Солнца, где проживают утопийцы и солярии соответственно. Обе утопии строятся в форме диалога и от имени некоего путешественника, случайно открывшего невиданную страну и благосклонно воспринимающий незнакомый ему миропорядок. Утверждение идеи социального равенства Мор и Кампанелла связывали с ликвидацией частной собственности, упразднением денежного

обращения, всеобщей обязательностью производительного труда, воздержанием от войн и раздоров, равным распределением общественных благ. «Где только есть частная собственность, где все мерят на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел» [110, с. 75]. В данном контексте их проекты социальной справедливости строятся в отрыве от идей Платона (кроме упразднения частной собственности), у которого условием существования идеального государства было сохранение социального неравенства и иерархии, примат аристократизма духа и интеллектуализма философов-правителей. Для Мора и Кампанеллы первичным является достижение общественного равенства и улучшение жизни всего общества, а не его элиты. В результате провозглашения в «Утопии» ряда таких гуманистических принципов и уличение недостатков классового общества, позволили говорить о том, что Мор «пытался разработать детальный план коммунистической организации общественной жизни» [48, с. 186], а Кампанелла, как его последователь, стал оградником этого коммунистического плана, еще более детализируя идеи социального равенства и эгалитаризма.

Между тем, в «Утопии», в отличие от «Города Солнца», существует рабство, что в принципе противоречит идеям равенства. Кроме того, декламация всеобщего равенства даже среди законопослушных граждан не находит своего абсолютного подтверждения в тексте. Здесь мы встречаем ранее рассмотренные нами установки древнекитайских мыслителей, когда женщины должны подчиняться мужьям, дети – родителям, младшие – старшим. В представлении Мора идеальный человек – это человек деятельный, занимающий свое положение в обществе благодаря таланту и труду, а не знатному происхождению. Но для Мора труд интеллектуальный выше физического, в идеальном государстве Утопия посвящать все свое время наукам могут лишь избранные: «В каждом городе имеется лишь немного лиц, которые освобождены от прочих трудов и приставлены только к учению, это именно те, у кого с детства обнаружили прекрасные способности, выдающийся талант и призвание к полезным наукам» [110, с. 98]. В результате

даже в теоретико-утопическом построении своего эгалитарного общества Мор не смог обойтись без выделения интеллектуальной прослойки, формирующейся на принципах меритократии. Здесь Мор акцентируется на качественном содержании человеческой личности, возможности ее развития. Речь идет о воспитании и образовании как основных направлениях воспроизводства интеллектуальной элиты для того «чтобы в еще нежные и гибкие умы мальчиков впитать мысли добрые и полезные для сохранения государства» [110, с. 117]. По сути, Мор рисует образ платоновского идеального правителя, воспитанного на интеллектуальных добродетелях: «В литературной утопии <...> учредителями “наилучшего” устройства выступают исключительные герои. Их уникальность проявляется в непревзойденных интеллектуальных способностях» [167, с. 33].

Еще более отчетливо общественная стратификация по интеллектуальному признаку представлена в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы, написанном через сто лет после «Утопии» Т. Мора. Высшими должностными лицами в Городе, равно как и в «Государстве» Платона, являются философы и мудрецы, сведущие в какой-либо отрасли знания, созерцатели высших идей и на этом основании управляющие всем государством. Они – абсолютные правители и их власть ни у кого не вызывает сомнения и недовольства, так как базируется на принципах меритократии. Верховным правителем является Метафизик или по-другому Солнце, откуда и название города. Им становится наиболее способный, одаренный и всесторонне образованный из всех граждан человек, наиболее полно сведущий в науках, искусствах, ремеслах. У него самые глубокие познания в метафизике, математике, физике, истории, астрономии и др. Правитель является главою светской и духовной власти, окончательное решение по жизненно важным вопросам всегда остается за ним. Его должность несменяема, если только не найдется такой человек, который окажется мудрее своего предшественника. При Верховном правителе состоят три соправителя: Пон (Мощь или Сила – управляет вопросами войны и мира), Син (Мудрость – руководит развитием наук, искусств, всевозможными

учебными заведениями) и Мор (Любовь – ведает вопросами деторождения, воспитания, заключения браков). Эти должности также являются несменяемыми, «если только по совещанию между собой не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим, умнейшим и безупречнейшим» [64, с. 176]. Правящий слой в данном случае близок к политике Аристотеля, но с некоторыми уточнениями, когда верховная власть разделена между тремя соправителями (а это аристократическое начало) и несменным Верховным правителем, что являет собой тенденцию монархическую. Совершенно четко Кампанелла выделил интеллектуальную элиту общества, занимающую свое положение в Городе Солнца сообразно своим качествам, а также и ее верхушку – непревзойденного и бессменного интеллектуала, обладающего немислимым набором качеств, по праву занимающего верховное место в общественной иерархии в соответствии с принципами меритократии.

Существенным уточнением к утопии Кампанеллы будет сказать, что в ней он продолжил и развил евгенические воззрения Платона на формирование элиты крови. По замыслу Кампанеллы, наилучшее общественное устройство распространяется также на семейно-брачные отношения и регламентирует критерии отбора будущих родителей. Он не ограничивается сугубо внешними данными, во внимание принимаются не только физические характеристики будущего родителя, но также его психическое и интеллектуальное развитие. Даже время зачатия определяется строго с научной точки зрения, которое с точностью рассчитывают астролог и врач. В результате Кампанелла упраздняет в своей утопии не только идею рабства, собственности, но также и идею семьи, так как посредством традиционных форм брака и семейной жизни сложно генерировать наилучшее потомство – будущих строителей наилучшего государства. Крайний прагматизм Кампанеллы во взгляде на общность семейно-брачных отношений во многом объясняется его стремлением абсолютизировать принцип всеобщей справедливости, яркой приверженностью автора к своим утопическим идеалам.

Подводя промежуточный итог необходимо отметить важность утопических воззрений для социокультурного осмысления роли интеллектуальных элит. Рассмотрение элит сквозь призму утопий и оценки их деятельности являются существенными составляющими элитологического дискурса. Как правило, утопия ассоциируется с тем, что вряд ли осуществимо на практике и сами авторы утопий говорят нам об этом. Так Аристотель, рисуя свой проект наилучшего государства, отмечает, что это всего лишь является логическим построением и ему трудно найти подтверждение в реальной действительности. Т. Кампанелла, рассматривая выстроенные идеалы как им самим, так и его предшественником Т. Мором называет их не иначе как «образцом для сильного подражания», государственным устройством, «открытым посредством философских умозаключений». Да и сам Мор называл свою «Утопию» «золотой забавной книжечкой». Между тем утопией можно назвать не только то, что неосуществимо, а и нечто иное, отличное от того, что существует. У интеллектуальной элиты всегда существует потребность в новом взгляде на жизнь, переменах, идеалах, совершенном мире. Идеал можно определить как образ, в соответствии с которым индивид формирует свое будущее, стало быть, в согласии с которым он должен действовать уже сегодня. Его мысль в данном случае движется в двух направлениях: от идеала к действительности и от действительности к идеалу. Как отмечает Е. О. Гаврилов «Процесс интеллектуального конструирования, осуществляемый утопистом в чем-то схож с познавательной деятельностью ученого. В ходе создания утопических проектов используются те же процедуры, что и в ситуациях научного эксперимента или моделирования» [26, с. 9]. Утопия, таким образом, является своего рода теоретической интеллектуальной идеализацией по изменению существующей действительности и выполняет целеполагающую функцию, задавая вектор движения.

Принципиально иной позиции придерживался другой представитель эпохи Возрождения Николо Макиавелли. Его взгляды на правящую элиту послужили отправным пунктом для возникновения классических или

макиавеллистских теорий элит (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс и др.) и не утрачивают свою значимость и сегодня. Макиавелли в своем знаменитом трактате «Государь» говорил не о том, что почитается в обществе, а о том, что в нем старательно игнорируется. Макиавелли уходит от бытовавшего представления о должном и акцентируется на низменных характеристиках людей, стремящихся к власти. «О людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива» [95, с. 50]. Поэтому к людям, добравшимся до вершин власти посредством данных качеств, трудно применить термин элита в его полном меритократическом смысле. Но Макиавелли закрывает на это глаза и даже готов оправдать аморальность таких средств, поскольку был ярким борцом за преодоление раздробленности Италии того времени с помощью сильной государственной власти. Макиавелли был убежден, что нет каких-либо достойных осуждения поступков, если они согласуются с высшими государственными целями и направлены, в конечном счете, на всеобщее благо и развитие. Только всесилие власти, какими бы средствами оно не достигалось, способно укрепить государственное устройство и обеспечить общечеловеческое процветание – такова формула оптимального соотношения между мощной государственной властью и гражданами. «Величие Макиавелли как раз и заключается в том, что он отделил политику от этики» [38, с. 472] – заключает А. Грамши, политика у него является самостоятельной областью деятельности, не зависящей от ценностных суждений. Но «величие» это не было оценено по достоинству и уже в 1559 году все сочинения Макиавелли попали в папский «Индекс запрещенных книг».

Однако было бы неверным сказать, что Макиавелли оправдывал аморализм в политике, напротив – он заверял, что правящая элита должна руководствоваться общепринятыми моральными нормами, однако, если они идут вразрез с государственными интересами, то ими можно поступиться. Идеал он видел исключительно в мощной государственной власти и в «мудром доблестном человеке». Таковым является тот, кто обладает двумя методами

правления: твердостью льва (решительность, непоколебимость и сила) и изворотливостью лисы (гибкие политики, обладающие ловкостью, хитростью и коварством) [95, с. 52]. Циркуляция данных типов элит легла в дальнейшем в основу теории элит XX века В. Парето. Многие исследователи стали называть Макиавелли сухим расчетливым эгоистом: «В трактатах Макиавелли формулируется аморальная идеология эгоистического интеллектуализма, провозгласившая: “цель оправдывает средства”» [147, с. 71]. Соответственно двум методам правления государь и должен управлять народом, который, с одной стороны, должен бояться и повиноваться ему, а с другой – любить и быть к нему расположенным. Отсюда появилась знаменитая концепция «макиавеллиевский кентавр», гласящая о том, что власть в государстве держится на двух опорах – силе и согласии.

Вера в прогрессивное развитие человека и его разума, а также всего социокультурного устройства реализовывалась в эпоху Нового времени. На смену теории божественного происхождения государства приходит теория общественного договора, в основе которой заложен принцип легитимации правящей элиты, посредством всеобщего согласия управляемых. Наиболее показательными с этой точки зрения являются работы английского философа Томаса Гоббса и французского мыслителя Жан-Жака Руссо. Каждый из них по-своему пытался объяснить причину разумного и добровольного отказа человека от свободы в пользу гражданского общества и социального порядка. В основе идей Гоббса заложена эгалитарная идея о том, что «Люди равны от природы. Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей» [34, с. 93] и поэтому люди, будучи одинаково разумными, выход из сложившегося хаоса и анархии увидели в общественном договоре. Но кроме разума Гоббс, вслед за Макиавелли, для поддержания общественного договора признает, что необходима абсолютная «власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу» [34, с. 132]. В результате мы видим как общественный договор базируется на общественном принуждении, наказании и страхе войны.

Несколько иную интерпретацию общественного договора предлагает Жан-Жаку Руссо, впрочем, не без опоры на своего предшественника. Несмотря на свой крайний эгалитаристический настрой, представленный в концепции «всеобщего равенства», Руссо кроме допущения незначительного имущественного неравенства также еще утверждает «...что неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет за счет развития наших способностей и успехов человеческого ума» [140, с. 140]. Здесь французский мыслитель из «всеобщего для всех» закона исключает идею естественного неравенства людей, основанного на их способностях: «...мы должны думать, – говорит Руссо, – о том виде неравенства, которое царит среди всех цивилизованных народов, ибо явно противоречит естественному закону, каким бы образом мы его не определяли, – чтоб дитя повелевало старцем, глупец руководил человеком мудрым» [140, с. 140].

В результате провозглашаемые Руссо идеи эгалитаризма тяготеют к своей собственной противоположности – элитаризму, однако, открыто не впадая в него. Рассуждая об аристократии, философ замечает, что она больше подходит для средних по размерам государств (не для таких ли как, например, Франция?) и выделяет три этапа ее становления: природную (характерна для первых обществ), наследственную и выборную. Второй вид аристократии представляет собой худший из всех правлений, в то время как третий – наиболее лучший, он называет его «аристократией в собственном смысле слова», так как круг лиц, находящихся у власти ограничен компетентным и достойным меньшинством, обладающим «честностью, просвещенностью и опытом», посредством чего достигается мудрое правление, одобряемое большинством. «Словом, – заключает Руссо, – именно тот строй будет наилучшим и наиболее естественным, когда мудрейшие правят большинством, когда достоверно, что они правят им к его выгоде, а не к своей собственной» [139, с. 257]. Вывод, сделанный Руссо, не отличается своей оригинальностью, беря свои истоки (как можно проследить) в утопических воззрениях Платона и древнекитайских учениях.

Таким образом, «эгалитарист» Руссо говорит не о чем ином как об интеллектуальной элите, которая представлена в виде выборной аристократии, у которой есть все моральные основания управлять обществом не по праву своего рождения, а благодаря своим выдающимся способностям. Идеал же демократии, рисуемый Руссо, предъявляет к гражданам столь высокие моральные требования, что их исполнение доступно лишь немногим (лучшим), а демократия по большей части своей принимает форму классической аристократии. Можно заключить, что весь эгалитаристский пафос представленных теорий общественного договора (а теорией Руссо в большей степени) является не более чем мощным легитимирующим средством правящих элит. Воспеваемый в теориях образ справедливой демократии на первый взгляд представляет идеи абсолютного эгалитаризма, но в глубине своей обнаруживает латентное стремление к элитаризму. В результате столкновения двух противоборствующих концепций в теориях общественного договора возникает качественно иное направление, называемое элитизмом – своего рода консенсус между элитаризмом и эгалитаризмом.

Своеобразным ответом философско-теоретическим исканиям идеального жизнеустройства можно считать учение Огюста Конта – родоначальника позитивизма. Конт вслед за своим учителем Клодом Анри Сен-Симоном разработал закон трех стадий интеллектуальной эволюции человечества: теологическая или фиктивная (причина всех вещей – сверхъестественное; фетишизм, монотеизм, политеизм); метафизическая или абстрактная (мнимые философские «первопричины», «идеи», «сущности»); научная или реальная. На последней стадии сословие ученых должно заменить предшествующие ей сословия жрецов и теологов и стать той социальной силой, которая обеспечит интеллектуальную основу будущего общества.

Модель общественной дифференциации, представленная Контом, «носит естественный, вечный и неустранимый характер. Деление общества на классы вытекает у него из необходимого разделения управленческой и исполнительской функций» [79, с. 79]. В этой связи Раймон Арон совершенно

справедливо отмечает: «В контексте условий своего времени Конт, проанализировав общество, в котором живет, делает следующий вывод: основным условием общественной реформы служит реформа интеллектуальная» [7, с. 88]. Правящую элиту Конт делит на мирскую и духовную, оставляя безоговорочный приоритет за последней. Мирская элита представлена в лице светских начальников, предпринимателей, банкиров, держателей капиталов и военных. К духовной же элите он относил ученых, истинных философов, литераторов. Именно они должны стать для общества интеллектуальной элитой, которая не только упорядочивают, регулируют, освещают, объединяют, судят, но и, будучи наделенные моральной властью, сдерживают и ограничивают власть мирскую, осуществляя тем самым духовно-интеллектуальную гегемонию. Конт, размышляя в духе позитивизма, глубоко убежден, что старые теории более не отвечают вызовам времени, что возникла острая потребность «великого умственного обновления, необходимого теперь избранной части человечества» [77, с. 22].

В западноевропейской культуре второй половины XIX века начинает складываться традиция научного осмысления интеллектуальных элит в трудах Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше. В своих философских и культурологических трудах они разработали концепцию элитарного развития культуры, главным производителем и потребителем которой и является элита.

Артур Шопенгауэр в своем труде «Мир как воля и представление» обличает «скучный мир утилитаризма», в котором утилитарное большинство в лице «людей пользы» не в состоянии воспринять интеллектуальное меньшинство – «людей гения», которые являются редчайшим исключением, парадоксом, отклонением от общепринятой нормы. Шопенгауэр местами крайне резко отзывался о косности ума большинства, когда, например, считает, что «благороднейшие создания гения навеки остаются для тупого большинства людей книгой за семью печатями и недоступны для него, отделенного от них глубокой пропастью, как не доступно для черни общение с королями» [170, с. 406]. Важным моментом в философской системе Шопенгауэра является

понятие бесосновной и автономной «воли», которой подчинены «люди пользы» и их интеллект. Только у гения воля и интеллект приходят сначала в состояние гармоничного равновесия, а затем интеллект начинает как бы высвобождаться из ее подчинения и получает высшее благо – возможность созерцать объективности как таковые, а не прибывать в них. В результате интеллект, высвобождаясь от воли, рождает гения, «аристократа духа», который обретает интеллектуальные и духовные преимущества.

Шопенгауэр особо подчеркивает значимость «выдающихся умов» и отдает предпочтение «аристократии ума» как наиболее почетной. В «Афоризмах о житейской мудрости» Шопенгауэр прямо выделяет три вида аристократии: 1) по рождению и по чину; 2) денежную аристократию; 3) аристократию ума. «Последняя, по существу, – наивысшая и даже будет признана таковой, если дать на это много времени» [169, с. 129]. Для таких людей характерна глубокая потребность в самосовершенствовании, постоянно постигать и исследовать все новое, непрестанно размышлять над ним. В результате «аристократия ума» является высшей формой элиты – элиты интеллектуальной, поскольку стоит обособленно от двух других типов элит, а также от всей структуры подчиненного ей социума, у нее своя интеллектуальная субкультура, основанная на принципах меритократии.

Предельно конкретизируя, Шопенгауэр заключает: «гениальность состоит в ненормальном излишке интеллекта, который поэтому может найти для себя применение только в том, что обращается на общие черты мирового существования» [Цит. по 59, с. 420]. Выделяя интеллектуальную страту, Шопенгауэр сразу же дает понять, что именно на ее долю выпадает самое сложное – держаться подальше от разнузданной толпы, огородить себя социальными, культурными и др. барьерами, избегать с ней всяческого контакта без особой на то необходимости. Это связано с тем, что интеллектуальной элите завидуют, к ней питают тайную злобу невежественное непросвещенное большинство, которое не желает быть в подчинении: «Чтобы

заслужить ненависть людей, требуется совсем немного – более или менее заметно превосходить их уровнем интеллекта» [170, с. 463].

В результате мы наблюдаем конфликтное дихотомическое деление на элиту и массу, между которыми пролегает труднопреодолимая интеллектуальная пропасть. При этом инкорпорация в закрытую интеллектуальную страту производится не на основании сложившихся ранее критериев таких как «элита крови» или «элита богатства», а уже на основании высокого уровня развития интеллекта. Наблюдается конвергенция двух несоотносимых, казалось бы, между собой понятий из двух противоборствующих концепций элит: «закрытость» и «меритократия» – производных от элитаризма и элитизма соответственно. То есть, формируется закрытая элита меритократии по интеллектуальному признаку, которая, по убеждению Шопенгауэра, и есть наивысшая аристократия и даже будет признана таковой, если дать ей на это время.

Фридрих Ницше глубоко воспринял, основательно изучил, а затем и переосмыслил идеи шопенгауэровского волюнтаризма. Его философию воли он превратил в философию жизни, апогеем которой стала знаменитая ницшеанская концепция «воли к власти», где возобладают идеи элитаризма. Волю к власти Ницше объявляет движущей силой истории, которая собственно и представляется ему как «ненасытное стремление к проявлению власти и применение власти, пользование властью как творческий инстинкт» [116, с. 159]. Поэтому воля к власти является неотъемлемой характеристикой большинства активных индивидов, с непреклонным, сильным характером и выдержкой, так как только они стремятся к самоутверждению. Закономерно выделяется дихотомия «каста рабов» – «каста господ», где каждая враждебно настроена друг другу. Рабы взирают на мир в депрессивном состоянии, испытывая злобу и собственное бессилие. Как следствие в обществе начинают витать революционные настроения, против которых, вслед за Шопенгауэром, решительно выступает Ницше: «Нет ничего страшнее варварского сословия рабов, научившихся смотреть на свое существование как на некоторую

несправедливость и принимающего меры к тому, чтобы отомстить не только за себя, но и все предшествующие поколения» [116, с. 312]. Элита должна всеми силами пресекать любые народные волнения и сохранять, таким образом, свое господствующее положение, так как именно она обладает волей к власти и может перестраивать весь мир в конструктивном ключе. Отвергая любые социальные революции, подрывающие положение элиты, Ницше призывает к революциям духовным, направленным на выздоровление общества и его культуры. В этом заключается идея развития общества, «Прогресс по Ницше есть революция, но не революция масс (низов), а революция интеллектуальных верхов. Ницше против социальной революции, ибо он апологет революции моральной» [65, с. 52].

Ницше предвидит в культуре возможный упадок «высшего типа человека», он затрагивает вопросы омассовления общества, когда посредственность начинает брать верх. Отличительная черта зрелой аристократии заключается в том, что «она чувствует себя не функцией <...>, а смыслом и высшим оправданием существующего строя, поэтому она со спокойной совестью принимает жертвы огромного количества людей, которые должны быть подавлены и принижены ради нее до степени людей неполных, до степени рабов и орудий» [117, с. 209]. Ницше отводил особое место привилегиям аристократии. Обладание богатством есть необходимое условие создания аристократической расы. Когда власть аристократии начинает ослабевать, то незамедлительно следует революция озлобленных низов. Последствия этого катастрофичны – низы начинают культивировать и навязывать общественные идеалы, диктовать нормы культуры, что по определению претит аристократической расе и ее элитарной культуре. В духе крайнего элитаризма Ницше решительно заявляет: «Против этого я защищаю аристократию. Для нее имеется только благородство рождения, благородство крови, благородная культура» [116, с. 170], поэтому «необходимо провозглашение войны высших людей массам всюду, где объединяется посредственность с целью сделать себя господствующей» [116, с. 171]. Данные

утверждения Ницше, как мы видим, восходят к идеям Платона, и направлены в защиту интересов аристократии.

Крайним элитаризмом также окрашена концепция «гениальной личности», «сверхчеловека» Ницше. В нем философ видит творца истории, прообраз «человека будущего». Сверхчеловек имеет привилегированное положение в обществе, он наделен уникальной творческо-интеллектуальной восприимчивостью к эстетическим ценностям. Он способен к самоконтролю с целью обуздания собственных страстей, у него великий независимый дух. Подлинная элита, по мысли Ницше, аристократична, но это все же не элита крови, не наследственная аристократия, занимающая высшие позиции в общественной иерархии по праву рождения, а это «аристократия духа».

Сверхчеловеку как гению высшей культуры помимо всего прочего свойственно обладание исключительным «свободным умом». «Свободный ум» является таковым, потому что смог освободиться от всякой традиции, он идет к своей цели – истине, вне зависимости от мотива и пути. Провозгласив смерть Бога в культуре, Ницше фактически ставит на его место сверхчеловека, способного защитить общество от культурного декаданса. Поэтому сверхчеловек не разделяет морали того разлагающегося общества, в котором живет. Он вообще стоит выше морали большинства. Только благодаря сверхчеловеку обеспечивается сохранение и воспроизводство подлинно духовно-культурных ценностей и норм посредством «свободного ума», на долю которого выпадает незавидная участь – «Завоевать себе право для новых ценностей – это самое страшное для духа выносливого и почтительного» [118, с. 19].

Сильная аристократия с неизменной волей к власти должна находиться в отрыве от масс. Между ними огромная общественная и интеллектуальная пропасть, но главным отличием является все же стремление элиты к увеличению разрыва в самой душе. Отрешившись от разнузданных масс, сверхчеловек созидает качественно иную систему ценностей, он строит элитарную субкультуру. Сверхчеловек Ницше как великая личность может

сочетать в себе «великую разумность» и абсолютную бездуховность, то есть это своего рода проекция современного интеллектуала, для которого гуманистические ценности являются далеко не определяющими. «Гений культуры <...> употребляет в качестве своих орудий ложь, насилие и самый беззастенчивый эгоизм столь уверенно, что его можно назвать лишь злым демоническим существом; но его иногда просвечивающие цели велики и благи. Он – кентавр, полужверь, получеловек, и притом еще с крыльями ангела на голове» [119, с. 225]. Таков сверхчеловек Ницше, который проявит себя в XX веке и перейдет в век XXI.

1.2. Классические и современные теории элит

и интеллектуальных сообществ: основоположники и последователи

Сам термин «элита» (от фр. *elite* – лучший, отборный, избранный; лат. *eligere* – добывать, извлекать) вводится в научный оборот на рубеже XIX-XX веков признанными классиками теории элит, представителями макиавеллистской традиции итальянскими мыслителями – В. Парето, Г. Моска и немецко-итальянским исследователем Р. Михельсом. Благодаря им понятие «элита» прочно утвердилось в социокультурном и политическом дискурсе. Преимущественно исследование элит в данный период проходило под влиянием социологической парадигмы, исходившей из социальных, политических, экономических и других различий, а также степени принадлежности индивидов к правящей элите.

Одним из первых, кто стал развивать свои идеи в этом ключе, стал итальянский социолог В. Парето. Он рассматривает общество как целостную систему, существенным элементом которой является социальная гетерогенность, определяемая изначальным природным неравенством людей в физическом, моральном и интеллектуальном аспектах. Поэтому любому обществу присуща специфическая внутренняя дифференцированность. Отсюда,

по Парето, возникает противопоставление массы управляемых людей небольшому числу управляющих. Именно это меньшинство, в конечном счете, обуславливает динамику социальной структуры.

Изначально в понимании дихотомического деления общества на элиту и массу Парето закладывает индексный подход оценки индивидуальных качеств и способностей, когда предлагает «каждому индивиду, относимому к определенной области человеческой деятельности, присваивается некий индекс, являющийся своеобразной оценкой его способностей» [79, с. 106] по десятибалльной шкале. Каждый, кто получил наивысший балл, может быть причислен к элите данной области, кто нулевой – тот в ряды обывателей и так по всей системе общественной иерархии. В результате мы можем получить бесчисленное множество элит, равное количеству областей человеческой деятельности (от элиты шахматистов до элиты жуликов), этимологическая составляющая самого термина «элита» нивелируется. Парето заранее оговаривает, что «При всем несовершенстве этого метода он все же лучше, чем ничего» [129, с. 28]. Но все же к элите Парето предлагал относить тех людей, кто обладает наибольшим количеством достижений и незаурядных качеств таких, например, как авторитет, власть, материальное богатство, образование, интеллект и т.д. Однако в дальнейшем Парето отходит от своего индексного подхода и руководствуется альтиметрическими критериями, причисляя к элите по факту обладания реальной политической властью, финансовыми ресурсами и сильной степенью влияния на общественные процессы, вне зависимости от интеллектуальных и морально-этических качеств. Парето писал: «В широком смысле слова я подразумеваю под элитой общества людей, которые обладают выдающимися качествами в плане ума, характера, одаренности какого-либо рода. С другой стороны, я полностью избегаю каких-либо суждений о достоинствах или полезности этих сообществ» [цит. по 125, с. 131]. Индекс, присвоенный отдельно взятому индивиду соответствующий его способностям, будет примерно совпадать с его положением в общественной иерархии, а также уровню его материального благосостояния. Однако последний фактор все же

является определяющим, поскольку позволяет «легко быть сенатором или стать депутатом, подкупить избирателей <...> Богатство – причина, по которой попадают в элиту те, кто по своим качествам не должен в ней быть» [180, р. 97]. Так всю социальную структуру, по Парето, можно представить в виде пирамидальной стратификационной системы, где на вершине расположены богатые и правящая политическая элита, в середине находится неправящая элита (индивиды обладающими высокими показателями в одной из сфер общественной жизни), а широкое основание представлено в виде некомпетентного большинства – массы.

Если следовать методологии Парето, то интеллектуальная элита располагается в середине пирамиды, так как, несомненно, обладает выдающимися интеллектуальными характеристиками, разительно отличными от масс, но не имеет непосредственного доступа к политическому руководству. Она подходит лишь под широкое определение элиты, то есть не является элитой как таковой в паретовском смысле, а образует, условно говоря, «околоэлиту», так как не обладает должными для политического управления качествами – силой, принуждением, коварством, вероломством и т.п. Данная трактовка общественной дифференциации прочно закрепится и станет доминирующей в элитологическом дискурсе, вплоть до настоящего времени. Теории элит, начиная с Парето, в подавляющем большинстве своем базируются на том, что элитой стала признаваться только элита политическая.

Структура отдельно взятой правящей элиты также не является у Парето гомогенным образованием. За позиции во властной структуре происходит, как и у Макиавелли, борьба двух типов элит – «львов» и «лис», где каждый несет особые и весьма полезные функции. «Львы» посредством мужества, упорства, непримиримости, насилия и авторитарности обеспечивают мощную стабилизирующую функцию, однако, при них общество склонно к стагнации. «Лисы» благодаря хитрости, обману, компромиссам и жажде наживы способствуют прогрессу и обогащению, но сеют общественную неустойчивость и дестабилизацию. Вместе они уравнивают друг друга.

Парето выводит закон циркуляции или круговорота элит, согласно которому правящая элита может и должна пополняться наиболее одаренными представителями из числа неправящей элиты, в то время как действующие члены правящей элиты, которые не в состоянии больше находиться в ней в силу утраты необходимых качеств, должны покинуть ее ряды. Таким образом, Парето формулирует принципы вертикальной восходящей и нисходящей мобильности. Благодаря подобной циркуляции правящая элита открыта для вхождения в нее одаренных индивидов из других страт общества, поэтому она находится в состоянии постепенного и непрерывного развития. В результате, заключает Парето, для достижения максимальной эффективности и стабильности общественного развития, правящую элиту должны составлять лучшие элементы всех слоев населения.

В случае если правящая элита оказывается закрытой для вхождения, то это неизбежно приводит к деградации и упадку как ее самой, так и общества в целом. Среди неэлитных слоев населения возрастает число индивидов, обладающих необходимыми для управления обществом качествами, которые превосходят своими достоинствами представителей существующей правящей элиты и образуют собой контрэлиту. Назревает потребность в обновлении старой правящей элиты, что достигается посредством революций и насилия. «История – это кладбище аристократий» – таков известный тезис Парето. Правящая элита превращается в аристократию по крови, аристократию по рождению, не желая качественно изменяться и обновлять свои ряды, вследствие чего насильно лишается своего господствующего положения.

Между тем, мы находим у Парето размышления относительно элиты интеллектуальной, занимающей отдельное место в общественной стратификации: «Те, в ком преобладает знание, управляют и руководят теми, в ком преобладают чувства, так что в конце концов их действия оказываются энергичными и мудро направленными» [58, с. 224]. Наряду с Макиавелли и Гоббсом, Парето придерживался идеи религии как легитимирующего средства правящей элиты. Парето выделяет группу людей, которые могут освободиться

от обманчивого воздействия идеологий, преломляющих реальную действительность и проникнуть в суть реальных вещей. Этих людей Парето называет гениями. В отличие от некомпетентного легко манипулируемого и заурядно думающего большинства, гении «именно благодаря своим качествам возвышаются над обыденностью и отделяются от человеческих масс. <...> Гении менее всего подвержены господствующим верованиям, идеям и чувствам» [Цит. по 124, с. 321]. Е. В. Осипова рассматривая концепцию идеологии Парето, заключает: «Согласно его концепции, гении, вожди, вообще выдающиеся личности – носители разума, тогда как массы способны руководствоваться только неосознанными эмоциями и страстями» [124, с. 321].

Итак, мы видим качественно иной аспект интерпретации элит по Парето, отличный от приписываемой ему альтиметрической установки. В данном случае в основу дихотомического деления заложен меритократический принцип, ключевым элементом которого являются интеллектуальные характеристики индивида. Еще Дж. Сартори смог разглядеть глубинный подтекст идей Парето, когда писал: «Концепция Парето была и меритократической, и альтиметрической, тем не менее оба критерия связаны между собой именно в таком порядке, и победителем у Парето в конечном счете всегда в истории оказывается элита по способностям, а не элита у власти» [143, с. 82]. В отличие от других классических теорий элит – Г. Моска и Р. Михельса, – Парето предлагает нам более широкое понимание элиты. Элита в его представлении, в том числе интеллектуальная элита как ее важная составляющая, выступает не только и не столько как политический фактор, а представляет собой социокультурный феномен, сила которого заключается как в личных качествах представителей элиты, так и в их легитимации в общественном сознании для реализации властных полномочий, как в политической, так и в интеллектуальной сферах.

Ряд схожих идей и методологических установок относительно дихотомического деления общества на элиту и массу мы встречаем у другого итальянского исследователя Гаэтано Моски. Сразу необходимо дать важное

уточнение о том, что Моска в своих исследованиях не употребляет термин «элита». Вместо него он оперирует двумя очень близкими, но не тождественными по значению понятиями «правлящего класса», состоящего из представителей экономической, военной, церковной, интеллектуальной и других сфер общественной жизни и «политического класса», который также входит в ее состав, но имеет самое непосредственное отношение к власти. В правящий класс кроме политического класса входят также и общественная верхушка, сложившаяся из экономической, военной, церковной, интеллектуальной и других сфер общественной жизни.

В своей работе «Правящий класс» он приходит к выводу: «Неизменным явлением и тенденцией во всех обществах, начиная со слаборазвитых и с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных, является существование в них двух классов людей: класс правящий и класс управляемый. Первый всегда составляет организованное меньшинство, которое монополизировало властные политические функции, наслаждаясь ее благами и преимуществами, в то время как второй, в виде инертного большинства управляется и контролируется первым в такой форме, которая более или менее законна и необходима для стабильного функционирования всего общественного организма в данный исторический период» [179, р. 50-51]. Таким образом, «Г. Моска считал элиту необходимой для манипулирования обществом в его же собственных интересах» [33, с. 5], не забывая при этом и про свои собственные интересы. Такое неравноценное деление является незыблемым постулатом его теории элит: «В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего класса» [111, с. 187]. Основным стержнем формирования правящего меньшинства является, по Моска, его высокая организованность, способность к управлению большинством, а также то, что «составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; либо они являются наследниками людей, обладавших этими качествами» [179, р. 55-56]. Моска

отмечает тезис о необходимости интеллектуального и морального превосходства с целью создания общественной идеологии, посредством которой правящее меньшинство легитимирует собственную власть и убеждает многочисленную инертную массу в ее законности. Однако в настоящий исторический период вслед за Парето признает Моска «Доминирующей чертой правящего класса стало в большей степени богатство» [111, с. 191], «богатство создает политическую власть, точно так же, как политическая власть создает богатство» [111, с. 191]. Правящий класс, таким образом, представляет собой совокупность индивидов, обладающих, по Г. Моска, общим «политическим сознанием», формируемого от одной эпохи к другой, когда на разных исторических этапах предъявляются различные требования к его членам.

В итоге Моска приходит к выводу о необходимости духовно-интеллектуального воспитания элиты, создание элиты меритократии как наиболее отвечающей вызовам времени. В исторической аналогии Моска приводит даже страту священнослужителей древних государств, где «Священники не только выполняют религиозные функции, они обладают правовым и научным знанием, образуют класс носителей высочайшей интеллектуальной культуры» [111, с. 192] того времени.

Правящая элита, признает Моска, склонна узурпировать не только свои властные ресурсы, но также институты образования и воспитания, которые пронизаны личными и семейными связями, элитарными традициями. Такие образовательные институты становятся закрытыми и элитарными по определению, так как рассчитаны исключительно для элиты, поскольку в них выращивают тех, кто «обладают особыми качествами не только из-за крови, которая течет в их венах, сколько в силу такого воспитания, которое развивает в них вполне определенные интеллектуальные и нравственные качества» [111, с. 194], которые необходимы для пребывания в рядах правящей элиты и для морально-интеллектуальной легитимации собственной власти. Так правящая элита монополизирует обучение, делая из него определенный социокультурный и интеллектуальный фильтр, через который проходит заведомо определенное

число индивидов, а «моральная и интеллектуальная монополия неизбежно связана с политической, и все на благо касты и немногочисленных социальных сил» [112, с. 116]. В результате доминирует элитарно-аристократическая тенденция формирования элиты, когда власть, богатство, а также блага и привилегии становятся наследственными.

Однако Моска формулирует при этом важный тезис (который в дальнейшем будет подвергнут сомнению сторонниками теории постиндустриализма): «Из всех факторов, учитываемых при рассмотрении социального превосходства, превосходство в интеллекте менее всего связано с наследственностью. Дети людей, отличающихся высоким интеллектом, зачастую обладают посредственными способностями» [111, с. 194], поэтому неверно бы было полностью полагать, что даже высокоинтеллектуальная наследственная аристократия с выдающимися образовательными ресурсами сможет производить на свет столь же выдающееся потомство. Элите необходим постепенный приток новых интеллектуальных сил из неэлитных слоев населения, но в тоже время этот процесс не может быть революционным (что допускал Парето), иначе он разрушит так долго и планомерно создаваемую элиту, взамен которой придет неизвестная своими качествами контрэлита.

На основании этого, Моска, анализируя структуру правящего класса и динамику происходящих в нем процессов, выделяет, по аналогии с «львами» и «лисами» Парето, две тенденции формирования этого класса: аристократическую и демократическую. Первая тенденция проявляет себя в том, что власть имущие всячески стремятся закрепить свое господство и передать его по наследству. Абсолютизация данной тенденции ведет к отсутствию мобильности в элите и, как следствие, ее деградации и общественному застою (что особенно подчеркивал Парето). Демократическая же тенденция превалирует в периоды социальных сдвигов, когда пополнение состава элиты происходит за счет лучших и активных представителей из неэлитных слоев, что предотвращает дегенерацию элиты. Равновесие между этими двумя тенденциями наиболее желательно, так как наряду с

преемственностью и стабильностью руководства обществом также обеспечивается качественное обновление правящей элиты.

Таким образом, при всем сходстве базовых положений теорий элит В. Парето и Г. Моска и их общей дихотомической основы «элита-масса» между ними существует, как мы выяснили, ряд отличий, которые для наглядности представлены в таблице № 1.

Таблица № 1. Базовые различия в теориях элит В. Парето и Г. Моска

Вильфредо Парето	Гаэтано Моска
Широкое антропологическое определение элиты	Тождественность элиты правящему классу
Возможность революционной смены элит. «История – это кладбище аристократий»	Постепенное пополнение элиты за счет рекрутирования лучших из неэлитных слоев
Выдающиеся личности как носители разума менее всего подвержены господствующим верованиям, неосознанным эмоциям и страстям	Абсолютизация политического бихевиоризма в теоретическом построении стратифицированного общества
Меритократические критерии превалируют над альтиметрическими	Доминирование альтиметрической парадигмы

Если В. Парето допускал революционную смену элит, а Г. Моска выступал за ее постепенную трансформацию во избежание революционных изменений, то Роберт Михельс говорил о неизбежной закрытости элит и фактической несменяемости ее членов. Выведенный им «железный закон олигархических тенденций» ясно гласит: со временем даже самая демократическая организация вырождается в олигархию – закрытую правящую элиту, подразумевающую возникновение и закрепление постов, высоких статусов, привилегий, а также несменяемость своих лидеров. Представители правящей элиты крайне заинтересованы в сохранении своего привилегированного положения, тесно взаимодействуют между собой,

сплачиваются, начинают преследовать собственные цели, забывая про интересы массы, все больше высвобождаясь из под ее контроля. Таков объективный закон, выражающий «наличие имманентных олигархических признаков у всякой человеческой организации, преследующей практические цели» [107, с. 112]. Инструментом удержания властных позиций и влияние на неорганизованное меньшинство выступает бюрократия, которая в свою очередь неизбежно вырождается в олигархию – режим, при котором вся полнота власти сосредоточена в руках узкого круга официальных лиц: политиков, богачей и военных.

Постепенно в кругах правящей элиты возникает определенная субкультура, способная коренным образом изменить поведенческие и моральные установки вновь входящего в нее индивида. Сама природа руководства существенным образом меняет тип личности таким образом, что даже «самый что ни на есть благонамеренный идеалист за короткий период на посту вождя вырабатывает в себе качества, характерные для вождизма» [109, с. 58]. Став частью правящей элиты, он неизбежно теряет всякую связь с массами, а его главной задачей становится защита своего собственного привилегированного положения. Таков закон олигархических тенденций, который (вкупе с законом инертности масс, стремящихся передоверить управленческие функции профессионалам) приобретает всеобъемлющий масштаб. Господство правящей элиты, по Михельсу, детерминировано не только политическим, экономическим или силовым могуществом ее членов, но также и их профессионализмом, интеллектуальным превосходством над массами. «Так рабочие собственной волей создают своих господ, главным условием власти которых являются знания, образованность» [108, с. 140-141]. Более того, Михельс выводит интеллектуальный критерий как определяющий положение индивида не только в общественной иерархии, но и место, занимаемое им в самой правящей элите: «Преобразование людей в профессиональных политиков увеличивает различие в интеллектуальном уровне между ведущими деятелями партии и ее рядовыми членами. Опыт

истории свидетельствует о том, что для господства меньшинства над большинством, помимо экономического превосходства и влияния традиций, необходимо превосходство интеллекта» [108, с. 139].

Подводя некоторый итог рассмотренным теоретическим концепциям классических теорий элит, мы можем сделать ряд обобщающих выводов.

1. Классики теории элит – В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс – выдвинули, методологически закрепили и научно обосновали идею о существовании даже в ранних обществах правящего меньшинства – элиты и управляемого ею большинства – массы.

2. Элита и масса являются качественно неоднородными образованиями, что обусловлено их равноудаленным положением в общественной стратификации. Однако это не исключает смены социальных статусов, проводимой посредством восходящей и нисходящей мобильности. Крайняя степень закрытости элиты неизбежно ведет к усилению протестных настроений в обществе, формированию контрэлиты и, как следствие, революционной смене действующей элиты.

3. Элита поэтому не является автономным и независимым от большинства образованием, так как нуждается в его поддержке и не может от него полностью изолироваться. Кроме того, элите необходимо свое интеллектуальное обновление за счет тех низов, которые обладают соответствующими характеристиками, в противном случае элита перерождается в закрытую касту, что неизбежно ведет к ее декадансу.

4. В то же время, элита образует собой довольно целостную группу, имеет ряд интегрирующих черт, характерных для ее представителей, совокупность которых указывает на ее сплоченность и однородность. Это, прежде всего, ощущение принадлежности к элите, организованность, активность, соответствующий уровень интеллектуального развития.

5. Качества представителей элиты, посредством которых им удается узурпировать властные ресурсы и легитимировать свое положение – это не

только политические, экономические и идеологические доминанты, но также, что важно, интеллектуальное превосходство.

В обобщающем смысле, заслуга классиков теории элит состоит в том, что они смогли вычленить объект и предмет в исследовании элит, превратили существовавшую до них «философию элиты» в собственно элитологию, попытались сформулировать законы становления, функционирования, структурирования, развития и смены элит, а также выявили ее значение и роль в историческом процессе.

Особый интерес представляет подход к исследованию феномена элиты Хосе Ортеги-и-Гассета, который развивал свои элитологические идеи в элитарно-аристократическом варианте. Генетически этот вариант восходит еще к Платону с его программным утверждением «толпе не присуще быть философом», а также к Ницше с его критикой «недоделанной» в интеллектуальном и культурном плане «вульгарной массы». Квинтэссенцией аристократизма в исследовании элит можно считать труд Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», где изложен его взгляд на кризис европейской цивилизации в результате активизации усредненного человека толпы. Аристократизм у Ортеги выступает непосредственным индикатором общества: «человеческое общество по самой сущности своей аристократично – хочет оно этого или нет; больше того: оно лишь постольку общество, поскольку аристократично, и перестает быть обществом, когда перестает быть аристократичным» [123, с. 49]. Условием успешного существования общества является то общество, в котором элита занимает главенствующие позиции сообразно своим качествам, а масса, за неимением таковых, знает соответствующее место. С наступлением XX века произошла ломка устоявшейся нормы, воцарился «триумф гипердемократии», когда на «авансцену» социальной жизни вышла масса, более не желающая повиноваться элите. Человек массы утратил понимание цены цивилизации, он ничего не создает, сколь велики бы ни были его возможности, а смотрит на нее едва ли не как природное явление, даже не задумываясь, что все эти достижения созданы огромными усилиями

гениальных личностей. «Массовый человек, согласно Ортеге, как само собой разумеющееся принимал блага, даруемые цивилизацией, и безапелляционно их требовал» [94, с. 35].

«Герои исчезли, остался хор» в виде некомпетентной массы, которая, воображая себя элитой, пытается навязывать всему остальному обществу свои низменные устои и свою примитивную культуру. В результате масса порождает деструктивные и разрушительные процессы, отвергая мораль («Европа осталась без морали» – восклицает Ортега), высшую идею служения, а также чувство долга, что было свойственно аристократической культуре. На место последней приходит массовая культура, Ортега констатирует тяжелейший европейский кризис, постигший весь народ, нацию, культуру. Деструктивизм кризисных явлений достиг таких масштабов, что «плебейство и гнет массы даже в кругах традиционно элитарных – характерный признак нашего времени. Так, интеллектуальная жизнь, казалось бы взыскательная к мысли, становится триумфальной дорогой псевдоинтеллектуалов, не мыслящих, немислимых и ни в каком виде неприемлемых» [123, с. 46]. И, напротив, в тех кругах, которые раньше считались «эталоном массы», нередко можно встретить выдающихся представителей высокого интеллектуального порядка.

На основании этого, Ортега формулирует важную особенность дихотомического общественного деления его современности: «деление общества на массы и избранные меньшинства типологическое и не совпадает ни с делением на социальные классы, ни с их иерархией <...> внутри любого класса есть собственные массы и меньшинства» [123, с. 46]. В такой интерпретации определяющим для социокультурного осмысления элиты является понятие типа личности как внесоциальной категории. Данная идея, доведенная до своего логического завершения, абсолютизирует и ставит во главу угла культурные и меритократические факторы стратификации в сравнении с иными параметрами сословного деления общества.

Для спасения и развития человеческой культуры необходимы самые разные типы совершенных личностей особого достоинства, то есть элиты

меритократии, которых всегда меньшинство, но без которых человечество утратит основу своего существования. Одним из таких типов должна стать личность, обладающая интеллектуальным и моральным превосходством над массой для того, чтобы преодолеть воцарившуюся в современной общественной жизни «тиранию интеллектуальной пошлости». Таков «долг интеллектуала – лучше других понимая действительность, не лгать остальным, верно оценивая происходящее, побуждать к справедливым и разумным действиям» [45, с. 112]. Именно поэтому «если общество не хочет плыть по течению, в то время как реальные политики погрязли кто в бездействии, кто в безответственности, кто в радикализме, это общество будет прислушиваться к истинным интеллектуалам» [45, с. 110].

Освальд Шпенглер полагал, что вступление в стадию цивилизации формирует стремление к мировому господству, что знаменует конец развития любой культуры и порождает на свет безликое, лишенное корней массовое общество, эту культуру разрушающее. Лишь элита с присущей ей долей позитивного консерватизма способна сберечь ростки культуры. Будущее для государства Шпенглер видит в установлении социализма как наиболее благоприятной формы для века масс, вопреки повсеместно устанавливаемой демократии, дискредитировавшую себя тотальной коррупцией. «По существу, социализм для Шпенглера равнозначен цезаризму, истинными социалистами являются элиты, способные дисциплинированно служить высшей цели» [141, с. 80]. Вследствие слияния цезаризма и социализма рождается социалистическая монархия, при которой цезарь посредством установления диктатуры ликвидирует ненавистную Шпенглеру демократию, погрязшую во власти финансового капитала, и создает новые традиции и нормы руками квалифицированной элиты. В «Закате Европы» Шпенглер пишет: «Все решается небольшим количеством людей выдающегося ума, чьи имена может быть даже и не принадлежат к наиболее известным, а огромная масса политиков второго ранга, риториков и трибунов, депутатов и журналистов, представителей провинциальных горизонтов, только поддерживает в низших

слоях общества иллюзию самоопределения народа» [171, с. 74]. Это меньшинство выдающегося ума формируется не столько посредством традиций, сколько общим стремлением к сохранению культурной самобытности, сплачивающими морально-этическими нормами.

Особый взгляд на роль и место интеллектуальной элиты в традиционных и современных обществах мы встречаем у Антонио Грамши. Положение интеллектуальной элиты раскрывается через разработанное им понятие гегемонии, которое пересекается с понятием легитимности. Он исходит из представлений Н. Макиавелли о том, что власть осуществляется посредством двух составляющих: принуждения (насилия, репрессии) и согласия (убеждения) общества подчиняться, то есть на легитимности. Гегемонией согласно Грамши называется такое положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия. С. Г. Кара-Мурза на этот счет говорит следующее: «В нашем веке Антонио Грамши обдумывал большой план – “переписать” книгу Макиавелли “Государь” с высоты опыта XX века» [68, с. 22].

Аппарат принуждения заставляет людей согласиться с чем-либо с помощью угрозы насилия, указания на возможные санкции, которые последуют в случае неподчинения. Аппарат же гегемонии убеждает людей присоединиться к господствующей группе, разделить её ценности и цели, поддержать её, принять её интересы как свои. Задача аппарата гегемонии состоит в том, чтобы представить господствующую группу выразителем общих интересов и последовательницей всеобщего закона. «Государство является гегемонией защищенной броней принуждения» – выводит Грамши формулу, то есть принуждение является лишь оболочкой гораздо более значительного содержания. Гегемония предполагает лояльное и положительное отношение масс как к самой элите, так ее потребностям и интересам. Поэтому для установления власти правящей элите необходимо выработать гибкий механизм своего поведения. Для установления «полной гегемонии», согласно Грамши, одного только силового воздействия совершенно не достаточно. Необходимо также господство и идеологическое, мировоззренческое, культурное – без этого

полная гегемония невозможна даже при наличии у господствующего класса доступа к политической власти, силе и насилию. Поэтому для удержания господствующего положения возникает необходимость слаженного взаимодействия интеллектуальной и правящей элит. Именно интеллектуальная элита как особая социальная группа способна устанавливать гегемонию через вводимую ей же идеологию, являющуюся частью общей системы господства правящей элиты.

Согласно Грамши, и установление, и подрыв гегемонии представляет собой долгий молекулярный процесс в виде длительной позиционной экспансии, которая осуществляется интеллектуальной элитой, состоящей на службе у правящей элиты. Данный процесс протекает не как столкновение классовых сил, а как латентное постепенное изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. Гегемония зиждется на «культурном ядре» общества, которое состоит из убеждений и представлений о мире и человеке, добре и зле, обычаев и традиций, знаний и опыта многих веков. До тех пор, пока это ядро остается устойчивым и непоколебимым, в обществе сохраняется «устойчивая коллективная воля», по сохранению культурного порядка, а, следовательно, и всего строя общественной системы. Но как только происходит постепенная молекулярная экспансия в это «культурное ядро», то возникает угроза революции и смены (либо синтеза) интеллектуальной элиты. Ведется непрерывная интеллектуальная борьба за идеологию как силами, защищающими свою гегемонию, так и силами революционно настроенными (своеобразная интеллектуальная контрэлита). Как те, так и другие могут внести свои изменения и коррективы в культурное ядро.

Таким образом, проникновение в культурное ядро общества и подрыв гегемонии происходит путем длительного и планомерного воздействия на мировоззрение, повседневные мысли среднего человека посредством огромного множества различных организаций с их идеолого-культурными формами, таких, например, как театры, церковь, газеты, литература, сфера воспитания и образования, политические партии, общественные и культурные организации,

вплоть до архитектурных стилей и названий площадей и улиц. Эти организации укрепляют власть правящей элиты не силой, а убеждением. «Исторически и политически, – пишет Грамши, – критическое самосознание выражается в создании интеллектуальной элиты: человеческая масса не может “отделиться” и стать независимой “сама собой”, не организуясь (в широком смысле), а организация невозможна без интеллигенции, то есть организаторов и руководителей» [39, с. 35]. Таким образом, в рамках концепции гегемонии интеллектуальная «...элита должна обладать способностью организатора общества вообще, всего его сложного служебного организма, вплоть до государственного аппарата, в силу необходимости создавать более благоприятные условия для расширения собственного класса; или должна обладать по меньшей мере способностью выбирать “приказчиков” (специальных служащих), доверяя им эту организаторскую деятельность в области общих взаимоотношений за пределами предприятия» [39, с. 327-328].

В результате, Грамши не утверждает, что интеллектуальная элита является детерминирующей силой в историческом процессе, однако, в борьбе за гегемонию он отводит ей решающую стратегическую роль. «Всякая социальная группа, – говорит Грамши, – рождаясь на исходной почве экономического производства, органически создает себе вместе с тем один или несколько слоев интеллигенции, которые придают ей однородность и осознание своей собственной роли не только в экономике, но и в социальной и политической области» [39, с. 327]. Задача «органических интеллектуалов», согласно Грамши, состоит в максимально эффективной легитимации правящей элиты, поддержании ее положения в обществе и обосновании ее претензий на власть, чем, в конечном счете, достигается эффективная гегемония над рядом других подчиненных групп. Наряду с «органическими интеллектуалами» в обществе всегда существует часть интеллектуалов, которых Грамши называет «традиционными» – определенного рода интеллектуальная контрэлита, которая, несмотря на уход с исторической арены доминирующей ранее правящей элиты, неизменно ей служит. Для «традиционных интеллектуалов»

характерна большая степень автономии, поскольку они, «объединенные “корпоративным духом”, чувствуют свою непрерывную историческую преемственность и свои “особые качества”, то они считают себя самостоятельными и независимыми от господствующей социальной группы» [39, с. 329]. Задача «органических интеллектуалов» заключается в ассимиляции «традиционных интеллектуалов» для того, чтобы поставить их себе на службу с целью дальнейшего установления абсолютной социальной гегемонии господствующего класса.

Наряду с несомненной заслугой Грамши по разработке концепции гегемонии, важное значение имеет его социально-историческая концепция роли интеллектуальной элиты по установлению и поддержанию культурно-идеологической гегемонии правящей элиты. Одну часть интеллектуальной элиты Грамши называет «органической» и включает ее представителей в состав правящей элиты в виде «приказчиков» и «распорядителей», что прямым образом способствует расширению сфер общественного влияния и более эффективной гегемонии правящей элиты. Оставшуюся часть интеллектуальной элиты Грамши относит к «традиционной» и определяет для нее особое место и роль в общественном процессе, однако, как та, так и другая части интеллектуальной элиты самым непосредственным образом формируют и выражают культурно-идеологические нормы всего народа в целом.

Современные процессы, связанные с реакцией социальных субъектов на цивилизационные вызовы современности и их составляющие привели к существенным сдвигам и переменам большинства элементов социокультурного пространства. В последней трети XX столетия начинают реализовываться идеи М. Янга в его концепции меритократии с их последующим развитием в трудах теоретиков современного меритократизма Д. Белла, Т. Веблена, М. Плантера и др. Данные концепции развиваются в рамках меритократической парадигмы и интерпретируют теории элит как правление лучших, что, как мы видели, берет свое начало еще со времен Платона, когда под аристократией понималась власть немногих, но лучших, а также Конфуция. Предельно обобщая, можно

сказать, что все они сконструировали общую социокультурную концепцию меритократии, направленную на «новую интеллектуальную элиту, вносящую наибольший вклад в благосостояние всего общества» [146, с. 432], что стало формой переосмысления классических теорий элит.

Термин меритократия стал употребляться в 1958 году английским социологом Майклом Янгом. В своей работе «Возвышение меритократии: 1870-2033» М. Янг от лица некоего историка повествует с высоты 2033 года о трансформации британского общества и прихода новой элиты, состоящей из наиболее талантливых и энергичных интеллектуалов, рекрутируемых из всех слоев общества. Он обличает современную ему классовую систему, основанную на социальном достатке, происхождении и связях, заявляя, что «предоставление детям богатых родителей преимуществ перед детьми бедных недопустимо с точки зрения морали» [173, с. 329]. В обществе назревает необходимость постепенного внедрения системы правления достойных интеллектуалов, поскольку «Степень общественного прогресса зависит от того, насколько власть в обществе соотносится с интеллектуальностью» [173, с. 319], которую необходимо усиливать, посредством внедрения в правящую элиту представителей из интеллектуальной элиты. Апогеем данных процессов станет общество меритократии, где вся полнота власти будет делегирована компетентной «элите, отобранной на интеллектуальной основе и весьма глубоко образованной, в том числе, обладающей знаниями в области философии и управления (аналогия с философом-правителем Платона – П. А.), не говоря уже о, как минимум, двух степенях в области науки» [173, с. 322].

Более того, М. Янг выводит формулу, в соответствии с которой потенциал каждого может быть объективно измерен: «Intelligence and Effort together make up Merit ($I + E = M$), то есть Интеллект + Достижения (усилия) = Заслуги. Согласно этой формуле получается, что ценность имеет не только сам по себе интеллект, но также и его склонность к самореализации» [182, р. 94]. Таким образом, с имущественного расслоения акцент переносится в область интеллектуального неравенства. Новая форма неравенства и господства еще

более усиливает конфликт между интеллектуальной элитой и массой, не существовавший ранее. По мере разделения людей сообразно их уровню интеллектуального развития, заверяет М. Янг, разрыв между элитой и массой становится все более значительным.

С появлением труда Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» термин «меритократия» получил свое более широкое распространение и активное применение, однако, теперь им, по сути, стала обозначаться форма устройства постиндустриального общества, а также главный принцип управления им. Проанализировав доиндустриальные типы общества (где существовала аристократическая элита – «элита крови») и индустриальные (с капиталистической элитой – «элитой богатства»), Белл с нескрываемой гордостью констатирует успехи США, где начинает складываться постиндустриальное общество, неизбежно идущее к господству «элиты знаний». Обязательным условием доступа к власти в таком обществе станет, по мнению Белла, образование. При этом даже в индустриальном обществе отчетливо прослеживаются тенденции «имущественного расслоения по признаку образования». Белл твердо стоит на том, что информация и научно-теоретические знания являются главными стратегическими ресурсами постиндустриального общества, а университет выступает в качестве места их воспроизводства и генерации новой социально прогрессивной интеллектуальной элиты. «Постиндустриальное общество развивается сегодня на основе всемирного использования потенциала, заключенного в процессе теоретического знания» [15, с. 25]. Таким образом, наиболее востребованными в данном типе общества являются информация и новые формы знания, открывающие путь вверх и, более того, в своей новой роли они представляют собой поворотные пункты современной истории.

На этом фоне растет значение «элиты знаний», она все более и более пополняет правящую элиту, оттесняя на второй план увядающую при этом старую индустриальную капиталистическую элиту. Вместе с тем, Белл не утверждает главенствующей роли интеллектуальной элиты среди других типов

элит, поскольку в современной ситуации говорить об этом не приходится, так как данный класс еще находится на стадии своего зарождения, а позиции действующей по инерции правящей элиты еще довольно сильны. Пока «классу знаний» отведена лишь роль «консультанта» или «эксперта».

Класс интеллектуалов у Белла состоит из трех элементов: высший – «творческая элита ученых и высшая профессиональная администрация» [10, с. 130], средний – узкие специалисты и инженеры и низший – технические работники, ассистенты, младшие сотрудники [10, с. 130]. «Именно “новый класс”, интеллектуалы станут элитой общества. Белл полагает, что данный класс создает новую культуру, которая соединит в себе самое лучшее из элитарной и массовой культур, тем самым сблизив их» [79, с. 100].

С точки зрения элитологии, теория элит Белла не внесла принципиально нового в существующие идеи дихотомического деления общества на элиту и массу. Несмотря на свой радикализм и твердое намерение возвеличить интеллектуальную элиту, Белл не смог преодолеть сложившиеся рамки альтиметрической парадигмы и вынужден был представить интеллектуальную элиту производной от правящей в качестве консультантов и экспертов по поддержанию ее господства. Таким образом, концепции постиндустриального общества достаточно тесно примыкают к концепции меритократии, где интеллектуальная элита выступает в качестве носителя уникальных интеллектуальных ресурсов новой элитарной культуры и может входить в состав правящей элиты.

Начиная с середины XX века, интеллектуалы стали рассматриваться в качестве ведущей социальной общности, которая благодаря своим знаниям претендует на высокие позиции в обществе. Между тем следует признать, что концепция меритократии, равно как и концепция постиндустриального общества, не нашли своего полного воплощения в реальности вплоть до сегодняшнего дня и, в принципе, остались недостаточно востребованными.

В итоге мы видим, что если в середине прошлого столетия исследования элит проводились посредством имущественных, статусных, властных и других

альтиметрических характеристик, то уже к концу века четко артикулируются ценностные критерии выделения элит – уровень образования, квалификации, компетентности, степень интеллектуального развития. Поэтому принято говорить о политической, экономической, интеллектуальной, культурной и других элитах. Хотя эти типы элит и различаются качественно, современные исследователи при анализе плюралистической системы элит пытаются определить в ней доминирующий тип элиты, который имеет явное и прямое влияние на общественное устройство, оставляя безоговорочный приоритет за правящей элитой. Однако обзор представленных выше теорий, концепций и подходов указывает и на ключевые позиции интеллектуальной элиты.

Все заключается в том, каким подходом руководствуется определенный исследователь и, поэтому подход, например, политолога будет отличаться от подхода культуролога. Если первый для исследования элит выбирает, как правило, альтиметрические критерии, то второй предпочтет меритократические. Однако возможны и исключения и синтез различных подходов, в чем собственно и заключается преимущество культурологии, поскольку феномен элиты может быть рассмотрен и с политологических, социологических, философских, антропологических и других позиций. Поэтому, на наш взгляд, безоговорочно отдавать приоритет во всех областях общественной жизни какому-либо одному из типов элит является не совсем оправданным, так как в условиях плюрализма элит каждая из элит занимает свое место и играет свою определенную роль. Вместе с тем, доминирующий тип элиты вовсе не означает ее тотального влияния абсолютно на всю общественную систему. Стратификационная система более сложна и многообразна, обладает динамическим характером и не исключает конкурентной борьбы и смены различных типов элит в зависимости от уровня социокультурного, политического или экономического развития общества на разных этапах исторического процесса. Однако, как нам видится, эффективное преодоление деструктивных последствий последних десятилетий истории российского общества, качественный переход на принципиально иной уровень

своего развития, поиск вразумительных и эффективных решений адекватно меняющемуся миру, возлагают на интеллектуальную страту России особого рода ответственность как наиболее соответствующую современным тенденциям развития передовых государств.

Таким образом, важной и общей чертой для всех вышеназванных концепций является то, что «в историко-мировоззренческом аспекте они предлагают собственное альтернативное видение хода истории, где главным субъектом и творцом является тот или иной тип элиты, который задает общий вектор и динамику исторического процесса. Известный тезис представителя классических теорий элит В. Парето – “история – это кладбище аристократий” является тем стержнем, вокруг которого стали строиться теории элит. При этом вопрос о положении народных масс в истории остается в стороне, их роль и значение либо преуменьшаются, либо вовсе отрицаются» [2, с. 57]. По справедливому замечанию В. А. Давыдова «История элит, ее диалектика, ее исторический выбор, ее эволюция были синонимами истории народов, государств, культур, обществ» [41, с. 16]. В результате «История поэтому представлена в виде сменяющих друг друга в результате борьбы типов элит, их вечного перманентного обновления и противостояния. Элиты являются в некотором смысле двигателем истории, и от того, какой именно из типов элит является главенствующим в конкретный период времени, можно судить о той или иной эпохе – таков универсальный закон истории с точки зрения теории элит» [2, с. 57-58].

Проведенный исследовательский анализ приводит к ряду следующих выводов.

Во-первых, «Фундаментальным принципом социальной системы открыто признается ее дифференциальный характер. Любое общество иерархично по сути, неравенство индивидов в нем – имманентный признак его естественного, извечного и неизбежного состояния, атрибут цивилизации. Причем дифференциация общества по мере своего развития только расширяется и углубляется, достигая своего апогея (согласно теориям постиндустриального

общества) в постиндустриальной цивилизации, именуемой как “общество интеллекта”, где главным ресурсом и критерием отнесения к элите выступает интеллект» [2, с. 58].

Во-вторых, «Основным принципом, в соответствии с которым строятся теории элит, является разделение общества на две категории: элита и масса. Уже в классические теории элит явно указывают нам на то, что во всех обществах и при любой форме правления, начиная с первых цивилизаций и заканчивая современными состояниями, всегда существует две общности – меньшинство и противостоящее ему большинство» [2, с. 58]. Провозглашаемая «дихотомия элита – масса является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры» [10, с. 66] в любом исследовании элит.

В-третьих, «Исторический процесс рассматривается сквозь призму совокупности социальных циклов, определяемых господством определенных типов элит. Теории элит предлагают свое собственное видение человеческой истории» [2, с. 58], «...другую модель общества, движимого конфликтом между конкурирующими элитами» [83, с. 28], история – это «бесконечное сражение элит за власть, а человеческое общество проходит циклы взлета и падения правящих групп» [83, с. 38].

В-четвертых, в теориях элит «общим знаменателем практически всех определений является представление об избранности (декларируемой, либо действительной, – П. А.) определяемой категории лиц» [29, с. 8]. «Элита представляется как некая совокупность индивидов и рассматривается в качестве основной составляющей социокультурной динамики, двигателя цивилизационных процессов, главной конструктивной силы общества» [2, с. 58].

Глава 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

2.1. Интеллектуальная элита России: проблема категориального определения в социокультурной системе современности

На сегодняшний день важной «особенностью существующих теорий элит является также то, что практически все они рассматривают проблему элит в сложившейся социологической традиции. Зародившись в недрах социологической мысли <...>, теории элит продолжают развиваться в рамках устоявшихся парадигм. В Европе, а в дальнейшем и в США, сложилась своего рода монополия исследовательского интереса к проблемам элит, где доминируют именно социологические аспекты анализа, а объектом исследования выступают преимущественно политические, экономические и даже военные элиты. Существующие на сегодняшний день отечественные исследования в области элит в большинстве своем являются рецепцией уже сложившихся западных концепций и, на наш взгляд, продолжают придерживаться классических теорий, разработанных социологией» [2, с. 59].

Вместе с тем, представители современной социологической мысли признают, что «Элита – пожалуй, единственная из страт, претендующая на то, чтобы быть объектом изучения отдельной специализированной области знания, выходящей за рамки собственно социального. Понятие элитарности, будучи разрабатываемо в различных сферах действительности, обладает несравненно большим методологическим потенциалом, чем комплекс представлений о любом другом социальном слое» [60, с. 10]. В данном случае «Речь идет об элитологии, предметом изучения которой выступают элиты во всех сферах своего проявления. Однако сами отечественные элитологи констатируют, что подавляющему большинству современных исследований элит свойственна их однобокая социологическая направленность» [2, с. 59]. Утверждается в

частности, что «...нет работ, которые бы с позиции гуманитарных дисциплин подходили к изучению элитности не как социально-политического или экономического явления, а как общечеловеческого социокультурного феномена» [65, с. 4], а также, что «культурные тенденции современных российских элит в большинстве случаев остаются за скобками современных элитологических исследований» [62, с. 3].

В результате «ключевой методологической проблемой, существующей ровно столько, сколько существуют теории элит, остается глубокое теоретическое осмысление феномена элиты» [2, с. 58]. Основными методологическими подходами в современных исследованиях являются аксиологический (ценностный) и структурно-функциональный. Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки. В основе своей ценностная интерпретация элиты базируется на духовно-интеллектуальных критериях идентификации, отодвигая на второй план материальные и статусные показатели. Подразумевается, что индивиды, входящие в состав элиты, обладают выдающимися качествами, высоким интеллектом, талантом, способностями и имеют особую значимость для общества. Это и есть элита в полном смысле этого понятия, элита меритократии. Согласно структурно-функциональному подходу принадлежность к элите определяется фактом обладания конкретными индивидами реальной властью и влиянием, без строгой привязки к их интеллектуальным и морально-нравственным качествам. Такое понимание элиты наиболее распространено в современной науке, так как строго регламентирует круг лиц в нее входящих, что представляется удобным для большинства исследователей.

Большинству как зарубежных, так и отечественных исследователей, работающих в рамках структурно-функционального подхода, свойственно отождествлять элиту и политическую элиту (властвующую элиту, правящий класс, истеблишмент или правящие круги). Данная тенденция, как мы выяснили, возникла еще в классических теориях элит и продолжает существовать и сегодня. «Предложив ассоциировать элиту с властью, Г. Моска

и Р. Михельс положили начало рассмотрению правящего слоя сквозь призму теории элит, которому в дальнейшем последовал целый ряд ученых, придавая исследуемому предмету новый ракурс, но не отступая от основной посылки – "элита есть власть"» – справедливо заключает С. Л. Гертнер [33, с. 5]. В структурно-функциональном подходе критериями отнесения к элите выступают «принадлежность к власти, способность управлять и осуществлять властные полномочия, посредством принятия стратегически важных для всего общества решений» [2, с. 60], прямо влияющих на основные общественные структуры. «Трудно не согласиться с критикой в адрес структурно-функционального подхода в его чрезмерной формализации, который, по сути, под элитой подразумевает не личность как таковую, а “элитное кресло”, ею занимаемое» [2, с. 60].

В последствии «структурно-функциональный подход стал применяться для исследования именно политической элиты, причем с позиций принадлежности индивида к власти и политическим структурам что, на наш взгляд, является фрагментарным и недостаточным, поскольку не исчерпывает весь методологический потенциал данного подхода» [2, с. 60]. Данную структурно-функциональную направленность определил еще в 1985 году Г. К. Ашин, когда писал, что «политическая элита – это и есть элита в узком смысле слова (когда речь идет об элите как таковой, без определения “культурная”, “экономическая” и т.д., как правило, имеется в виду именно политическая элита)» [10, с. 79]. Наиболее показательна в этом отношении позиция современного отечественного социолога О. В. Крыштановской, для которой «Словосочетание “властвующая элита” является тавтологией, так как элита, по определению, есть правящая группа общества» [83, с. 75], «...элита не может не быть политической» [83, с. 76]. Наблюдается явный структурно-функциональный крен при идентификации элиты. Также «отрицаются в данном случае и теории плюрализма элит и неоднородность социального пространства, а также неоднозначность и многоаспектность самого термина “элита” с точки

зрения критериев отнесения к ней на различных этапах человеческой эволюции» [2, с. 60].

Кроме того, существует еще одна методологическая проблема, связанная с предельной широтой трактовки слова «элита». Сегодня данный термин начинает утрачивать свою первоначальную этимологическую коннотацию, причем «Смещение идет в сторону от интеллектуальных, творческих групп людей, которые и осознавались как элита нации, к определению словом *элита* верхних уровней политической власти» [136, с. 74]. Закономерно возникает вопрос: «Можно ли считать нынешние правящие группы элитой в подлинном смысле этого слова? Все чаще встают вопросы о “подлинной” или “настоящей” элите, возникают новые термины, с разных сторон обличающие сущность власть предержащих: от нейтрального “истэблишмент” и “публичная элита” до “псевдоэлита”, “квазиэлита”, “пораженческая элита” и пр. Данные смысловые и функциональные трансформации отражают одну из сторон современного элитологического дискурса, являются индикатором утраты этимологических первооснов, смещения аксиологических векторов» [2, с. 61]. Небезосновательными с этой точки зрения выглядят аргументы Ж. Т. Тощенко, который твердо убежден в том, что «Ни о какой элите в сегодняшней (да и вчерашней) России не может быть и речи. Ее давно уже не стало, нет и в настоящее время» [156, с. 375].

Еще более конкретизируют эту позицию современные отечественные элитологи Г. К. Ашин и П. Л. Карабущенко. «Слишком часто, – по историческим наблюдениям Г. К. Ашина, – элитой считаются люди, отнюдь не заслуживающие этого названия. Подлинная элита – это люди чести и совести, для которых главный приоритет – служение народу, это люди высокой культуры, способные разработать программу движения страны к процветанию» [13, с. 92]. По заверению П. Л. Карабущенко «Псевдоэлиты имитируют свою элитность и вводят тем самым свое общество в заблуждение, создавая условия для нового национального системного кризиса. Элита имитации ведет свое общество к неотвратимому краху» [66, с. 9]. Сегодня «Лжеэлита, захватившая

все возможные ресурсы, начинает процесс навязывания обществу ложных авторитетов». «Такой лжеэлите невозможно поручить ни интеллектуальных, ни культурных задач, стоящих перед страной» [49, с. 107, 113-114]. «Мы можем с грустью констатировать, – заключает в другой своей работе Г. К. Ашин, – что в верхних эшелонах политической власти России мы почти не находим элиты в нормативном плане, а лишь ее функциональный суррогат, который способен отстаивать свои клановые интересы, но не способен отстаивать коренные интересы российского народа, выполнять роль интегратора его интересов» [9, с. 18].

Наряду с этим «структурно-функциональная методология обозримо шире, чем принято сегодня ее применять для исследования именно политической элиты. Другие виды элит также обнаруживают собственную структуру, иерархию и выполняемые в обществе функции. В этом смысле феномен интеллектуальной элиты также может быть осмыслен с точки зрения рассматриваемой методологии» [2, с. 61]. Так Е. М. Левинтова в своем социологическом исследовании уходит от устоявшейся структурно-функциональной интерпретации, где «под интеллектуальной элитой подразумевается социологическая категория, включающая в себя: а) официально действующих интеллектуалов-политиков, находящихся или находившихся у власти <...> и б) официальных советников, экспертов, консультантов, идеологов, находящихся при политической элите, но в не входящих в нее непосредственно» [88]. Выходит, чтобы быть причисленным к представителям интеллектуальной элиты, исследуемой даже с точки зрения достаточно распространенного социологического ракурса исследования, не совсем обязательно прибывать в рядах элиты политической.

В результате фокусируется следующее методологическое наполнение рассматриваемой проблемы, когда «Интеллектуальная элита в таком видении предстает в двух аспектах. Во-первых, наблюдаемая конвергенция двух видов элит даже на теоретико-методологическом уровне и выделение на этом основании общего понятия “интеллектуалов-политиков” неслучайно, поскольку

позволяет политической элите, с одной стороны, пополнить свои ряды представителями из интеллектуальной элиты и не допустить тем самым собственного вырождения <...>, а с другой – легитимировать свое статусное положение в глазах масс. Во-вторых, именно интеллектуальная элита признается сегодня одним из основных субъектов государственной идеологии, выступая в качестве “экспертократии” или чаще всего “интеллектуальной услуги” политической элиты» [2, с.61-62] по генерированию долгосрочных целей и стратегий. «Блестящая интеллектуальная элита важна для страны, ее существование льстит самолюбию правящей элиты. Но интеллектуальная элита обычно стремится к независимости, что очень неудобно» [40, с. 103]. На сегодняшний день «Факт вхождения некоторых представителей интеллектуальной элиты в состав политической и других видов элит признается большинством современных исследователей, что является одной из немаловажных ее характеристик и одновременно одной из трудностей ее исследования» [2, с. 62].

Вместе с тем «на данном этапе и исключительно в рамках структурно-функциональной методологии можно вывести главную особенность такой мобильности представителей интеллектуальной элиты – данный канал мобильности работает только в одном направлении. Если допускается переход интеллектуала в политическую элиту, то для политика вход в интеллектуальную элиту обычно закрыт» [2, с. 62]. О. В. Гаман-Голутвина приводит следующие отличительные особенности инкорпорации в политическую элиту: «Принципиальной особенностью политической элиты является то, что в отличие от профессиональных элит она является открытой системой. Не имеющий специального образования и опыта работы по избранной специальности новобранец, как правило, не может претендовать на вхождение в сообщество профессиональных элит. Круг политической элиты пополняется за счет лиц различного образовательного, профессионального и имущественного статуса» [29, с. 12]. Как результат «такая “открытость” политической элиты, в конечном счете, заставляет усомниться в ее элитном

статусе с одной стороны, а с другой – подтверждает выдвинутый нами тезис о заградительных барьерах инкорпорации в интеллектуальную элиту представителя из политики» [2, с. 62]. Аналогичные инкорпоративные критерии политической элиты выявляет Ж. Т. Тощенко: «Если исходить из апробированных историей традиций, которые предполагают отбор лучших в состав элиты, то они не могли продолжаться в этой группе, поскольку в нее рекрутировались представители всех слоев общества и прежде всего по политико-идеологическим критериям. А эти критерии по своей исходной сути не могли (и не могут быть) истинными показателями интеллектуального и нравственного развития» [156, с. 375].

Можно заключить, что «политическая элита, исследуемая в рамках структурно-функциональной методологии, если и приносит определенные эмпирические результаты, то механическая экстраполяция подобного подхода в исследовательское поле интеллектуальной элиты выглядит малоубедительной, поскольку феномен интеллектуальной элиты обзримо сложнее и многограннее, чем политическая элита, поэтому не может быть в полной мере раскрыт в претендующей на универсальность альтиметрической парадигме» [2, с. 62]. Как точно замечает В. И. Казакова «Не обладая в каждом конкретном случае прочной связью с какой-либо социальной общностью или классом, интеллигент есть нечто вне-, над-, а иногда антиобщественное» [61, с. 177]. Приходится признавать, что «В складываемых российских условиях углубляющейся и расширяющейся общественной дифференциации трудно говорить об однородности социального происхождения представителей интеллектуальной элиты, пытаюсь расположить их в плоскости размытых социальных границ» [2, с. 62]. Все более «статус и идентичность постсоветского интеллигента не определяемы ни социальной принадлежностью, ни иерархическим положением, ни доходом, ни образованием, ни профессией» [101, с. 83], – конкретизирует В. С. Мартынов. В конечном «результате категория интеллектуальной элиты оказывается размытой по своим социальным параметрам и поэтому не может быть с

необходимой точностью зафиксирована с позиций одной только научной дисциплины или одного научного метода» [2, с. 63].

Представляется, что «Наиболее глубокому осмыслению феномен интеллектуальной элиты может быть подвергнут с позиций ценностно-нормативной методологии. Если структурно-функциональная методология тяготеет к онтологической описательности и позволяет зафиксировать интеллектуальную элиту здесь и сейчас, причем без необходимой конкретизации объекта исследования, то для ценностно-нормативной методологии свойственно вскрывать гносеологическую природу, сущностно-содержательную сторону этого явления, причем в его исторической ретроспективе с учетом генезиса и особенностей эволюции на различных этапах человеческой истории, у различных народов и общностей» [2, с. 63].

Ведь «именно культурология <...> позволяет интегрировать различные теоретико-методологические подходы к исследованию феномена интеллектуальной элиты, <...> путем глубокого осмысления сопредельных социально-гуманитарных знаний» [2, с. 63]. Г. К. Ашин справедливо замечает: «Подход политического социолога отличается от подхода культуролога» [11, с. 28]. И далее продолжает он «Культурологи обычно применяют термин “элита” к выдающимся деятелям культуры, к творцам новых культурных норм. Иногда он выступает как синоним “аристократии духа”. Для политического социолога элита – та часть общества (меньшинство его), которая имеет доступ к инструментам власти» [11, с. 28]. При этом современные исследователи элит все чаще приходят к выводу о значимости и перспективности культурологического ракурса исследования: «Менее всего изучена элита с точки зрения нашей отечественной культурологии. В то же время, культурологический подход позволяет обосновать, понять и интерпретировать элиту как культурно-антропологическую категорию, представляющую собой духовно-ментальную целостность, способную влиять на развитие отечественной культуры в целом» [76, с. 13].

Все чаще современные исследователи, занимающиеся методологическими проблемами исследования элит, подчеркивают настоятельную необходимость учитывать социокультурные компоненты исследования, так как «...именно социокультурные стандарты, исторические традиции формирования и функционирования представителей элиты становятся ключевыми характеристиками их деятельности. Заметим, что данные обстоятельства позволяют рассматривать развитие элиты в качестве целостного исторического, экономического и социокультурного процесса» [114, с. 32]. Можно резюмировать, что «Сказанное в полной мере применимо к элитам вообще и интеллектуальной элите в частности, подходы и исследовательские стратегии к которым пока не приобрели статуса исчерпывающих научных парадигм. Но важная особенность комплексного анализа интеллектуальной элиты заключается в том, что критерии ее идентификации заключены не столько в узкие (но немаловажные) рамки структурно-функционального подхода, сколько в сфере ценностной методологии, посредством которой возможно раскрыть всю природу отношений внутри интеллектуальной элиты и ее роли в сложноорганизованном социокультурном пространстве» [2, с. 64].

Итак, попытаемся выделить ряд критериальных характеристик интеллектуальной элиты с целью ее вычленения из сложного социокультурного организма для последующего исследования и выработки рабочего определения, которое в процессе исследования будет дополняться и уточняться. «Идентификация элиты как социальной общности основывается на системе социальных, культурологических и социально-психологических критериев» [27, с. 211]. При этом необходимо учитывать, что «критерии, по которым решается принадлежность к элите, подвержены социально-историческим изменениям и зависят от конкретного общества» [91, с. 100], «критерии элитарности подвижны во времени и пространстве» [91, с. 100]. Существовавшие некогда критерии отнесения определенного человека к интеллектуальной элите подвержены исторической эволюции, в результате

которой они трансформируются и усложняются (либо вовсе придаются забвению, уступая место новым) по мере развития и усложнения самого социокультурного организма.

В своем первом приближении конституирующим признаком и критерием при отнесении конкретного человека к интеллектуальной элите выступает высокий уровень развития интеллектуальных способностей. «Главным признаком для отнесения к интеллектуальной элите является развитый интеллект, то есть наличие определенного культурного багажа, позволяющего иметь более или менее цельное мировосприятие, при котором отдельные культурные, в том числе политические феномены не воспринимаются автономно друг от друга на уровне символов, но увязываются в сознании индивидуума в рамках единой логически непротиворечивой картины мира» [57, с. 3], – отмечает А. М. Ипатов. В данном случае прослеживается довольно размытое и широкое критериальное отнесение того или иного субъекта к интеллектуальной элите, требующее своего уточнения и аргументации. Важным поэтому является последующий анализ интеллекта как ресурса личности, посредством которого осуществляется позиционирование и идентификация в социокультурной среде.

Одним из основных критериев отнесения индивида к интеллектуальной элите, который в современных элитологических исследованиях явно доминирует – это высокие стандарты образования. Причем сам уровень этого образования оценивался далеко неоднозначно в различные исторические эпохи. А. В. Кокин предлагает различия между интеллектуалами сегодняшнего дня и интеллектуалами прошлого. Если раньше интеллектуалом мог считаться энциклопедист или очень разносторонний человек в области познания окружающего мира, то современный интеллектуал – «это чаще всего (хотя есть и исключения) не энциклопедист <...>, а специалист в какой-то отрасли знания, но его конкретные знания деталей картины мира гораздо полнее, чем у энциклопедиста» [73, с. 102]. По мере развития человечества, роста и углубления человеческих знаний происходит активная интеллектуализация

общественной жизни. Человеческий прогресс вносит свои коррективы в образовательный процесс, усложняет и дифференцирует интеллектуальный потенциал общества, а также критерии отнесения индивидов к интеллектуальной элите. Сегодня можно встретить утверждения такого рода: «Современные российские интеллектуалы стали массовым явлением. Безусловно, если в конце XIX века социальные поля людей с высшим образованием, элиты и интеллектуалов почти полностью пересекались, то интеллектуалам начала XXI недостаточно иметь высшее образование. Всего за сто лет омассовленное высшее образование превратилось из верного признака принадлежности к элите в нечто вроде общеобязательной социальной нормы, каковой в конце XIX века выступала обычная грамотность» [101, с. 76]. Ведь «Посредством образования происходит социализация индивида, причем оно адаптирует индивида к группе в соответствии с общим характером социальной структуры. Образовательная система при этом выполняет двойную функцию: она социализирует и селекционирует одновременно. От того, к какой образовательной системе привержен индивид во многом зависит его инкорпорация в элиту, так как система эта наряду с интеллектуальным развитием личности осуществляет ее отбор по интеллектуальным показателям» [3, с. 264]. Обычное высшее образование стало превращаться в массовое явление.

Сегодня таким критерием стоит считать не высшее образование как ранее, а элитное образование. Можно проследить цепочку интеллектуальной эволюции: обычная грамотность XIX века – высшее образование XX века – элитное образование XXI века. Этот важный аспект исторической динамики важно учесть при определении критериальных характеристик интеллектуальной элиты современной России. Его игнорирование вносит путаницу в исследовательский анализ. А. Н. Ильин, например, пишет: «В информационную эпоху с присущими ей тенденциями стремительного накопления информации, роста научного знания и дифференциации наук интеллектуалов, по большому счету, не существует. <...> Роль интеллектуала

сегодня аморфна не только потому, что, по сути, вышла из почета, но и потому, что в век постмодерна все являются интеллектуалами. Если раньше – например в эпоху Нового Времени – таким высоким словом можно было назвать человека, условно говоря, прочитавшего несколько сотен книг – единственных существовавших тогда книг – то теперь не хватит и жизни на то, чтобы протудировать всю имеющуюся литературу хотя бы по каким-то узким вопросам» [54, с. 46]. Приведенный пример Ильина А. Н. весьма показателен. Здесь нарушается логика исторического анализа, когда без должной методологической рефлексии критерии отнесения к интеллектуалам Нового Времени экстраполируются в современность и на этом основании делается вывод о том, что «в век постмодерна все являются интеллектуалами», допуская, видимо, то, что сами интеллектуалы статичны во времени и не подвержены развитию. Содержание понятия «интеллектуал» не является гомогенным и однажды достигнутым. Напротив, по мере развития и усложнения общественного организма изменяется и сущностное содержание термина «интеллектуал».

Таким образом, одним из ключевых критериев отнесения к интеллектуальной элите выступает не столько общее доступное для всех высшее образование, сколько образование элитное. Сфера современного высшего образования скорее является той интеллектуальной средой, из которой возможно появление интеллектуальной элиты. Современных интеллектуалов «...не определишь как просто обладателей дипломов о высшем образовании, хотя “потенциальный интеллектуал” – это тот, кто его получил» [159, с. 152].

Другим критерием отнесения к интеллектуальной элите является высокий адаптивный потенциал индивида и эффективность его взаимодействия с социальным окружением. По мнению Н. А. Степаненко, «в каждой развитой культурной и научной среде возникают особые интеллектуальные сообщества, которые стремятся как к внутренней консолидации, так и к установлению приемлемых взаимоотношений с правительственной бюрократией, военной элитой, политическими партиями, бизнес-элитой» [148, с. 3]. Неопределенность

и динамизм происходящих в обществе процессов вносят свои коррективы в позиционирование социальных субъектов. Очевидно, что «необходим механизм адаптации человека в складывающемся социокультурном пространстве, направленный на развитие качеств, позволяющих действовать в условиях неопределенности и нестабильности» [19, с. 3]. Адаптационный потенциал человека коррелирует с его местом в системе социальной стратификации. «Возможно, – допускает Л. А. Беляева, – наиболее сильным критерием, по которому формируется реальная стратификация российского общества, является в настоящее время уровень адаптации к проводимым преобразованиям. Система стратификации, построенная по этому критерию, достаточно сложна, поскольку разные социальные группы находятся на разных стадиях адаптации» [16, с. 44]. Интеллектуальные ресурсы индивида становятся не только средством адаптации к изменяющимся условиям, но и возможностью личностного и профессионального развития, сопряженные с перманентными процессами мобильности и интеграции в различные социальные группы.

Следовательно, социальный статус не является константой, а подвержен изменениям посредством мобильности и социальной активности личности. Процессам социальной мобильности подвержен любой индивид и любая социальная группа, но интеллигент, интеллигентная элита подвержены этим процессам в большей мере, что подтверждается рядом наблюдений. Как отмечает В. С. Мартынов: «Сегодня интеллигенты свободно могут занимать практически любые социальные позиции в социальной стратификации общества. Более эффективное единство интеллигентов теперь может быть достигнуто именно посредством их общественных целей и функций, связанных с производством моральных, культурных, социальных идеалов и образцов, которые не тождественны работающим автоматически стандартам и нормам социума» [101, с. 90-91]. Интеллигентная элита по своим социальным, экономическим, политическим и др. характеристикам не укладывается в прежние схемы социальной структуры общества. «Группу интеллигентов составляют выходцы из различных слоев, которые объединяются такими

чертами, как уровень знаний, творческих способностей, профессиональной принадлежности» [163, с. 67]. В результате, интеллеktуал может не только занимать любое место в системе общественной иерархии, но также активно по ней перемещаться. Вертикальная и горизонтальная мобильность выше у людей умственного и творческого труда, деятельность которых связана с генерированием новых и нестандартных идей. Поэтому высокая степень социальной мобильности характерна для представителей интеллектуальной сферы деятельности: «Представители нового класса интеллектуалов характеризуются исключительной мобильностью. Они могут применять свои творческие способности в самых разных сферах производства» [56, с. 16].

Процессы социальной мобильности представителей интеллектуальной элиты связаны таким образом с их адаптивными характеристиками, их гибкостью и приспособляемостью к динамично меняющимся условиям. По мнению В. Л. Иноземцева «Важным признаком “класса интеллектуалов” является востребованность его представителей в разных структурных элементах социальной иерархии, а также их исключительная мобильность» [55, с. 72]. Обладая уникальными знаниями, интеллектуал способен перемещаться по всей социальной структуре. Причем чем разностороннее индивид, чем шире его интеллектуальный и творческий потенциал, тем больше тех областей, где он может обнаружить и проявить себя.

Одним из условий успешной социальной мобильности и адаптации представителя интеллектуальной элиты является реализация накопленного им интеллектуального потенциала, который широко востребован на сегодняшний день со стороны других типов элит. П. Л. Карабущенко в этой связи совершенно справедливо замечает: «Главная проблема интеллектуальной элиты в том, что ее трудно бывает порой идентифицировать, так как многие ее представители часто находятся в составе иных типов элит, что накладывает свой отпечаток на общее положение критериев и оценок самой интеллектуальной элиты» [65, с. 138]. Обладая значительным потенциалом, интеллектуальная элита легко адаптируется в складывающихся

социокультурных условиях. Так «интеллектуальная часть российского общества, – отмечает В. В. Викторов, – очень неоднородна и старается обустроиться в политических структурах власти, выступает в роли советников высших должностных лиц, активно сотрудничает со средствами массовой информации и через них высказывает свою позицию. Некоторые ее представители входят в составы различных советов, фондов, центров и других государственных и общественно-политических структур» [24, с. 130]. И вновь мы видим, что зафиксировать интеллектуальную элиту исключительно с позиций структурно-функциональной методологии (каковая применяется для идентификации правящей элиты) довольно проблематично, так как универсализм, адаптационный и интеллектуальный потенциалы ее членов позволяют им легко перемещаться по всей социальной системе, как в горизонтальном, так и вертикальном направлении. Это накладывает свой отпечаток на идентификацию интеллектуала в социокультурном пространстве, выявление его места и функций в нем, но, одновременно с этим, позволяет конституировать «...основные черты современного интеллектуального класса, вобравшего в себя ряд базовых характеристик научной, предпринимательской и политических элит общества» [56, с. 18].

Наряду с этим, исключительная мобильность интеллектуалов, открывающая для них широкие возможности и горизонты, становится объектом нападков и яростной критики. В вину интеллектуалам вменяется конформизм, отсутствие патриотизма, мещанство, служение власти, отказ от морально-этических постулатов в пользу циничной расчетливости и пр. В частности, И. И. Кальной пишет о том, что интеллектуалы ориентированы на принцип «расчетливости», что «...интеллектуал способен найти компромисс с любой властью» [63, с. 156]. Показательно и утверждение А. В. Соколова о том, что «интеллектуалу свойственны культурная индифферентность, готовность адаптироваться к любой культурной среде, отказ от самоидентификации с определенной национальной культурой» [147, с. 47]. Как эти, так и ряд подобных утверждений не лишены оснований, но верны лишь отчасти.

В этом вопросе наиболее взвешенной представляется позиция Д. Е. Фирсова, который приходит к выводу, что «Интеллектуалов характеризует адекватная оценка своей исторической роли, стремление к самоопределению в истории и по отношению к ней. На основе исторической идентичности выстраивается концепция творческой самореализации интеллектуала, формируются условия раскрытия потенциала его автономности и деятельной духовной свободы – факторов его социальной идентичности. Соответственно, интеллектуализм представляет собой форму реализации интеллектуального ресурса исторического и культурного самоопределения в конкретной общественной ситуации» [161, с. 119-120]. Конкретизацию данной позицию можно обнаружить у А. У. Гоулднера, который характерной чертой интеллектуалов называл их богатый культурный капитал, состоящий из глубоких и разносторонних познаний в различных областях деятельности. Интеллектуалы, по Гоулднеру, свободно переходят от одной области деятельности к другой, у них плюралистическая система ценностей, они придерживаются нескольких парадигм мышления. Культурный капитал интеллектуалов дает им гораздо больше перспектив и возможностей для вертикальной и горизонтальной мобильности [176, р. 719].

Исключительная мобильность и высокие адаптивные характеристики интеллектуала согласуются с современными изменениями ценностных и мировоззренческих парадигм всего общества. Высокий темп, подвижность жизни, все возрастающая интенсивность межкультурных коммуникаций обуславливают адаптивное поведение интеллектуала, не исключая проблему его самоидентификации в социокультурном пространстве. Несмотря на свою видимую противоречивость, проблема самоидентификации в последнее время все чаще фигурирует в рамках стратификационных исследований. На страницах элитологической литературы самоидентификация становится даже одним из критериев для отнесения индивида к элите. Конечно, самоидентификация себя как интеллектуальной элиты является весьма вольной и совершенно недостаточной для ее конституирования, однако позволяет говорить об

интенции определенных субъектов на начавшийся процесс институционализации. Дело в том, что наблюдаемое сегодня смещение по шкале престижа социальных ролей и статусов и их наполнение новым содержанием расставляют свои акценты при определении стратификационных признаков. Поэтому в расчет принимается не только стремление субъекта к тому или иному статусу как форме, но также и его самоидентификация с точки зрения содержания. Самоидентификация индивида в дифференцированном и динамичном социокультурном пространстве и, как следствие, обретение идентичности довольно затруднены. В современных условиях, когда свойства социальной реальности и групп ее составляющих все больше приобретают характер неопределенности, все чаще говорят о потере идентичности или кризисе идентичности в складывающихся российских реалиях. Идентичность в результате становится непостоянной, временной, причем частота ее смены довольно высока.

В современном российском обществе групповая самоидентификация индивида может приобретать мозаичный характер, обусловленный изменениями своей принадлежности в зависимости от того, насколько актуальной оказывается для него та или иная позиция в то или иное время. В целом, можно согласиться с положением, выдвинутым А. В. Михайловским, что «С одной стороны, широкий процесс деполитизации и сложная дифференциация современного общества открывает перед тем, кто хочет называться “интеллектуалом”, возможность выбора – стать экономическим или политическим советником, имиджмейкером, консультантом по выбору различных стилей жизни, наконец, просто шоуменом. С другой стороны, кризисные явления современного общества указывают на пределы такой деполитизации и вновь требуют от интеллектуала политического самоопределения» [106, с. 122]. Самоидентификация представителей интеллектуальной элиты может происходить в перманентном интеллектуальном поиске и состоянии мучительного самоопределения и связываться с такими прочно устоявшимися идентичностями как, например,

интеллигент, ученый, профессионал, эксперт и пр. Более того, сам представитель интеллектуальной элиты может по различного рода причинам не воспринимать себя как элита и отказываться от каких-либо наименований. «Тем более, что большинство членов социальных групп, которые исследователи идентифицируют как элиты, не считают себя элитой» [47, с. 65], – подчеркивает А. В. Дука. Сходную позицию мы находим у С. С. Комиссаренко, которая, рассуждая об индивидуализме и неповторимости лучших личностей, пишет, что «Лучшее проявляется в ярко выраженной уникальности, которая, как правило, даже если и осознает свое превосходство над другими, то не детерминирует и не гиперболизирует ее. В основе же своей неповторимая личность менее всего озабочена доказательством своего превосходства, ибо она просто не причисляет себя к избранным» [75, с. 119].

Вместе с тем идентичность интеллектуала формируется в процессе его сознательной творческой активности, социализации и инкультурации, она подвижна во времени. В этом смысле можно говорить о сложности критериев самоидентификации интеллектуала, которые, вкуче с его исключительной мобильностью и высоким адаптационным потенциалом, приобретают особую проблематику. Для различных историко-культурных периодов характерно доминирование той или иной идентификационной модели, в соответствии с которой осуществляется структурирование социокультурного пространства и, вместе с ним, стратификационной системы. То есть идентичность выступает одним из факторов, определяющих современную стратификационную структуру общества в складывающейся реальности, а идентификационные основания соотносятся при этом с различными основаниями стратификации. Однако самоидентификация является одним из важных, но не единственным критерием, позволяющим исследовать процессы формирования и функционирования интеллектуальной элиты. К тому же критерий самоидентификации, как было сказано, является весьма спорным и недостаточно проработанным в методологическом плане, поэтому вполне оправданным является утверждение Л. М. Григорьева о том, что

«Самоидентификация той или иной группы (или индивида) как элемента “интеллектуальной элиты” требует проверки на реалистичность претензий» [40, с. 107]. К тому же зачастую понятие «интеллектуальная элита» это не столько объективное качество отдельно взятого индивида, которое он может констатировать применительно к самому себе, сколько возможная попытка присвоения им определенного символического ресурса для своего признания с целью надления его носителя определенным социальным престижем. Здесь обнаруживается прагматическое стремление такого индивида в повышении своего символического статуса в системе социальной самоидентификации.

Понимание интеллектуальной элиты как субъекта деятельности предполагает выявление совокупности ее интеллектуальных ресурсов (как группы в целом, так и индивидуальную личность), посредством которых осуществляется самоактуализация в социокультурном пространстве, включая возможность влияния на других субъектов и происходящие в обществе процессы. «Причем проявление зрелой субъектности включает в себя способность данного субъекта изменять сложившиеся социальные структуры, а не просто воспроизводить существующие социокультурные отношения. Это значит, что социальный субъект своей деятельностью определяет прежде всего инновационные процессы в обществе» [91, с. 100]. Вопросы деятельностного потенциала элит являются с одной стороны перспективным направлением при их исследовании, так как помогают зафиксировать реально действующих субъектов, оказывающих прямое или косвенное влияние на развитие общественного организма, а с другой – их сложностью и недостаточной методологической проработанностью. Как отмечает в своем исследовании С. С. Новопашин: «Смещение понятия элиты в современной социологии к термину, базовым содержанием которого становится именно деятельностный аспект, акцентирующий результативность этой деятельности, представляется весьма важным и принципиальным» [120, с. 33]. Представляется, что деятельность как многофункциональная методологическая категория может быть рассмотрена в качестве совокупности культурных практик, где личность, в виде

сформировавшегося субъекта интеллектуальной деятельности, реализует накопленный интеллектуальный капитал во вне.

Критерий продуктивности деятельности интеллектуальной элиты помогает очертить круг лиц в нее входящих, отделяя от других слоев. Продуктивность интеллекта человека элиты достигает выдающихся результатов во внешней деятельности и приобретает важное значение при его позиционировании в социокультурной структуре. В этом контексте понятие интеллектуальной элиты предполагает внимание к ее ведущей роли в функционировании и развитии общественного организма. «Данный критерий помогает отличить представителей интеллектуальной элиты как от полагающих себя интеллектуалами одиночек-маргиналов, не внесших никакого существенного вклада в оформление духовно-культурного облика своей либо последующей эпохи, так и от интеллигенции, то есть достаточно широкого слоя рядовых работников умственного труда» [46]. Высокоинтеллектуальная деятельность является уделом немногих, относительно узкой и малочисленной группы людей, достижения которых неоспоримы и значимы для общественного прогресса. Согласно А. Д. Савельеву, индивид может пополнить состав интеллектуальной элиты в том случае, если его интеллектуальные достижения являются выдающимися и неповторимыми, новаторскими, нацелены на выявление новых научных явлений, прорывных социально-общественных теорий. Таких людей, по его наблюдениям, еще называют «элитой проектной культуры» [142, с. 123, 119]. Если вопросы результативности деятельности в системе критериев интеллектуальной элиты могут рассматриваться сквозь призму как социальной, так и культурной значимости, то культурные практики, направленность потенциала их практической деятельности и целевых установок определяются качеством этой элитной группы, а значит, являются предметом культурологии.

Критерий продуктивности помогает очертить круг лиц, входящих в интеллектуальную элиту, отделяя ее от других слоев. Дело в том, что широкая сфера интеллектуальной деятельности не является монополией кого-либо

одного класса или одной группы. Ее сложность и детерминирована сложностью и многогранностью интеллектуального как такового, поэтому затрагивает широкие слои различных социальных групп, вплоть до рядовых работников интеллектуального труда. Вычленение из этого многообразия интеллектуальной элиты возможно путем выявления двух фундаментальных уровней проявления интеллектуальной деятельности: продуктивного и репродуктивного. Хотя в практической деятельности грань между ними весьма условна, продуктивный и репродуктивный уровни человеческого интеллекта являются относительно самостоятельными и автономными. Репродуктивный уровень интеллекта функционирует на основании уже имеющихся знаний и достижений, устоявшихся правил, норм и стереотипов. Данный уровень интеллекта свойственен, на наш взгляд, многочисленному слою интеллигенции, так как предполагает воспроизведение и трансляцию имеющихся знаний и сделанных интеллектуальным меньшинством открытий.

В отличие от него, продуктивный уровень интеллекта является одним из идентификационных признаков именно интеллектуальной элиты – малочисленной группы индивидов, генерирующей принципиально новые идеи и отличающихся своими выдающимися интеллектуальными достижениями в различных областях интеллектуально-инновационной сферы, ведущих, в конечном счете, все общество к новым рубежам своего развития. Их интеллектуальная деятельность приобретает творческий характер, а ее результаты представлены в виде выдающихся достижений и уникальных открытий, которые затем становятся достоянием широкой общественности и предметом многочисленных интерпретаций. Как отмечают специалисты: «Высшие творческие потенции принадлежат продуктивной подструктуре в человеческом интеллекте. Этот срез в умственной организации характеризуется гибкостью, открытостью, нешаблонностью, поливариантностью и оригинальностью» [80, с. 117]. Это люди исключительных дарований, интеллектуальное меньшинство, гении и творцы, чей уникальный интеллект становится двигателем истории. «Не трудно доказать, – считает Д. Л. Зыкин, –

что все выдающиеся достижения цивилизации – заслуга гениальных одиночек или очень небольших групп талантливых людей, принципиально отличающихся от всего остального населения» [53, с. 117]. Именно интеллектуальная элита как группа творцов-инноваторов задает новые идеи и новые образцы, на основании которых осуществляются общественные преобразования в соответствии с реальными вызовами, потребностями и возможностями конкретного общества. «Чем, в конечном счете, обязан массовый человек современных постиндустриальных обществ своей интеллектуальной элите, ее идеям и открытиям? – спрашивает себя Е. К. Краснухина и отвечает. – Благополучием, техническим оснащением жизни, высоким уровнем технологий. Если не высоким уровнем культуры, то уж высоким уровнем цивилизации. А чем народная российская масса обязана русской интеллигенции? Революцией и коррелятивной ей идеей “народного блага”» [81, с. 57-58]. Данный пример несколько фриволен и категоричен, но показателен с точки зрения продуктивности интеллектуальной деятельности, выражаемой в конкретных достижениях представителей интеллектуальной элиты, которые сами по себе редки и уникальны. Вместе с тем, затронутая проблема соотношений интеллектуальной элиты и интеллигенции не так проста и однозначна, как может показаться на первый взгляд, поэтому требует своего детального рассмотрения, которое будет проведено во втором параграфе настоящей главы.

Кроме того, что продуктивный уровень интеллекта является идентификационным признаком, он также выступает и дифференцирующим критерием внутри интеллектуальной сферы. Интеллектуальное пространство становится все более насыщенным, а его структуры все более усложняются по мере своего развития. Идентифицировать интеллектуальную элиту в таких условиях становится все труднее, так как «Класс людей знания, – по замечанию П. Бергера, – это достаточно крупная группа, не ограниченная теми, кого обычно называют “интеллектуалами”, которые, являясь основными

производителями символических знаний, составляют своего рода верхний слой этого класса» [17, с. 86-87].

В целом общественное признание достижений интеллектуальной деятельности носит проблемный характер, так как ее конечный результат уникален по своей природе и может не быть объективно оценен в социуме. Далеко не любой вид деятельности, особенно интеллектуальной, может быть адекватно воспринят всем обществом, поэтому актуализируется вопрос о конкретных показателях ее оценки и субъектов ее выполняющих. Как отмечают исследователи для определения значимости того или иного индивида для интеллектуальной сферы «используются известные индикаторы: публикации в престижных изданиях и количество патентов, рейтинг по цитат-индексу, получение научных наград и премий, представительство в научных советах и редколлегиях, т.е. измеряется не столько потенциал, сколько зафиксированные реальные достижения» [65, с. 138]. Т. Г. Лешкевич считает, что «Самым показательным индикатором принадлежности к интеллектуальной элите, помимо индекса цитирования, научных званий и премий, является стихийное присуждение имени автора сделанному им открытию или созданному им учению» [89, с. 101]. К этому списку различные исследователи добавляют: наличие собственной научной школы, избрание почетным членом академий; возможность использования полученных результатов в междисциплинарных исследованиях и на практике; подготовка научных кадров (число подготовленных кандидатов и докторов наук). Но наиболее весомым критерием принадлежности к интеллектуальной элите является присуждение Нобелевской премии, лауреаты которой удостоиваются наивысшего авторитета признания в глазах профессионального мирового сообщества и социума в целом.

Таким образом, идентичность интеллектуала не определяется исключительно посредством саморефлексии, индивидуального созерцания и соотнесения. Она является также продуктом более широкого социально-исторического контекста, в том числе процесса признания или же непризнания со стороны интеллектуального сообщества. Выделение личностно-

интеллектуально начала, определяющего «степень элитности» индивида является процессом ретроспективным: путем обращения от его актуального интеллектуального процесса к его истокам, этапу формирования его выдающихся интеллектуальных способностей. В интегрированном виде этот процесс был выражен в ранее приводимой нами формуле М. Янга: «Интеллект + Достижения = Заслуги». Впрочем, выведенная английским социологом меритократическая формула слабо коррелирует с российскими реалиями распределения привилегий, когда достигнутый элитный статус представителя интеллектуальной элиты и его наполнение могут расходиться с общепринятыми статусными позициями. «Вероятнее всего, – рассуждает Л. М. Григорьев, – значительная часть интеллектуальной элиты по формальным признакам – это обычный средний класс. И с Нобелевской премией в высший класс не попадешь – скорее в высший средний» [40, с. 92].

Процессы селекции в интеллектуальную элиту основаны на признании конкретных интеллектуальных результатов индивидов, демонстрирующих наивысшие показатели в своей области. Признанные профессиональным сообществом, они становятся образцом и интеллектуальным авторитетом в среде посвященных, что не вызывает никакого сомнения в их легитимности. Социальная, интеллектуальная, культурная значимость представителей интеллектуальной элиты объясняется еще и тем, что они востребованы в различных структурных элементах социальной иерархии, что, в свою очередь, говорит о их широчайшем кругозоре и универсализме, а также определяет факт их возможной принадлежности к различным социальным и профессиональным группам. На основании признанных достижений складывается социальный статус интеллектуала, его репутация, и дальнейшая степень воздействия на происходящие в обществе процессы в качестве полноправного субъекта влияния.

Вместе с тем, необходимо осознавать, что приведенные, в соответствии с индексным методом В. Парето, индикаторы интеллектуальной элиты не универсальны и имеют известную долю формальности. Ведь «академические

титулы и высокие общественные оценки достаются отнюдь не всем великим умам <...> Более того, нередки случаи полного забвения ценнейшей информации, не понятной экспертами <...> Промех в оценке интеллектуальной деятельности может слишком дорого обойтись человечеству» [137, с. 164].

Вопрос об объективной оценке результатов интеллектуальной деятельности далеко не однозначен и выходит за рамки собственно социологической системы координат. С этих позиций Г. К. Ашин, рассматривая социологический подход В. Парето, задается вполне резонными вопросами: «Можно ли использовать указанный критерий при определении, допустим, культурной элиты? Какой индекс следует присвоить Ван Гогу или Вермееру – гениям живописи, не оцененным по достоинству современниками, или И. С. Баху, гениальность которого в полной мере была оценена только его благодарными потомками? Очевидно, понадобятся специфически культурологические критерии» [13, с. 95].

Безусловно, применение индексных социологических критериев к анализу культурной, равно как и интеллектуальной, элит не дает должных идентификационных показателей, о чем и говорилось ранее. Деятельность интеллектуальной элиты носит опережающий время характер. «Поэтому, – по мнению доктора культурологии С. С. Комиссаренко, – оценки современников, как правило, не справедливы и не объективны. Лишь дистанция во времени способна сформировать объективную оценку деятельности духовно-интеллектуальной элиты» [75, с. 89-90].

Весьма спорное, на наш взгляд, утверждение, но, вместе с тем, имеющее право на свое существование. Действительно, время сглаживает многие второстепенные факторы, оставляя в памяти потомков лишь передовые достижения выдающихся личностей. Но время также склонно к идеализации, мифологизации, легендированию прошлого, либо вовсе к полному забвению и история знает тому немало примеров. Человек-творец, не воспринятый по достоинству своими современниками, спустя некоторое время может быть реабилитирован и воспринят совсем иначе. Точно и емко эти процессы описал В. И. Марков: «Часто выдвигаемая идея о том, что творец слишком "обогнал" свое время, и он

позднее получит заслуженное признание, не может в действительности служить утешением. Восприятие духовного наследия другими эпохами и народами по законам систем в принципе не может быть адекватным замыслу творящего. Его идеи будут оценены в контексте других проблем и на другом культурном фоне. А значит, будут акцентированы совсем не те моменты и не те смыслы, которые он закладывал в свои творения. Таким образом, на отношениях творца со своей культурной эпохой почти всегда лежит печать отчуждения» [100, с. 307]. Факт признания или же непризнания отдельно взятого человека-творца в различные исторические периоды может переходить из одного состояния в другое, не зависимо от замысла творящего.

Поэтому благоприятная оценка деятельности представителей интеллектуальной элиты будет зависеть от прогрессивности выдвигаемых ими идей или преобразований с одной стороны, а с другой – от уровня интеллектуального развития самого социума, который в свою очередь зависит от уровня общей культуры. Р. Коллинз в этой связи отмечает: «Интеллектуалы – это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, примет ли их кто-либо на практике» [74, с. 65]. Поэтому для своего благожелательного восприятия идеи, выдвигаемые интеллектуалом должны быть актуальны и адекватны социокультурному организму, в котором он функционирует и которому он эти идеи адресует. Если бы периодический закон химических элементов Менделеева попал в среду эллинистического интеллектуального сообщества, его автор не имел бы признания, так как просто не был бы воспринят той культурной средой. Конечно, идеи, выдвигаемые ключевыми интеллектуальными фигурами имеют свою проекцию в будущее, но для того чтобы быть по достоинству оценены современниками они должны быть актуальны здесь и сейчас, либо в ближайшем будущем. Но существуют также идеи, которые не теряют своей актуальности и значимости на протяжении целых тысячелетий (Конфуций, Платон, Аристотель), что свидетельствует о

необычайной глубине и фундаментальности мышления их авторов, простирающегося сквозь века.

Исключительная мобильность, высокий результативный и инновационный потенциал представителей интеллектуальной элиты граничат с инерционностью и консервативностью всего общества, что с неизбежным постоянством порождает конфликты и противоречия. Л. М. Григорьев в этой связи заключает, что «интеллектуальная элита выдерживает огромные нагрузки по дороге на Олимп (за малым исключением). Общество, видимо, не до конца решило проблему механизма признания “настоящей” интеллектуальной элиты. <...> Случаи успешной работы системы выявления и признания индивидов как элиты довольно редки и соседствуют (особенно в России) с бесконечными историями о признании после смерти, использовании изобретений третьими лицами и другими сложностями с индивидуальными правами интеллектуальной собственности» [40, с. 91]. Поэтому для адекватной оценки результатов интеллектуальной деятельности необходимо сопоставление их значимости как для малочисленного интеллектуального сообщества, так и для всего социокультурного организма, в котором инновационные идеи будут приживаться и реализовываться.

Интеллектуальный процесс определяется двумя ключевыми векторами – пространством и временем. Выше мы показали то, как признание выдающихся достижений может пролегать в достаточно широком временном интервале (идеи опережают время, признание после смерти), что указывает на «несвоевременность» этих идей с одной стороны, а с другой – их «неадекватности» существующему социокультурному организму. В биографиях таких людей часто можно встретить фразы вроде «родился не в то время» или «родился не в том месте»... Значит, интеллектуальная жизнь привязана к конкретному социокультурному пространству может изменять свой характер с течением времени. Происходящие в обществе изменения непосредственно связаны с двумя этими векторами и субъектами интеллектуальной жизни. Без опоры на культурный и интеллектуальный

капитал своих предшественников интеллект не сможет реализоваться в настоящем и уж тем более открывать человечеству новые горизонты своего развития.

Таким образом, для того чтобы интеллектуалу найти себя в этом обществе и быть им признанным ему необходимо знать это общество, быть ориентированным на него и на его культуру. Как отмечают исследователи «необходимое сложение национальной инновационной инфраструктуры остро нуждается в формировании интеллектуальной элиты нового поколения, способной соединять широкую гуманитарную эрудицию и высокую компетентность в освоении средств и инструментов продуктивной деятельности» [25, с. 40]. Сама социокультурная система как некая целостность в отношении интеллектуалов заведомо помещает их в существующие ценностные рамки. В процессе инкультурации и социализации интеллектуал интериоризирует ценностные основания социокультурной среды и формирует их индивидуальное видение и восприятие. Любая идея инновационного развития общества, в первую очередь развития институтов, ценностей, культуры должна исходить из имеющегося историко-культурного контекста. Для эффективного осуществления модернизационных процессов необходима инновационная элита, обладающая рядом качеств, способная предложить некий базовый консенсус в отношении сложившихся национальных ценностей и инновационных целей. Емко описал эти процессы А. С. Панарин: «Для того, чтобы включить эффективную программу развития страны, требуется не только использование таких новых факторов, как наука и образование, но и таких старых консервативных ценностей, как привязанность к собственной стране, патриотизм, национальная идентичность. Без этого инновационные группы могут превратиться в глобальную “диаспора прогресса”, тяготеющую к уже сложившимся модернизационным ценностям мира в ущерб покинутой Родине, обреченной стать “зоной забвения”» [127, с. 53]. Кроме развития и совершенствования инновационной составляющей в интеллектуальном потенциале нации особое значение имеет ценностно-этическая доминанта,

состоящая в готовности носителей интеллектуального потенциала осуществлять свою деятельность в конкретном обществе и на его благо.

Итак, как мы выяснили в первой части настоящей работы, интеллектуальная элита многокритериальная и многогранная социокультурная общность, располагающаяся в широком междисциплинарном пространстве и, поэтому, с трудом поддается своему определению и исследованию. Для ее идентификации требуется комплекс социальных, исторических, культурологических, и др. подходов, методов и практик, с учетом изменчивости социокультурных статусов субъектов интеллектуальной элиты, их подвижности во времени и пространстве. Таким образом, развитие теории интеллектуальной элиты проходит в различных направлениях, что обуславливает разностороннее восприятие данного феномена и его определений.

Для большей наглядности исследования вопроса о существующих дефинициях интеллектуальной элиты и попытках ее идентификации приведем несколько определений в их авторском изложении.

Так по мнению Л. М. Григорьева «к интеллектуальной элите относятся группы, задающие рациональную парадигму деятельности интеллектуальных сообществ. Эти социальные группы предлагают эффективные системы подходов к решению современных проблем науки и искусства, конкурентные в мировом масштабе. Эти группы определяют самосознание представителей естественно-научной, социально-экономической и политической культуры» [40, с. 106]. Представители интеллектуальной элиты производят рациональность в существующих областях общественной жизни, всем социокультурном пространстве, их интеллектуальные достижения имеют высокую значимость для развития всего общественного организма. В дальнейшем мы еще проследим, что существуют также и другие интерпретации интеллектуальной элиты, делающие акцент на рациональности ее представителей и признании рациональной парадигмы мышления как неотъемлемого атрибута развития человечества.

Согласно другому определению Е. А. Горчицкой «интеллектуальная элита общества представляет собой высший интеллектуальный слой, который определяет общественную динамику и является той референтной группой, на чьи ценности, считающимися образцовыми, ориентируется общество. Это или носители традиций, скрепляющих, стабилизирующих общество, или, в иных социальных ситуациях (особенно кризисных) – наиболее активные, пассионарные элементы населения, являющиеся инновационными группами» [37, с. 9]. Данное определение, на наш взгляд, не отражает всей специфики феномена именно интеллектуальной элиты и больше применимо к элите как таковой в ее меритократической трактовке и больше попадает под широкое определение элиты. Однако здесь прослеживается аналогия с «традиционными» и «органическими» интеллектуалами А. Грамши, рассмотренными нами ранее.

Для М. И. Орлова «большое значение имеет процесс складывания интеллектуальной элиты, к которой можно отнести специалистов по сохранению, использованию и переосмыслению существующих в обществе знаний <...> Принадлежность к интеллектуальной элите означает не только умение сохранять и приумножать знания, но и превращение данных знаний в ресурс цивилизационного развития общества» [121, с. 16]. Ниже мы рассмотрим то, какое значение в современном мире приобретает интеллектуальная элита, владеющая знаниями и информацией, выступающих в качестве стратегических ресурсов общества. Схожие установки мы увидим у Р. Коллинза, который характеризуя интеллектуалов как создателей идей, ценностей, символов и знаний, отмечает, что культурный капитал интеллектуала основывается на открытиях своих предшественников, он встречается с ними «лицом к лицу» сквозь поколения, способствуя тем самым дальнейшему развитию общества и обогащению интеллектуальной истории.

Более предметное определение представленной позиции можно встретить у М. А. Докоро: «Интеллектуалы представляют собой аморфный гетерогенный социальный слой, базовой функцией которого является конструирование

смысловых универсумов в современных обществах. Наряду с этой базовой функцией, интеллектуалы выполняют множество других, среди которых в качестве наиболее значимых выделяются функции рефлексивного отслеживания состояния общества, легитимации существующего социального порядка, критического анализа, а также экспертная и инновационная функции» [42, с. 22].

Еще П. Брудье называл интеллектуалов «культурными производителями», использующих свой интеллектуальный капитал для производства новых смыслов и новых социально значимых форм и идей. Интеллектуалы, по его мнению, всегда отличаются обладанием символической властью, основанной на их культурной легитимности и научном авторитете, что дает им право выступать перед обществом как наиболее компетентными в решении социальных, политических и культурных проблем, высказываться от имени культуры и науки.

По схожим характеристикам в работе Ю. В. Голубевой «интеллектуал рассматривается как человек, благодаря своему образованию, эрудированности и постоянному наблюдению за социально-политическими процессами выносит суждения о политической ситуации в государстве и мире, делает прогнозы общественного развития и сам участвует в политической деятельности» [36, с. 16].

В том же контексте, но более развернутое определение мы встречаем у Н. Н. Ярош: «Интеллектуал – это общественный деятель, носитель истины, “совесть нации”, хотя считается, что интеллектуалы в значительной степени определяют нормы и культурные ценности для остальной части общества. Как правило, это человек, имеющий высшее образование, с высокоразвитым интеллектом и аналитическим мышлением, который занимается интеллектуальным трудом. При этом интеллектуал – это не просто образованный человек. Важной характеристикой интеллектуала является его публичность, авторитетность, известность в широких кругах. Интеллектуал выступает генератором идей, это творческий человек» [174, с. 100].

Р. Флорида – автор теории «креативного класса», получившей в последнее время свое широкое распространение так характеризует людей, создающих и привносящих в жизнь нечто новое: «Отличительная особенность креативного класса заключается в том, что его представители заняты работой, главная функция которой – “создание значимых новых форм”. В моем представлении креативный класс распадается на две составляющие. Суперкреативное ядро нового класса включает ученых и инженеров, университетских профессоров, поэтов и писателей, художников и актеров, дизайнеров и архитекторов, равно как интеллектуальную элиту современного общества: публицистов, редакторов, крупных деятелей культуры, экспертов аналитических центров, обозревателей и других людей, чьи взгляды формируют общественное мнение. Кем бы они ни были по профессии – программистами, инженерами, архитекторами или кинорежиссерами, – творческий процесс поглощает их целиком. Я определяю высшую степень творческой деятельности как производство новых форм или моделей» [162, с. 86].

На основании представленных исследований, а так же на анализе отечественных и зарубежных работ вычерчивается культурологический срез необходимой и желательной интеллектуальной элиты применительно к России, который можно представить следующим образом: это социокультурное сообщество наиболее авторитетных культурных производителей новых ценностно-смысловых универсумов (знания, идеи, смыслы, формы, модели, ценности) в сфере сложного рационально-мыслительного труда, обладающих такими устойчивыми характеристиками как высокий уровень аналитических способностей, творческое и продуктивно-инновационное мышление, ригоризм, высокая степень интеллектуальной и критической рефлексии, признаваемых сообществом и задающих во многом темп и вектор всего общественного развития.

При всем схематизме и известной размытости предложенного определения интеллектуальной элиты оно представляется пригодным для учета

критериальных характеристик ее представителей и дальнейшего исследования объекта анализа, его функций, роли и значения, претерпевающих изменения в ходе социально-исторической и культурной динамики.

На основании изложенного можно заключить, что «проблема элит в российском исследовательском дискурсе относительно молода. Говорить о сформировавшемся и устойчивом методологическом аппарате исследования элит преждевременно. Представляется, что на современном этапе уместней будет применять понятие “методологического вакуума”, хаотично заполняемого системой принципов, методов, подходов, приемов, терминов из смежных социально-гуманитарных наук, что нередко приводит к методологической синонимии и, как следствие, методологической путанице и рассогласованности. Возникает острая потребность фундаментального исследования, глубокого осмысления феномена интеллектуальной элиты. Необходима конвергенция онтологического и гносеологического с целью объективного измерения существующей действительности с одной стороны и четкого теоретического понимания сущности феномена – с другой» [2, с. 64].

Таким образом, «наиболее используемый в современных элитологических исследованиях односторонний анализ интеллектуальной элиты с позиций исключительно структурно-функциональной методологии, неизбежно ведет к необоснованному отрицанию ценностно-нормативной парадигмы (берущей свое начало со времен Платона), что в результате приводит к поверхностной, субъективной и сиюминутной интерпретации. В результате необоснованно зауженное понимание элиты в современных российских исследованиях привело к этимологическим трансформациям, когда под элитой стали понимать исключительно политическую элиту. Ценностно-нормативная же методология, в большей мере раскрываемая посредством культурологи, позволяет исследовать проблему интеллектуальной элиты в качественно ином, содержательном уровне» [2, с. 64-65].

Качества и положение конкретных элитных групп позволяют выявить различные типы элит, посредством интегративного подхода, сочетающего в

себе ценностную и структурно-функциональную парадигмы. Данное обстоятельство обусловлено современными процессами интеграции научного знания, превалирующего над процессами его дифференциации, и повышением значимости социогуманитарных наук. Многосложный феномен элиты не может быть объективно рассмотрен посредством какого-либо одного подхода. Сам социокультурный дискурс предполагает наличие развернутого методологического аппарата. В своем диссертационном исследовании, посвященном «властвующей элите» в контексте социально-философского анализа, Ю. И. Гасилина, рассуждая об этих двух подходах, заявляет: «Ясно, что эклектическое соединение двух концепций заведомо не может быть плодотворным» и предпочитает «в качестве основополагающей именно ценностную методологию исследования элит» [30, с. 41]. Представляется, что следование такому утверждению не совсем верно, поскольку не учитывает огромный пласт других теорий элит. Ровно тоже самое можно сказать и о структурно-функциональном подходе, в узких рамках которого проводит свои исследования многие современные политологи и социологи. В тоже время интегративный подход не ограничен исключительно аксиологическим и альтиметрическим подходами, а предполагает также оперирование концептуальными положениями других постклассических теорий. Данный подход допускает множество оснований для интерпретации не только отдельно взятых элит, но и их взаимодействия с окружающей средой.

Элитные группы не являются гомогенными по своей структуре образованиями, и каждый элемент которых несет важную функциональную нагрузку. В современной России формирование и функционирование элитных групп детерминировано множеством социокультурных факторов, что и порождает определенную их специфику. В этой связи для культурологического исследования роли интеллектуальной элиты значимым и перспективным видятся ценностные вариации исследования элит, поскольку обладают наиболее широкими познавательными возможностями и позволяют адекватно отвечать вызовам времени.

2.2. Основания демаркации интеллектуальной элиты, интеллигенции и научной элиты в социокультурном пространстве современной России

Важнейшей чертой интеллектуальной элиты России является ее соотнесенность с аналогичными группами западной культуры. Для российской культурологии острой методологической проблемой является понимание и научная корректность применения термина «интеллектуал», а также его использование и соотнесение с термином «интеллигент». Отчасти ряд сложностей связан с разрешением противоречий между стремлением к унификации данных терминов в культурном процессе и фактом национального своеобразия истории России и ее культурных особенностей.

Мнения и позиции исследователей в этом вопросе разделились. Часть из них, активно использующих общепринятые универсальные научные подходы, особо не заостряет внимание на концептуальных тонкостях и использует понятия «интеллигент» и «интеллектуал» как синонимичные и взаимозаменяемые, не считая нужным разводить их. Другие полагают, что заимствование из западного словаря понятия «интеллектуал» недопустимо, так как противоречит социальным, культурным и историческим устоям российского общества. Считается, что интеллектуал является «антирусским» феноменом, чуждым русской культуре, в то время как интеллигент есть уникальный продукт самобытной отечественной культуры, аналогов которому нет в истории, и поэтому его место в ней является определяющим и не допускает сосуществование с какими-либо другими западными образцами. Предполагается также, что термин «интеллигенция» по своей природе – чисто русское явление, тогда как интеллектуалы есть только на Западе. Такие исследователи, конечно же, не утверждают, что необходимо полностью отказаться от использования западного опыта в процессе структурирования российского общества, но и слепое копирование западных культурно-теоретических схем представляется им совершенно недопустимым.

Сегодня сам термин «интеллектуал», так или иначе фигурирующий на страницах отечественных исследований, непременно (за редким исключением) наделяется негативным смыслом с ярким пренебрежительным оттенком по отношению к интеллектуализму, тяготеющего к рациональности и прагматизму. Их презрительно называют «рафинированные интеллектуалы», «сухие интеллектуалы», «высоколобые интеллектуалы» и пр. Говорят об их абсолютной чуждости русской культуре – лишь на том основании, что в них присутствует только изрядный ум, высококачественный уровень образования и нет совести. Западные «интеллектуалы» – это всего лишь слой лиц рационального умственного труда, а вот русский «интеллигент» традиционного образца – это нечто больше. В это «нечто большее» вкладываются различные, порой противоречивые смыслы. А. В. Соколов, например, говорит о некоем «этическом самоопределении», отличающем интеллектуала от интеллигента. Для Д. С. Лихачева – это всегда «эталон нравственности, духовности и культуры». В. Даль определял интеллигенцию как «умственно развитую часть жителей».

Весь интеллигентский дискурс, начиная с XIX века, концентрируется вокруг «нечто большего» и напоминает разговоры интеллигенции об «интеллигенции». Ярko и «по-интеллектуальски цинично» эту мысль выразил Н. Е. Покровский. Он отмечает, что западный интеллектуал находится в гармоническом равновесии с окружающим его обществом и «равновесие это состоит в том, что, согласно структуре рынка (в самом широком, почти философском смысле этого слова), западный интеллектуал производит ровно столько, сколько может потребить общество на данной стадии его эволюции. Это, разумеется, касается не только количества, но и качества интеллектуальных продуктов. <...> Короче, западный интеллектуал прежде всего сориентирован на поиски равновесия со средой своего социального существования, в чем подчас достигает выдающихся результатов <...> Русские же интеллигенты в большинстве своем самозабвенно трудились, создавая (и продавая) свои книги, симфонии, учебные курсы, интеллектуальные услуги и

пр., но собственно нравственное содержание их деятельности было, строго говоря, излишним, не продиктованным требованием рынка». В результате, «если западному интеллектуализму свойственно точное “измерение” ситуации, то российской интеллигенции присуще иное – прибавочная духовная деятельность, не продиктованная требованиями рынка, а потому как бы дополнительная, особая, по-своему свободная» [133, с. 9-11]. Возможно поэтому интеллектуальная элита в российских исследованиях является объектом критических нападков, так как, придерживаясь жестких норм беспристрастности, высвобождает «взрывчатое содержание современной культуры» (Ю. Хабермас). «Интеллигенция и интеллектуалы, – приходит к выводу Д. Е. Фирсов, – смыкаются, и даже частично пересекаются на общих границах автономных “полей”. Но интеллигенция, в отличие от интеллектуалов, не стремится к метакультурной экспансии, замыкаясь в собственном идейном ареале. Интеллигенты склонны, скорее, к философствованию, но не философии, религиозным переживаниям, но не телеологическим размышлениям, в целом к рефлексиям, далеким от стандартов западного академизма» [161, с. 61]. Интеллектуал угадывает хитрое равновесие, находит центр тяжести и источник общественных возбуждений, искусно скрывающихся за устоявшимися нормами и стереотипами. «Когда западные интеллектуалы берут на себя заботу о самосознании общества, то они вырабатывают науку социологию. Когда русские интеллигенты сосредотачиваются на том же самом, они создают идеал и символ веры» [31, с. 8], – конкретизирует М. Л. Гаспаров.

А. У. Гоулднер в рамках концепции рефлексивной социологии в своей работе «Будущее интеллектуалов и рост нового класса» утверждает, что в результате объективно-исторических процессов неизбежно возникновение нового класса [176, р. 711, 713]. Новый класс, по Гоулднеру, состоит из «интеллигенции» и «интеллектуалов», но при этом он развивает специфическое понимание их места и роли, существенно изменяя смысловое содержание этих понятий. В интеллигенции он видит, прежде всего, научно-технических

работников; это ученые и специалисты в области техники и технологий. Интеллектуалы же, по Голднеру, представлены, прежде всего, в лице гуманитарных, социальных ученых и профессионалов, способных распознавать неоднозначные образы плюралистического универсума и генерировать альтернативные и инновационные формы в существующей реальности.

Хотя Гоулднер использует термин «интеллигенция» в определенном противопоставлении термину «интеллектуалы», он все же объединяет их в одну общность в виде нового среднего класса, который представляет собой более образованную часть, по сравнению со «старым» средним и «старым» капиталистическим классами, которые неизбежно теряют свои доминирующие позиции, уступая место качественно новому классу. Интеллигенция и интеллектуалы образуют ядро новой иерархии, основанной на знании и культурном капитале, формируя тем самым новую правящую элиту. Идеи Гоулднера, как мы видим, не являются революционно новыми и тесно связаны с рассмотренными нами ранее концепциями меритократии М. Янга, Д. Белла и др. Однако меритократическая парадигма и противостояние капиталистическому классу не единственное, что объединяет интеллигенцию и интеллектуалов.

Гоулднер предлагает также две характерные черты, интегрирующие их в новый класс и идентифицирующие его. Это уже отмеченный нами культурный капитал (знания, квалификация, высокий уровень образования) и, что особенно важно, специфическая культура критического дискурса (особая речевая общность и коммуникативное поведение). Указанные черты определяют, по Гоулднеру, новый класс, именуемый им также как «культурная буржуазия» («буржуазия» – в силу обладания специфическим видом капитала), противопоставляя ее старой «денежной буржуазии». Новый класс усиливает свою автономию от старого класса.

Культурную буржуазию интеллигенции и интеллектуалов выделяет, по наблюдениям Гоулднера, грамотная, свободно формирующаяся, богатая по своему содержанию и литературно оформленная речь. Культура критического

дискурса солидаризирует новый класс в самостоятельную речевую общность, объединяет членов нового класса и дает им статус класса в социологическом плане. Дискурс нового класса превращается в мощное оружие, с помощью которого интеллигенция и интеллектуалы отвоевывают доминирующие позиции в социальной иерархической системе и защищают свои интересы.

При этом культура критического дискурса не только объединяет интеллигенцию и интеллектуалов в единый новый класс, но и дифференцирует их. Интеллигенция (научно-технические специалисты) и интеллектуалы (гуманитарии), как их понимает Гоулднер, обладают различными речевыми культурами. У них разный язык и разная система ценностных ориентаций. Интеллигенцию выделяет особая система ценностей и верований, выражаемых в определенной грамматической структуре языка, у них некий общий стандарт речи, она безлична и теоретична. Дискурс же интеллектуалов характеризуется концептуальной чистотой, ригоризмом и стабильным употреблением различных понятий: «Интеллектуалы представляют собой дискурсивное сообщество, речевые акты, с помощью которых они осуществляют классификации и типизации, создают иерархии и приписывают свойства, являются их основным оружием» [115, с. 100] – приходит к выводу И. В. Нарский. Иногда язык интеллектуалов называют еще высокомерным и «снобским» [138, с. 263]. Интеллектуалы свободно ориентируются в различных областях деятельности, у них плюралистическая система ценностей, им свойственны, как мы показали ранее, универсализм, высокая адаптивность, исключительная мобильность. Также И. В. Нарский анализирует термин «интеллектуалы» в определениях немецкого социолога Бернарда Гизена: «Интеллектуалы, согласно концепции Гизена, представляют собой дискурсивные сообщества, претендующие на миссию конструирования коллективного прошлого, настоящего и будущего, т.е. производство коллективных идентичностей – национальных, классовых, гендерных и пр.» [115, с. 100].

Это своеобразная вневременная характеристика интеллектуалов. Как показывает Т. В. Куц уже в поздней Византии интеллектуалами «с помощью риторических пассажей транслировались важные идеологические установки, воспроизводились базовые основы политической идеологии и представления об императорской власти» [87, с. 240]. За интеллектуалами закреплена компетенция создавать этико-философский и социокультурный дискурс; они рассматривают реальное в широком контексте возможного и поэтому склонны к крупным теоретическим обобщениям и открытиям в гуманитарной сфере. По утверждению Р. Г. Дарендорфа и сегодня «интеллектуалы по-прежнему остаются сейсмографами социального изменения, а иногда вдобавок являются его ферментами или, по крайней мере, катализаторами <...> они при этом сохраняют дистанцию, не приближаясь вплотную ни к вождям и бюрократам, ни к народным интересам – что имеет жизненно важное значение как для их собственной открытости, так и для открытости всего общества» [44, с. 109].

Культура критического дискурса интеллектуалов позволяет выделить их в самостоятельную общность, где язык, наряду с другими показателями, является определенным символом принадлежности к ней. Интеллектуалы обладают особым видом власти – «властью сказанного и написанного слова» (Й. А. Шумпетер) или, как конкретизирует О. И. Кирчик, «интеллектуала отличает обладание символической властью, покоящейся на социально признанном научном авторитете или культурной легитимности, т.е. на праве публичного высказывания от имени Науки или Искусства» [70, с. 317]. В этом смысле власть интеллектуальной элиты гораздо шире ее формальной компетенции.

Абсолютизация коммуникативных механизмов в интеллектуальной среде приводит к выводам о том, что представитель интеллектуальной элиты не элитарен сам по себе, а элитарен результат его деятельности, который он транслирует в социокультурную среду. Как отмечают исследователи: «элита – это такое сообщество, где каждый ее член имеет свой особый гарантированный доступ к публичному дискурсу и в силу этого элитарен не он сам, а его

сообщение. Любое сообщение, когда оно становится новостным событием, то есть начинает само порождать дискурс, может рассматриваться как сообщение элитарное. И человек, способный производить такие сообщения, есть человек элиты» [43, с. 184]. Но исключение из интеллектуального поля субъектов этого дискурса является неправомерным, поскольку не позволяют проследить генезис ключевой интеллектуальной фигуры, производящей эти сообщения. Власть интеллектуала зиждется на накопленном интеллектуальном капитале, позволяющим ему стать знаковой фигурой в интеллектуальном пространстве. Предполагается, что если интеллектуал не будет активно включаться в коммуникативные потоки и осуществлять публичный дискурс, то его интеллектуальная роль останется незамеченной.

Поэтому чтобы получить признание, дискурс интеллектуала должен быть адекватен существующей повестке дня и предьявляться широкой публике или, в терминологии П. Бурдьё, деятельность интеллектуала должна соответствовать «перформативному дискурсу». Сходную позицию можно встретить у Ж. -Ф. Лиотара, который установил, что идеям, не удовлетворяющим критериям перформативности, уделяется меньше внимания, а идеи, обладающие практической ценностью и эффективностью получают большее признание. Он употребил даже оригинальный термин «меркантилизация знания», для характеристики превращения знания в товар в интеллектуальной сфере, где все чаще начинают работать рыночные механизмы оценки перформативности интеллектуальных достижений [90, с. 19-21]. В результате, «То, что рано или поздно следуя законам развития модерна, класс интеллектуалов будет идентифицировать себя не столько с народом, сколько с текстом, представляющим “прогресс” и “современность”, сомнений быть не может» [126, с. 278], – сетует на этот счет А. С. Панарин.

Интеллектуал-ригорист придерживается рационального образа жизни и не приемлет избыточных эмоционально-чувственных форм культуры. В этой связи представляется интересным высказывание А. А. Зиновьева, заметившего, что сегодня «сложился своеобразный способ сочинительства и разговоров в

сфере социальных явлений, который я называю интеллигентски-обывательским способом мышления. Для него характерны такие черты. Не стремление к ясности и истине, а стремление произвести нужное впечатление на слушателей или читателей, создать видимость знаний, ума, глубины мысли, оригинальности и т.п. Сказать много, но хаотично и тенденциозно. Блеснуть эрудицией» [52, с. 10-11]. В отличие от такого способа мышления для интеллектуала характерен аналитический склад ума, ясный разум и ясный язык. «Интеллектуал, – по точному замечанию Д. Е. Фирсова, – действует с позиции выдвижения идей, постановки проблем, манифестации программ и теорий, выработки и обсуждения доводов, оценок и прогнозов, определения диапазона разумных альтернатив и критериев их селекции» [161, с. 40]. Интеллектуал придерживается разумно-рефлексивного способа мышления, стремящегося к истинности и содержательности.

Интеллекту не свойственна рационально-прагматическая картина мышления, он мыслит достаточно абстрактными категориями и не стремится во что бы то ни стало докопаться до истины, не ставит такой цели во главу угла. Интеллектуал же предан истине, которая для него также является некой абстракцией, но по мере приближения к ней, обретает конкретные и объективные черты. Интеллектуал, исследуя социокультурный организм, стремится отбирать для этого те методы, которые отвечают критериям валидности и надежности. При этом его интеллектуальный потенциал напрямую зависит от мировоззренческих установок и принципов, лежащих в основе той социокультурной среды, в которой он функционирует и поэтому он не может оставаться в стороне от того, что в ней происходит.

Когда влияние интеллектуалов выходит из собственно интеллектуального и попадает в сферу общественного, то тут возникает конфликт и борьба интересов, одним из основных субъектов которого является сама интеллигенция. Критически настроенный интеллектуал своей гуманитарной экспертизой покушается на запутанное интеллигентское «нечто большее». Сложенный в гармоничном синтезе рационального и эмоционального начал

интеллектуал не приемлет бесплодных интеллигентских волнений: культивировать нравственность и мораль, которые не опираются на человеческий разум, а движут им произвольно – достаточно опасное стремление с точки зрения интеллектуала.

Общественное и интеллигентское сознание не всегда может выдержать разрушительную рационально-критическую экспертизу. Ведь «люди и их объединения по самой своей природе таковы, что они скорее примирятся с ложью о себе, чем неприятной для них научной истиной» [52, с. 10], – отмечает А. А. Зиновьев. Хотя критерии согласия различных индивидов с определенной интеллектуальной парадигмой, во многом лежащие в области морали и нравственности, а не рациональных интенций, исторически изменчивыми и люди в массе своей все же воспримут такую истину как разоблачение своих тайн, как клевету, как нависшую угрозу. С одной стороны, страх к революционно новому, не укладывающемуся в устоявшиеся границы морали и нравственности, это мощнейший культурный механизм защиты, сломить который довольно непросто, а с другой – фобии определенных привилегированных групп и отдельных индивидов, эмоционально выражающих свою «непредвзятую» озабоченность. Кроме того, в обществе существуют также не менее мощные уравнивательные культурные механизмы. Суть их в том, что социокультурный организм не терпит девиаций: любое отклонение от нормы воспринимается как крайне нежелательное, как то, с чем непременно надо бороться.

Для более детального раскрытия данного вопроса необходимо кратко коснуться истории появления «интеллектуала» и «интеллигента», проливающей свет на генезис и развитие данных терминов. Интеллектуалы, в современном смысле этого слова, возникли во Франции в эпоху Просвещения. Свое широкое распространение термин «интеллектуал» получил в 1898 году, когда Франция после сфабрикованного дела о шпионаже офицера французского генерального штаба Альфреда Дрейфуса (известного как дело или процесс Дрейфуса, длившегося с 1894 по 1906 годы) раскололась. Возникла группа мыслителей,

вставшая на сторону Дрейфуса, и в знак протеста против несправедливости и самоуправства военно-политических сил Франции подписала ультиматум, опубликованный в 1898 году под названием «Манифест интеллектуалов». Этот факт послужил отправной точкой идеологических и теоретических дискуссий относительно статуса и роли интеллектуала во всей Европе. Примерно на это же время в России приходится появление термина «интеллигенция». Его широкое распространение в русской культуре связывают с деятельностью русского писателя и журналиста П. Д. Боборыкина, который, начиная с 1866 года, стал употреблять его в прессе. Позже, с выходом первых сборников статей о русской интеллигенции – «Вехи» в начале XX века, Боборыкин объявил себя «крестным отцом» нового понятия. Однако сам он признавался в том, что заимствовал термин «интеллигенция» из немецкой культуры и придал ему ту положительную коннотацию, которая применялась для обозначения узкой группы людей, занимающихся интеллектуальным трудом.

Так, в немецком языке термины *Intellektuelle*, *Intelligenz* часто имеют положительное ценностное значение «критическая», «творческая» или «интеллектуальная разведка». Кроме того, известно, что П. Д. Боборыкин долгое время проживал в Европе (где, кстати, и скончался), где это слово имело хождение в качестве иностранного, но вполне понятного в своих кругах. Известно также и то, что за границей Боборыкин познакомился с Эмилем Золя, который был активным участником дела Дрейфуса и пользовался влиянием и уважением, как в европейских кругах, так и среди радикальных разночинцев и либеральной буржуазии в России, в том числе и самого Боборыкина, что нашло отражение в его рассказах: «Псарня», «Выучка» и др. Боборыкин же, являясь «автором» самобытного русского термина «интеллигенция» придавал ему особое значение, ослабляя в нем интеллектуально-умственный компонент и акцентируя ценностно-нормативный, аксиологический. В результате интеллигенция для него стала совокупностью представителей духовной и этической культуры, а не работников умственного труда. Данную тенденцию подхватили и развили представители отечественной мысли, после чего

интеллигенция стала самобытным морально-этическим феноменом, умом и совестью нации с особой духовно-нравственной основой.

Когда же французские *Les intellectuels* и английские *Intellectuals* появились в русском словаре в качестве интеллектуалов, то это слово сразу приобрело отчетливо отрицательное значение с пренебрежительным оттенком. Связано это с тем, что в этих языках, в отличие от немецкого и русского, нет позитивной оценки в связанных с этими терминами словах. Негативное отношение к западным интеллектуалам в российской практике как раз и обусловлено этой этимологической спецификой: в этом значении есть только ум и нет совести; интеллектуал свободен от нравственности, он профессионал, специалист умственного труда и не более того, а русский интеллигент – самобытный отечественный феномен с наивысшим чувством совести и ответственности перед обществом. Приблизительно такое значение понятия «интеллигенция» можно встретить в западных словарях, в которых оно часто стало считаться чисто русским явлением (*intelligentsia*) и сопровождаться специальной пометкой «рус.», то есть по своему происхождению является категорией русского языка. Впрочем, слово «*sputnik*» также сопровождается такой пометкой, но никому и в голову не приходит утверждать, что искусственные спутники Земли являются специфическим русским явлением.

Когда европейские исследователи (привыкшие видеть роль своих интеллектуалов в исправном и профессиональном служении своему обществу и государству) пытаются понять, в чем заключается пресловутая специфика русской *intelligentsia*, то они видят в ней слой людей, воспитанный в расчете на реальные места в управлении обществом, но за отсутствием таковых оставшихся со своим образованием не у дел. Этим объясняется ее оппозиционность и революционный настрой, так как человек, не могущий удовлетворить свои притязания и амбиции, начинает яростно возмущаться. Вот, например, как размышляет о русской *intelligentsia* Р. Арон: «Термин “интеллигенция”, похоже, первый раз был использован в России в XIX веке: те, кто учился в университете и приобщался к культуре, имевшей по большей

части западное происхождение, составляли маленькую группу, не включенную в традиционную классовую структуру. Они были младшими детьми аристократов и детьми из буржуазных семей, а некоторые происходили из зажиточных крестьян. Оторванные от старого общества, они ощущали себя единой группой благодаря полученным знаниям и одинаковому отношению к существующему порядку. Все это, наряду с научным духом и либеральными идеями, склоняло их к революции» [6, с. 185-186]. Таким образом, для европейской традиции выделения элитных групп приоритет в сущностных чертах их представителей отдается разумному началу, при котором интеллект является первичным, а деятельность в мыслительной сфере признается главной. Для русской же культурной традиции складывания таких групп характерна духовно-нравственная доминанта внутреннего мира человека, категория «интеллектуально-разумного» имеет второстепенное значение.

Такой краткий экскурс в этимологию терминов «интеллектуал» и «интеллигент» не является исчерпывающим, однако, необходимым и достаточным для нашего исследования и понимания того факта, что весь лингвистический дискурс вокруг этих понятий берет свое начало в латинской письменности. Дело в том, что приведенные немецкие *Intellektuelle* и *Intelligenz*, английские *Intellectuals* и *intelligentsia*, а также французские *Les intellectuels* термины являются ничем иным как производными от латинского слова *Intellectus* – знающий, умный, мыслящий, понимающий, рассудочный. Происхождение этого слова исчисляется тысячелетиями и бытует во многих языках мира и поэтому сам предмет разговора об интеллигенции как уникальной и особой русской категории во многом надуман. Еще задолго до Боборыкина этот термин существовал в русском языке, хотя и писался чаще всего на латыни, что являлось обычным для иноязычных терминов. В то время латынь являлась основным языком русских семинарий и трудностей в написании и толковании данного термина не возникало. Более того, во времена Российской Империи при самодержавном правлении династии Романовых среди российского дворянства хождение имел не только русский, но польский,

финский, шведский языки. А в эпоху реформ Петра Великого и при правлении Елизаветы Петровны было сильно немецкое и французское влияние: среди дворянства появилась мода на все иностранное – на одежду, прически, манеры, пищу и, конечно же, язык. Российская элита практически не использовала родной язык, так как преподавание шло по иностранным книгам и учебникам, лекции читались на французском, а терминология изучалась на латыни. Вскоре элита стала не только читать, но и говорить на иностранных языках, активно употребляя среди прочих производные от лат. *Intellectus*. Уже по этим причинам, на наш взгляд, следует отказаться от укоренившегося мифа об «уникальной славянской природе интеллигенции», что открывает перед нами возможности ее объективного, а не изолированного сопоставления с другими социокультурными группами, в том числе и с интеллектуальной элитой.

Необходимо признать, что искусственно насаждаемый миф об исключительности русской интеллигенции, который активно муссируется с начала XX века весьма силен и сегодня. Ряд исследователей склонны утверждать, что интеллигенция является уникальным и самобытным феноменом именно русской культуры, не встречающийся более нигде кроме как в России. Конечно, можно и нужно гордиться уникальными достижениями своего народа, воспитывать чувство патриотизма и национального достоинства, формировать его национальную и культурную идентичность. Но когда на основе самозабвенной увлеченности вокруг темы национальной инаковости русской интеллигенции начинают паразитировать и создавать мифы, то разговоры на эту тему начинают носить амбициозно националистический, а где-то и русофильский характер. Как справедливо отмечает В. Г. Кремень, «Вся западная цивилизация построена на энергиях рационально-интеллектуальной деятельности. В целом Запад с его обустроенной жизнью, благосостоянием, правовой защитой, свободой и т.п. является результатом энергии интеллекта, его продуманной, конструктивной деятельности. Именно интеллект, а не этическая или любая другая идентичность создает новые технологии, совершает прорывы в науке, выстраивает проекты дальнейшего бытия

человека. Конечно, никто не отрицает энергетики национального духа. Однако, несмотря на все положительные характеристики, его абсолютизация порождает шовинизм, национализм, генерирующие уже не творческие, а деструктивные процессы в обществе» [82, с. 10]. Как видим, понятие «интеллигенция» не имеет ясного начала и своего логического завершения, этот термин размыт во всем многообразии самой отечественной культуры. В русском языке это понятие претерпело множество интерпретаций, отражавших историческую и социокультурную обстановку, в которой оно возникало, входило в обиход и функционировало. В различные исторические периоды каждое новое поколение русской интеллигенции определяет себя по-новому, что не может не породить великое множество ее смысловых и оценочных суждений.

При всей неопределенности и историко-культурной изменчивости понятия «интеллигенция», исследование посвященных ей отечественных и зарубежных источников, приводит нас к выводу о том, что интеллигенция как социальное явление выходит за свои национальные рамки. В качестве социокультурной группы она является одним из ключевых элементов любого цивилизованного и культурно развитого общества. Все дискуссии об интеллигенции как специфическом феномене русской культуры могут быть сопоставлены дискуссиями об интеллигенции других стран и народов. Можно присоединиться к мнению итальянского исследователя В. Страда о том, что «русская интеллигенция, при всех ее особенностях, не что-то уникальное, а часть сложного исторического явления – европейской интеллигенции нового времени. При этом национальная интеллигенция всех стран имеет свою более или менее выраженную специфику и очевидно, что история немецкой мысли значительно отличается от развития французской общественно-политической мысли, а эта последняя очень отличается от английской» [149, с. 30]. Существует также и мнение польских исследователей, считающих, что термин «интеллигенция» – продукт исключительно польской культуры, но при этом допускающих существование интеллигенции в России и других странах, и отмечающих при этом специфичность и особенность каждой из них. Как ни

парадоксально, но «декларируемое “антизападничество” отнюдь не означает, что тот, кто его прокламирует, избавился от “западных” концептуальных схем. Совсем наоборот, именно концепции, хорошо известные в истории интеллектуальной мысли западных стран, воспроизводятся здесь с наибольшей наивностью и копируются с максимальной точностью» [85, с. 14-15], – замечает В. А. Куренной. Однако всякий раз, когда Россия сталкивалась с незнакомыми для нее культурными образцами, она заимствовала их, многократно воспроизводила, а затем творчески переосмысливала их, поднимая на качественно иной уровень.

Если обратиться к истории развития России, то мы проследим, что феномен классической русской интеллигенции (как и многие другие самобытные отечественные феномены) берет свое начало, совместно с западными интеллектуалами, из западноевропейской культуры, которая, в свою очередь, тоже имеет глубинные культурно-исторические корни.

По мере своей исторической эволюции Россия постоянно испытывала на себе сильнейшее влияние других цивилизаций. Поэтому в значительной своей части русская культура всегда была ориентирована на чужую ей культуру. Вначале, при князе Владимире произошло крещение Руси, и высшая культура привносится из Византии, к системе норм и ценностей которой идет приобщение. Затем – при Петере I – прорубается «Окно в Европу», Россия видит себя частью европейской цивилизации и стремится соответствовать эталонам западноевропейской культуры. После этого, просвещенный абсолютизм Екатерины II только усилил степень культурного приобщения России к изысканным светским образцам западноевропейской культуры. Точно также Александр II, стремясь преодолеть отставание от передовых капиталистических государств, отменил остававшееся на тот момент только в России крепостное право, чем стремился вписаться в западноевропейский социально-политический и культурный эталон. Потом и при В. И. Ленине идет заимствование западного социально-философского учения, на котором в дальнейшем строилось все коммунистическое общество и его культура.

Наконец, сегодня мы ориентируемся на демократические идеалы западной цивилизации и стараемся копировать передовые европейские образцы и одновременно с этим определяем для себя ставший уже привычным западноевропейский культурный ориентир. Во всех этих случаях культурные эталоны и ценности задаются извне, что свидетельствует о сознательном усвоении чужих культурных моделей, интеллектуальных конструкций и концептуальных схем.

Сказанное нисколько не умаляет значение истории Великой России и ее самобытной культуры в мировом историческом процессе, а фиксирует лишь те факты культурного заимствования, которые имели место. Это приближает нас к раскрытию генезиса и специфики сегодняшнего взаимодействия русской интеллигенции и интеллектуальной элиты России, проливает свет на их структуру, роль и функции в российском обществе. В своем исследовании, посвященном российской интеллектуальной элите, Т. А. Пархоменко приходит к выводу о том, что уже «в последней трети XIX – начале XX века основной культуросозидающей силой в России стала профессиональная интеллигенция во главе с интеллектуальной элитой» [130, с. 31]. Происходило слияние таких «социокультурных явлений как наука и религия, гуманизм и богословие, которые претендовали на возделывание одной и той же “интеллектуальной территории” – на разработку онтологических и гносеологических вопросов, проблем человеческих взаимоотношений, этики и эстетики. Интеллектуальная элита выражала ценностные ориентиры, направленные не только на изменение духовной сферы, но и на трансформацию социальных отношений, связывая тем самым воедино проблемы общества с проблемами развития культуры. Европеизм интеллектуальной элиты неизбежно вел к расколу русского общества, ибо не соответствовал традиционному сложившимся в стране патриархальным отношениям, взламывал их посредством внедрения новых буржуазных ценностей. <...> Поэтому интеллектуальная элита явилась катализатором сложившихся в России противоречий между новой культурой и традиционной ментальностью» [130, с.

31]. Здесь можно говорить об определенных различиях западной новой и традиционной русской культур, где культурно-интеллектуальные различия конфликтующих сторон стали выступать скорее следствием, нежели исходной концептуальной предпосылкой. Проблема старого и нового предстает при этом в виде антитезы «мы – они» или «свой – чужой», но культурное развитие осуществляется все же посредством заимствования чужого опыта.

В результате происходит сложное переплетение различных культур на российской интеллектуальной почве. Новому осмыслению подвергались культурные образцы европейских стран-доноров, реципиентами которых становилась Россия и адаптация которых проходила в самобытной отечественной культуре под складывающиеся динамические условия. В результате часть заимствованных образцов и идей приживалась, другая часть отторгалась, а третья, пройдя чреду различных интерпретаций, менялась, адаптировалась и оставалась в российской культуре. Все это порождало полярные, оппозиционные и, казалось бы, взаимоисключающие тенденции. Отсюда появились западники и славянофилы как две необходимые и обязательные группы в русской культуре, которые просто не могут существовать одна без другой. А споры демократов и либералов с революционерами и консерваторами продолжаются и сегодня. Сходный характер проблем обнаруживается в оппозиции между западными интеллектуалами и русскими интеллигентами, правда с очень важной особенностью: и интеллигенция и интеллектуалы восходят к одному и тому же источнику и имеют общие корни, и русская интеллигенция является производной европейской культуры, которая явилась для интеллигенции постоянным культурным ориентиром. Еще современник тех лет П. Б. Струве писал: «русская интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только “образованный класс” и разные в нем направления» [150, с. 151]. Более

лаконично эту мысль выразил М. Л. Гаспаров: «русская интеллигенция была западным интеллектуальством, пересаженным на русскую казарменную почву» [32, с. 26].

По сути, интеллигенция стала той группой, которая по расширившимся в XIX веке каналам коммуникаций и образовательной сети получила доступ к западной научной литературе и образованию, успешно усвоив язык и категории европейской культуры. В дальнейшем интеллигенция использовала это либо для собственного самоопределения в своем противопоставлении с Западом, остро выражая ему свою неприязнь, либо для того, чтобы слиться с ним. Но в любом случае использовались те интеллектуальные модели и концептуальные схемы западной культуры, которые поддавались заимствованию. При этом важно отметить, что западная цивилизация, в свою очередь, является продуктом сочетания греческого интеллектуализма, римского правового порядка и христианских ценностей. Напряжение между этими началами служило постоянным источником ее беспрецедентного динамизма, ставшее образцом для многих стран мира, в том числе и России. Таким образом, мы имеем дело с наисложнейшим историческим процессом, в котором европейская культура также является реципиентом более древних цивилизаций. Идет перманентный процесс соприкосновения различных культур, ценностей, идеалов и традиций в контексте чрезвычайно широких хронологических и географических рамок, что, как мы ранее проследили, начало себя активно проявлять еще в Древнем Китае и Античности.

Однако для нас, при раскрытии специфики феномена русской интеллигенции и интеллектуальной элиты, принципиально важным является то обстоятельство, что все культурные явления, интеллектуальные модели и образцы, проникавшие в русскую культуру, удивительным образом трансформировались до своей неузнаваемости, делались непохожими на исходные модели и образцы. «Попадая на русскую почву, эти модели, как правило, получают совсем другое наполнение, и в результате образуется нечто существенно новое, – непохожее ни на заимствуемую культуру (т.е. культуру

страны-ориентира), ни на культуру реципиента. В результате – пусть это не покажется парадоксом – именно ориентация на чужую культуру в значительной степени способствует своеобразию русской культуры» [157, с. 11], – формулирует Б. А. Успенский. И действительно, мы можем проследить из приведенных выше исторических примеров то, как «чужое» может становиться «своим», существенно трансформируясь и зачастую меняя свой первоначальный облик. Так интенсивное усвоение византийских образцов культуры на последующем витке развития России дало мощный выброс собственных в окружающее пространство в виде идеи «Москва – Третий Рим». Петр Великий, заимствуя передовые европейские технологии и культуру, продемонстрировал нам такой модернизационный скачек, что Россия проявила свои националистические амбиции и как сверхдержава захотела стать весомым субъектом мировой истории, чем переставала все меньше нравиться странам-донорам. Первоначально «чужие» интеллектуальные идеи французских энциклопедистов эпохи Просвещения довольно скоро трансформировались в «свои», подарив нам выдающихся представителей русской культуры – М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, В. И. Баженова, И. Н. Никитина, Д. С. Бортнянского и др., нашедших национальные корни в чужеродной культуре. Марксистский проект, являвшийся квинтэссенцией многих базисных ценностей западной культуры, благодаря усилиям Г. В. Плеханова и В. И. Ленина был адаптирован к условиям российской специфики и приобрел на русской почве совершенно особые национальные черты, в чем воплотилась вся оригинальность интеллектуального вектора и логики советской истории. Подобный диалог культур и интеллектуальных парадигм мы можем наблюдать и сегодня, но его главная особенность состоит в том, что теперь он стал более интенсивным, более сложным, более ожесточенным, и ведется Россией не только с Европой, но еще и с Америкой и Китаем как минимум. Без всякого преувеличения можно сказать, что начиная с конца XX века Россия стоит перед глобальным историческим, интеллектуальным и культурным вызовом, вразумительного ответа на который не смогла найти и по сей день...

Таким образом, мы проследили, как Россия на общем фоне своего исторического развития активно перенимает интеллектуальные образцы западноевропейской культуры. Наряду с этим прослеживается специфика становления русской интеллигенции и западного интеллектуализма, особенности генезиса которых четко обнаруживают себя в интеллектуальной истории и культуре европейского Просвещения. Тем не менее, европейский интеллектуализм, попав на самобытную русскую почву, трансформируется в нечто отличное от западной интеллектуальной элиты и становится специфическим феноменом отечественной культуры – самобытной русской интеллигенцией. Здесь, по точному наблюдению М. Ю. Лотмана, речь «очевидным образом идет не просто о перенесении, трансплантации западноевропейской модели – помещение ее в принципиально иной культурный контекст приводит к ее перекодировке в терминах, специфических именно для русской культуры, трансформации, в результате которых многие из исходных компонентов были утеряны, а некоторые добавлены, и, что еще важнее, большинство акцентов было смещено, например, “передвинуто” из интеллектуальной сферы в сферу нравственную. В результате такого транскультурного перевода русская интеллигенция и с содержательной, и с функциональной точки зрения оказалась явлением принципиально иного порядка, нежели западная интеллектуальная элита» [93, с. 128]. В итоге мы видим, что интеллектуальным источником самобытности русской интеллигенции выступает западноевропейская культура эпохи Просвещения, стандартам которой она всячески старалась подражать, но и обращенность к которой она всячески старается отрицать.

Для эволюции русской интеллигенции вообще является характерным движение к стремительному следованию, обгону культурного эталона, который одновременно представляется и как притягательный и как потенциально враждебный. Так мы получаем особую уникальность интеллигенции, наделенную специфическими качествами, особенностью своей культуры, осознанием своей непохожести и отличия от других. «Русский интеллигент, –

замечает В. М. Межуев, – не просто человек высокой нравственности и морали (не надо, однако, при этом превращать его в святого), но в первую очередь носитель определенной идеологии, заимствованной, как правило, из западных источников. Иное дело, что, отстаивая свои убеждения, он часто являл собой пример подлинного подвижничества, самопожертвования и героизма. Но, поскольку идеи, за которые он был готов отдать жизнь, были по большей части чужими, заимствованными из-за рубежа, еще одним качеством русской интеллигенции стала беспочвенность, т.е. несовместимость защищаемой ею идеологии с реальным состоянием страны и народа» [103, с. 91].

Такая интеллигентская «инаковость» сделала ее принципиально непохожей на исходные образцы: интеллигенция оказывается одновременно и неправильным «чужим» и испорченным «своим». Этим отчасти объясняется другая уникальная особенность русской интеллигенции, переходящая от одного поколения к другому и отличающая ее от западной интеллектуальной элиты – это пренебрежительное и даже порой враждебное отношение к высокообразованным, силе интеллекта и уникальным продуктам его деятельности. Так в своем исследовании Т. А. Пархоменко показывает, что «интеллектуальная элита России вышла из лона европейского Просвещения и ее образованность представляла собой вариант западной просвещенности с характерным для него критическим отношением к жизни, теориями “естественного права” и “естественной религии”, защитой равноправия и независимости, в результате чего почти всякий интеллектуал в России превращался в русского европейца, некоего иностранца на родной земле, чувствовавшего себя нередко своим среди чужих и чужим среди своих» [130, с. 31]. При этом «ситуацию еще более осложняет тот факт, что в российском обществе профессионал-гуманитарий, интеллектуал вольно или невольно оказывается в окружении интеллигентов и воспринимается всеми как интеллигент. От него ждут соответствующих реакций, он сам привыкает к ним и часто не в состоянии отделить себя от интеллигенции. Обыденное мышление

его сообщества фактически всегда находится во власти “интеллигентской парадигмы”» [104, с. 112].

Сегодня существует убежденность в том, что существующая социокультурная система российского общества со свойственным ей позитивным консерватизмом является пристанищем традиционной интеллигенции, а не инновационной интеллектуальной элиты. При проведении различных социокультурных исследованиях интеллигенция, как правило, удостоивается положительной коннотации, тогда как интеллектуалам практически повсеместно отказывают в преимуществах, обвиняют в отсутствии патриотизма, говорят об их чуждости русской национальной культуре. Так «служение национальной культуре, – по глубокому убеждению А. В. Соколова, – представляет собой создание, хранение, распространение и освоение национальных культурных ценностей. Излишне подчеркивать патриотическую сущность подобного суждения, излишне доказывать, что русский интеллигент (не интеллектуал!) не может не быть русским патриотом» [147, с. 54-55]. Полемическая острота этих заявлений, невольно вызывает сомнения в своей точности. А. В. Соколов предлагает резко поляризовать фигуры интеллигента и интеллектуала, повсеместно приписывая последнему негативную идентичность, стремясь дезавуировать его роль и значение в российской истории.

Действительно, за интеллигенцией чаще всего признается роль носителя исторической памяти, но справедливости ради необходимо представить контраргументы и другие позиции по данному вопросу. Более последовательной и, в отличие от А. В. Соколова, аргументированной представляется позиция С. Г. Кара-Мурзы: «Конечно, говоря “интеллигенция”, мы говорим о *социальном* явлении, а не о личностях. Ясно, что большинство интеллигенции – патриоты, расхождения возникают в *наполнении* этого понятия, в выборе установок по конкретным вопросам. Да к тому же в 90-е годы вовсе не патриотические ценности отличали наиболее политически активную часть интеллигенции, а ценности космополитические,

псевдоуниверсалистские» [69, с. 697]. Кара-Мурза, как мы видим, предлагает рассматривать интеллигенцию не в ее синкретической целостности, а выделять в ней различные части, которые могут отличаться от целого своим морально-нравственным наполнением. Схожей позиции, но только в отношении интеллектуалов, придерживается А. С. Панарин, когда отмечает, что «среди интеллектуалов есть не только левые капитулянты, но и патриотически настроенное крыло, которое по своему профессиональному уровню и общественному престижу нисколько не уступает леволиберальному альянсу» [128, с. 136]. Таким образом, интеллигенция, равно как и интеллектуальная элита, не являются гомогенными социокультурными образованиями, а состоят из различных взаимообуславливающих, взаимодополняющих, а порой и конфронтационных групп и частей, которые, как и другие элементы социокультурной системы, подвержены исторической эволюции.

Считается также, что интеллектуал не акцентируется или уделяет мало значения морально-этическим и духовно-нравственным аспектам в своей деятельности. Таковые принято относить к особому роду деятельности интеллигенции, но никак не интеллектуальной элиты. Различие между ними разворачиваются, как правило, через оппозицию «долг и совесть», «мораль и нравственность», где интеллектуалам приписывается негативная идентичность, а интеллигенция непременно наделяется «чем-то большим», «чем-то лучшим» в отличие от них. При этом «ненравственные» качества, такие как профессионализм и уровень образованности интеллигенции редко ставится под сомнение, она априори лучшая, не требующая каких-либо доказательств и аргументации. Вместе с тем, интеллектуал отвергает всякие интеллигентские метания, неопределенность, колебания, жалобы, так как убежден, что его роль и значение определяются уровнем его профессионализма, образованности, компетентности, конкретными результатами его деятельности. Интеллектуал является специалистом в области профессиональных, а не нравственных суждений. А. С. Панарин на этот счет пишет: «Нравственное суждение не знает привилегий образованности – его источником является не профессионализм, а

особый опыт любви и сострадания» [128, с. 93]. И далее замечает он: «Русский интеллигент – это не столько профессионал в той или иной области духовного производства, сколько тираноборец и вестник-глашатай великого исторического реванша слабых над сильными» [128, с. 173]. Возможно поэтому российская интеллигенция является тем трудноуловимым явлением, что в силу недостаточного уровня профессионализма не может стать автором и производителем уникального духовного продукта, а лишь его комментатором и ретранслятором?

Интеллектуал-профессионал движет науку вперед, ведет общество к прогрессу и, возможно, где-то пересекает тонкую и довольно размытую грань дозволенного, имя которой нравственность и которую так оберегает интеллигенция, зачастую сама не зная ее пределов. М. И. Микешин на этот счет точно замечает: «Профессионалы используют совершенно естественный путь: они работают в мировой науке и стараются мыслить в категориях, ценностях и проблемах мировой науки, разумно и обоснованно считая себя ее частью. Интеллигенция стремится совсем не к этому. Позиция интеллектуала-профессионала вызывает у нее резкую реакцию осуждения. Профессионал обвиняется прежде всего в безнравственности: занимаясь делом, он оказывается в стороне от “нравственных проблем” интеллигенции, от “борьбы за народ и его культуру”. Стремление профессионала как можно лучше и добросовестнее делать свою работу (что поглощает у серьезного исследователя фактически все его жизненное время) считается не имеющим отношения к нравственности и осуждается как бегство от проблем общества (а возможно, и как очевидный упрек бесплодию интеллигента)» [104, с. 111-112].

Интеллектуалы-профессионалы, таким образом, впадают в противоречие с существующей социокультурной системой, олицетворением которой является интеллигенция. Во многом это искусственно насаждаемое противоречие, заслоняющее ту критическую роль, которую интеллектуалы, склонные к развенчанию мифов, могут выполнять сегодня в российском обществе. Изначально «культурная несовместимость» интеллектуалов для русской

культуры, порождаемая интеллигентской риторикой, набрала свои обороты и распространилась на все российское общество: начавшиеся еще в «Вехах» теоретические споры между понятиями «интеллигенция» и «интеллектуалы» переросли в полемические. В этой связи А. Кустарев отмечает, что сегодня «публичная полемика вокруг понятий “интеллигенция” и “интеллектуалы” отражает некие общественные противоречия, групповые интересы, социальные патологии и специфические комплексы заинтересованных социальных групп и индивидов» [86, с. 239]. В результате мы видим, что современное состояние, роль и место не только интеллектуальной элиты, но и всего культурного слоя определяется, в большинстве своем, негативным вектором отечественного развития социокультурных отношений, на основании чего складывается пренебрежительный характер в его описании. За идеологической полемикой скрывается всяческое нежелание ныне господствующих групп признавать свою несостоятельность и неспособность генерации новых творческих идей, созвучных главным тревогам нашего времени. Во все времена выдающиеся интеллектуалы были окружены множеством завистников и посредственностей, которых всегда раздражает все великое, сложное и для них непонятное, которое они стремятся всячески отрицать или исказить его значение. Еще Платон и А. Шопенгауэр, как мы проследили в первой главе настоящей работы, писали о неприятии пассивным большинством выдающихся личностей из-за их превосходства в интеллектуальном развитии и качественно иным морально-нравственным установкам. Проблема взаимоотношений между пассивным большинством и интеллектуальным меньшинством в историческом времени носит перманентный характер и активно проявляется в наши дни. Интеллектуалы снискали славу «высоколобых» циников, враждебных русскому обществу и его культуре за то, что смогли пошатнуть окаменелые правила и принципы, взглянуть на существующее положение вещей на другом уровне и под другим углом. И чем более нестандартно мыслит индивид, чем выше уровень его интеллекта, тем он быстрее рискует стать «враждебным» объектом по отношению к существующей системе. Уже только эта черта интеллектуала

является объектом обвинений и яростной критики со стороны интеллигенции, хотя неверно полагать, что интеллектуалы, как таковые, враждебны российскому обществу и его культуре.

Сегодня приходится признавать, что мы по-прежнему развиваемся под влиянием интеллектуальных идей и ценностей Запада (демократия, капитализм, права человека). Но несомненно то, что они могут и должны реализовываться по своим национальным рецептам внутри страны, а не приходить готовыми извне. «Это требует колоссальных творческих усилий, опирающихся не только на культурную память, но и на сыновнюю почтительность перед делами предков. Чем глубже наша культурная память, тем шире горизонты нашего будущего. Умение подхватить эстафету – вот чего по-настоящему не хватает нашей интеллигенции, ибо эпигонам не дана творческая спонтанность: за новым они всегда обращаются к западным учителям» [128, с. 148], – заключает А. С. Панарин.

Представляется, что описанные диалоги культур особенно значимы для современной России, так как могут служить основой ее национальной идеи и стать моделью для всех последующих контактов такого рода. Интеллигенция, склонная в своих описаниях русской культуры отводить себе центральное место и утверждающая свою «самобытность», «неповторимость», «невоспроизводимость идентичности» и пр., является в действительности ничем иным как продолжателем той интеллектуальной мысли, которую она заимствует у западной культуры. Поэтому все выпады с ее стороны в адрес интеллектуалов как чужеродного и опасного русской культуре элемента выглядят, по меньшей мере, странными. Объясним и ее естественный соблазн националистической риторики, связанный с обманчивой легкостью новой апологии «особого», «принципиально иного» пути России. Однако такой во многом пафосный и невнятный образ интеллигентского мышления сегодня исчерпал себя, утратил свои энергии и не несет действенных импульсов развития. Это не говорит о том, что интеллигенция с ее напыщенным пафосом относительно культурно-национальных ценностей и приоритетов является

лишним элементом в развивающейся России, вовсе нет. Просто смещаются акценты. Пришло время новых интеллектуальных стратегий мышления, новых действенных идей, способных вывести Россию на новые рубежи своего развития. Необходима своя национально мыслящая интеллектуальная элита с особой интеллектуальной чуткостью, которая может быть выращена из недр богатой российской истории и культуры.

С учетом вышеописанных тенденций вопрос соотношения интеллигенции и интеллектуальной элиты усиливается с общей актуализацией теории элит. Как та, так и другая группы вправе претендовать на элитные позиции в структуре стратификационного пространства России. В частности, С. Г. Карамурза говорит о том, что «начиная с 60-х годов происходило сближение, духовное и социальное, нашей элитарной интеллигенции с интеллектуальной элитой Запада. С некоторым отставанием взгляды западной элиты просачивались и укоренялись в сознании нашей интеллигенции» [69, с. 717]. Изначально феномен интеллектуальной элиты выкристаллизовывался в теории западноевропейской научной мысли как «класс интеллектуалов», в котором определяющим критерием его идентификации была сфера интеллектуальной деятельности. Однако по мере развития и усложнения самого культурного организма стало возможным говорить об уровне интеллекта как факторе элитарности в определенных условиях социокультурной среды. Как было показано, современное состояние интеллектуальной элиты в России характеризуется преимущественно негативным вектором своего развития, в то время как интеллигенция удостоивается положительных характеристик. В западных же обществах можно наблюдать диаметрально противоположную ситуацию: место и активная роль интеллектуала как профессионала в определенной области не вызывает никакого сомнения в своей легитимности и характеризуется позитивным вектором развития, а вот место интеллигенции представляется не совсем ясным. Именно под воздействием этих векторов и складываются специфические характеристики в описании рассматриваемых нами групп.

Интеллектуальная сфера эгалитарна в том смысле, что интеллектуальная деятельность не является монополией какой-либо одной группы или класса; представители интеллектуальных профессий могут принадлежать к различным социальным группам. Интеллектуальная составляющая деятельности служит им объединяющим началом. В то же время интеллектуальный потенциал обществ – это постоянно изменяющаяся система по линии своей дифференциации и усложнения, что создает предпосылки возникновения новых групп и сообществ. В целом общности, представляющие современные интеллектуальные слои общества, представляют собой несколько групповых образований, таких как эксперты, профессионалы, научная элита, интеллигенция, высококвалифицированные специалисты и т. д. Все они являются потенциальными источниками структурирования интеллектуальной элиты, а отличительные черты их самых непревзойденных представителей позволяют определить некоторые критериальные характеристики, свойственные представителям российской интеллектуальной элиты. Применим здесь также и индексный метод В. Парето, предлагавшего, как мы выяснили, присваивать выдающимся индивидам, добившихся выдающихся результатов в своей деятельности, наивысшие индексы и на основании этого причислять их к элите.

Иногда, обращаясь к типологии интеллектуальной элиты прибегают к понятиям «гении-первооткрыватели», открывающие новую эпоху, творящие новые понятия, теории, оригинальные пути мышления и «гении-завершители», которые на основе сделанных открытий находят им практическое применение, адаптируют к условиям складывающейся действительности, руководствуясь, в конечном счете, благими целями и мотивами совершенствования человеческой жизни по пути прогресса.

В ряде проводимых исследований было замечено, что существует, независимо от вариантов структурирования интеллектуальной деятельности, универсальная шкала ранжирования получаемых от нее результатов [142, с. 123]. Первый и наиболее высокий ранг ценности присваивается абсолютно

новым открытиям и закономерностям, новым социальным и культурным теориям. Предполагаемый результат от них либо не имеет аналогов в структуре научного знания, либо представляет революционно новое направление в проблемной области. Второй ранг интеллектуальной ценности характеризуется углублением и расширением знаний тех знаний и открытий, которые были получены ранее. Для него характерны поиск новых свойств и взаимозависимостей с другими областями интеллектуальной деятельности. Если первый ранг означает поиск и открытие принципиально нового, то второй ранг – изучение и поиск свойств этого нового. И третий ранг ценностей является заключительной стадией интеллектуального процесса – применение полученного нового на практике в различных областях человеческой жизни. И только того человека можно причислить к элите, согласно А. Д. Савельеву, чьи интеллектуальные достижения и результаты относятся к первому рангу. Таким образом, слой работников интеллектуального труда оказывается неоднородным и решающим фактором отбора в его интеллектуальную элиту является не только внутренний потенциал человеческого интеллекта в виде IQ индекса, но и еще его реальные достижения и выдающиеся результаты в этой области, оказывающие влияние на развитие всего интеллектуального организма. Поэтому в интеллектуальном сообществе сообразно тому вкладу, который был сделан конкретным человеком, выделяют «три “класса”»: творческую элиту ученых в высшей профессиональной администрации; “средний” класс инженеров, научных сотрудников; “пролетариат умственного труда” – техников, ассистентов, младших сотрудников, лаборантов» [12, с. 67-68].

Интеллектуальная элита, таким образом, представляет собой сложное социально-профессиональное образование, в котором особо выделяется научная элита. П. Л. Карабущенко отмечает что «Понятие “интеллектуальная элита” шире, чем научная элита, которая является ее составной и исключительно важной, стрежневой частью. Как известно, общественная элита распадается на специфические элиты по сферам деятельности и источникам

вхождения в элиту. В каждой элите образуются “субэлиты”. Научная элита и является одной из таких субэлит, а точнее субэлитой интеллектуальной элиты. Ее структурированность проявляется как универсальная тенденция, на конкретный набор, совокупность элитных групп складывается под воздействием целой гаммы конкретных социальных и когнитивных обстоятельств, их переплетения» [65, с. 138].

Сказанное свидетельствует о том, что существует две параллельных и часто совпадающих между собой элиты в рамках определенного институционального порядка. Под последним понимается совокупность научных учреждений (академии, экспертные советы и т.д.) и отдельных знаковых интеллектуальных фигур, деятельность которых развивается в едином направленном векторе и определяет, в конечном счете, интенсивность, темпы и масштаб процессов когнитивной институционализации. Это связано с тем, что одновременно существуют, как минимум, две элитные вертикали, каждая из которых представляет собой определенный институциональный порядок, но вместе они образуют слаженную интеллектуальную систему, в рамках которой рождаются и развиваются новые идеи, знания и мысли. Отсюда становится возможным их определение как интеллектуальной элиты, нацеленной на инновации и продуцирование лучших достижений, результатом чего становится прогресс и культурная эволюция всего российского общества. Тем, что научная элита органически входит в интеллектуальную, объясним и тот факт, что в структуре интеллектуальной элиты можно обнаружить не только выдающихся ученых, но и представителей других профессий интеллектуального труда, выдающиеся достижения которых для развития своего общества не вызывают никаких сомнений.

Существует также исследовательская позиция, согласно которой интеллектуальная элита является лучшей частью интеллигенции, что «в разномастной прослойке интеллигенции выкристаллизовываются ее отборные экземпляры и типажи. Поэтому можно смело предполагать постоянное наличие интеллектуальной элиты в среде интеллигентской прослойки. Это поистине

цвет общества, включающий в себя создателей духовных ценностей, выдающихся теоретиков, инженеров, медиков, признанных профессиональным сообществом» [89, с. 99]. Возможность артикуляции данной позиции вызвана тем обстоятельством, что интеллигенция как группа к концу Советского периода составляла довольно внушительную часть населения всей страны, что неизбежно влекло за собой ее структурную неоднородность, а значит, и гипотетические возможности образования из ее рядов представителей интеллектуальной элиты. Так А. Н. Севастьянов в среде массовой интеллигенции выделяет три основных ее слоя. К первому, наиболее широкому он причисляет специалистов массовых профессий умственного труда (учителя, врачи, юристы, инженеры, офицеры и пр.). Второй слой образуют философы, историки, литераторы, социологи, некоторая часть творческих профессий, обеспечивающих потребности самой интеллигенции (художники, писатели). И третий верхний слой составляет непосредственно сама интеллектуальная элита, немногочисленная часть людей, являющихся идеологами всей интеллигенции в целом, генераторами идей, определяющих ее деятельность [144, с. 135]. То есть в узком своем значении интеллигенция может максимально близко приближаться к интеллектуальной элите. Причем мы видим, что уже в первом круге своего приближения из интеллектуальной элиты сознательно исключены те, кто непосредственно использует и применяет интеллектуальный продукт, его конечные потребители (если не учитывать население в целом). Тогда как второй круг отсекает тех, кто является посредниками в передаче интеллектуальных знаний, чья деятельность связана с процессом их тиражирования, распространения и возможно даже творческой интерпретации. В сухом остатке мы имеем редкий и единичный феномен интеллектуальной элиты – властителей дум человеческих, передний край науки, непосредственных создателей уникальных знаний и творческих концепций. Если основная функция интеллектуальной элиты – создание, а функция посредника – распространение, переработка и пропаганда, то главной функцией конечного звена является потребление и использование. Впрочем, нужно

отдавать себе отчет в условности такого деления, которое лишь помогает ориентироваться среди множества смежных социокультурных групп, так как представитель интеллектуальной элиты вполне себе может работать и простым учителем.

Таким образом, три рассматриваемые группы (научная элита, интеллектуальная элита, интеллигенция) образуют в своей основе несколько точек соприкосновения и которые функционируют в рамках определенного институционального порядка. И если понятие «научная элита» уже понятия «интеллектуальная элита» и органически вписывается в его структуру, то очевидно, что понятие «интеллигенция» является еще более широким, чем два первые. Это подтверждает тот факт, что социальная группа интеллигенции (особенно ее научно-техническая часть) может выступать базой формирования научной элиты, а она в свою очередь является ключевой частью интеллектуальной элиты. При этом не исключен факт прямой инкорпорации в интеллектуальную элиту из недр интеллигентской среды наиболее выдающихся ее представителей из различных областей интеллектуальной жизни. Ведь часть представителей интеллигенции наделена определенным личностным, интеллектуальным и культурным капиталом, активная реализация которого позволяет им стать членами интеллектуальной элиты.

При этом, как упоминалось выше, механизмы формирования интеллектуальной элиты могут быть не только традиционными и универсальными для ряда развитых обществ, но и особенными, приобретающими свою специфику особенно в условиях современной России. Так Р. Г. Резаков выделяет «три основные группы в отечественной интеллектуальной элите. Первая, куда входят люди настолько талантливые, что смогли преодолеть все трудности формально-бюрократического и партийно-идеологического характера, при этом не исключается роль случая; вторая, к которой относятся люди достаточно талантливые и чрезвычайно работоспособные, выбившиеся за счет колоссальных перегрузок, возникающих вследствие необходимости работать для продвижения за себя и за “того парня”;

третья включает “околонаучных лиц”, претендующих на статус интеллектуальной элиты либо по административной линии, либо имеющих весьма обширные научные связи» [135, с. 40-41]. Относительно третьей группы мы уже поднимали вопрос на страницах данной работы, когда говорили о «псевдоэлите», «квазиэлите», «псевдоинтеллектуалах» и пр.

Опираясь на полученные результаты, мы приходим к выводу, что интеллектуальная элита в России является, с одной стороны, довольно молодым феноменом в отечественной научной мысли (в сравнении с западной), а с другой – продуктом длительного развития, имеющего тесные переплетения с такими группами, твердо устоявшимися в исследовательском словаре, как научная элита и интеллигенция. При этом формирование интеллектуальной элиты происходит как по устоявшимся каналам мобильности, характерным для развитых обществ, так и в соответствии с современной российской спецификой, когда в нее могут попадать (пусть и незначительно) люди с разными данными. Эта когорта гетерогенна, ее состав разнороден. Но интеллектуальную элиту нельзя отождествлять ни с научной элитой, ни с интеллигенцией в общепринятом смысле слова, так как они не совпадают между собой ни по объему, ни по значению. Равно как не подлежат синонимии понятия интеллектуал, ученый, интеллигент, что довольно часто можно встретить в обычной жизни.

Глава 3. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА: СТРУКТУРА, РОЛЬ И ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

3.1. Функции интеллектуальной элиты и их динамика в российской культуре

Выполняемые интеллектуальной элитой функции всегда вызвали интерес у исследователей. С появлением первых исследований выдающихся личностей стали фиксироваться определенные функциональные характеристики, которые с течением времени и развития социокультурного организма стали трансформироваться, усложняться или вовсе придаваться забвению, образуя, таким образом, сложную функциональную динамику интеллектуальной элиты. Основываясь на полученных в исследовании результатах и выводах, а также анализе ряда исследований, посвященных этой проблематике, можно выделить следующие ключевые функции, выполняемые интеллектуальной элитой.

Прежде всего, это *познавательная функция* (гносеологическая), которая заключается в том, что интеллектуальная «элита не только создает новые интеллектуальные конструкции, но и формирует теоретико-концептуальное, систематизированное знание о культуре, а также процессах и явлениях, этапах и эпохах, расширяя тем самым не только диапазон знаний о культуре, но и о способах ее познания» [102, с. 126]. Сложность и динамизм интеллектуальной жизни во многом зависят не только от производства новых интеллектуальных концепций и идей интеллектуальным меньшинством, но и их дальнейшего осмысления, конкретизации, систематизации и познания всем общественным организмом на пути к всеобщему развитию.

Вторая функция интеллектуальной элиты – *стратегическая* состоит «в формировании стратегии и тактики развития российского общества посредством генерации новых идей, отражающих потребности общества в радикальных переменах, в определении стратегического вектора

социокультурного развития <...> Данная функция подразумевает под собой выработку идеологии, концепций, доктрин, программ и т. д. Элита формулирует стратегические цели, формирует образцы социального и культурного поведения, матрицы социальной мотивации и коды деятельности социума, определяет идеал, ради достижения которого происходит мобилизация ресурсов всего общества» [102, с. 125].

В своей работе А.С. Панарин, размышляя о путях развития России, приходит к выводу, что «на первое место в современной национальной борьбе за выживание объективно выдвигаются интеллектуалы-гуманитарии» [126, с. 290]. Именно им, по его словам, предстоит «выработать адекватную стратегию» развития России, которая «состоит в том, чтобы заново переосмыслить современные проблемы глобализирующегося мира с позиций нашей большой духовной традиции, сформулировать альтернативные варианты ответа на мироустроительные вопросы нашей эпохи» [126, с. 291]. Эта функция интеллектуальной элиты связана с рационализацией все усложняющегося социокультурного пространства, перманентным поиском смысловых конструкций, дающих человечеству разумные ориентиры на пути его стратегического развития.

Со стратегической функцией интеллектуальной элиты тесно граничит *управленческая* функция, «однако, управление, осуществляемое ею, носит особый характер. Это управление определяющее логику исторического развития, когда интеллектуальная элита» [102, с. 126] через культурно-интеллектуальное лидерство начинает выступать регулятором адаптационных процессов различных индивидов к инновационным изменениям в социокультурной системе. В данном случае «интеллектуальная элита выступает субъектом культуросозидательного процесса, труды которой оказывают решающее влияние на развитие страны и мира» [130, с. 9].

В этой связи управленческая функция интеллектуальной элиты состоит не только в инструментализации власти и управления, но и в создании ценностей, символов и паттернов. Значимость и авторитет представителей

интеллектуальной элиты позволяет им разрабатывать и внедрять модели поведения и понимания социальной действительности в массовое сознание, либо же генерировать в правящую элиту каналы воздействия на массовое поведение, определяя, в итоге, культурно-историческую динамику общества. Поэтому политическая элита «не может игнорировать исключительную роль интеллектуальных элит и часто определяющее значение их субъективных предписаний для политического поведения остального населения» [154, с. 55].

Отдельно выделяется *коммуникативная* функция интеллектуальной элиты, когда в условиях мультикультурализма интеллектуальная элита вырабатывает условия и средства для эффективных профессиональных, межкультурных и общесоциальных коммуникаций во времени и пространстве, способствуя тем самым стабилизации и гармонизации процессов, происходящих в обществе. В качестве коммуникатора интеллектуальная элита переводит и интегрирует различные культурные коды в единую коммуникативную плоскость, делая отечественную культуру более насыщенной и богатой в том числе и на мировой арене.

Когда двигателем социокультурных процессов выступает национально ориентированное компетентное меньшинство, тогда вся система способна сохраняться и развиваться в своем национальном проявлении, обогащаясь выдающимися результатами представителей этого меньшинства, развиваться благодаря их интеллектуальному труду, укрепляя и удерживая при этом свое культурное ядро от распада во времена кризисов и социальных потрясений. В этом отношении «интеллектуальная элита, – по мнению А. С. Панарина, – наделена особыми полномочиями и функциями: выражать национальную культурную идентичность, формулировать национальные цели, одновременно наделяя их признаками легитимности и престижности, создавать привлекательный образ своей страны в системе мировых межкультурных коммуникаций» [126, с. 83].

Еще одна функция интеллектуальной элиты – *инновационная*, посредством которой она раскрывает свой потенциал, создавая принципиально

новые интеллектуальные продукты и инновационные технологии, способствующие развитию всего общества. Инновационный путь развития становится залогом стабильного развития современных обществ, а новые технологии становятся неотъемлемым условием успешного позиционирования стран на международной арене. И чем более кризисным становится положение страны, чем сильнее давление внешних обстоятельств и возникающих нетривиальных вызовов, тем острее потребность в группе выдающихся интеллектуалов, идеологов и новаторов, которых можно рассматривать как носителей инновационных идей и моделей – первопричин перемен и развития.

Из этого вытекает следующая функция интеллектуальной элиты – *консультационная (экспертная)*. Заключается в обладании интеллектуальной элитой передовыми знаниями в различных областях, определенным интеллектуальным капиталом, посредством чего может давать экспертные оценки происходящим в обществе событиям, вносить коррективы при принятии стратегических решений. Обычно эта функция интеллектуальной элиты напрямую связана с консультированием политической элиты, где первая является идейным вдохновителем властных структур. И именно «поэтому (правящая – П. А.) элита, – считает А. В. Кошелева, – чтобы успешно решать проблемы в динамично развивающемся обществе, должна стать более открытой и доступной для интеллектуалов, которые могут придать элите мощный заряд знаний, культуры и энергии, создав тем самым “новую элиту” для третьего тысячелетия» [79, с. 105]. Интеллектуальная элита поэтому может оказывать косвенное влияние на принятие стратегических решений, в результате чего несет прямую ответственность за будущее своей страны. Впрочем, вопрос взаимоотношения интеллектуальной и правящей элит требует более детального рассмотрения, что и будет проделано в следующем параграфе.

Консультационная функция интеллектуальной элиты тесно связана с ее функцией *критической рефлексии*. Еще А. У. Гоулднер полагал, что интеллектуалы не мыслят себя вне критической функции, что их интересы всегда критичны и в этом смысле часто носят подрывной характер.

Складывается определенная культура критического дискурса интеллектуалов. Как пишет Ю. Хабермас интеллектуалы «по небрежности или преднамеренно высвобождают взрывчатое содержание современной культуры; они являются адвокатами “враждебной” с точки зрения государственной и экономической функциональной необходимости “культуры”» [177, р. 34]. Однако было бы неверно полагать, что интеллектуалы, как таковые, враждебны любому обществу. Их критика не является самоцелью и не направлена на разоблачение всех и вся, а только лишь жизненно важных сфер общественной системы, затрагивающие широкие слои населения, среди которых выделяются политика, экономика, идеология и, конечно же, культура. Образно говоря, критическая роль интеллектуала скорее напоминает деятельность профессионального врача-хирурга, который ставит диагноз современному ему обществу и иногда режет по живому.

Критический дискурс интеллектуальной элиты является рефлексивным процессом перманентной коррекции социокультурного развития. В этой связи К. Манхейм относительно критической функции интеллектуалов справедливо отмечает: «Единственное, что объединяет эту страту, – интеллектуальный процесс, отмеченный неустанными попытками дать явлениям критическую оценку, установить диагноз и сделать прогноз, определить возможность выбора, если он существует, понимать и определять характер различных точек зрения, а не просто принимать или отрицать их» [97, с. 158]. Критическая функция интеллектуалов – быть контролем существующей системы.

Интеллектуал видит множество альтернатив развития современного ему общества и выстраивает определенную идеалистическую модель его совершенствования, в соответствии с которой задает нормы и культурные ценности для остальной части общества. Как показывает Р. Арон: «тенденция критиковать существующий порядок становится, так сказать, профессиональной болезнью интеллектуалов. Они всегда склонны судить о своей стране и ее институтах, сравнивая их с теоретическими идеалами, а не с другими странами и их институтами» [6, с. 187]. М. В. Шувалова посвящает

свое исследование тому, как отдельные интеллектуальные проекты критически настроенных интеллектуалов могут оказывать влияние на развитие современности, когда показывает то, как «реконструкция ключевых черт опыта интеллектуальной критики, выраженного в теоретических построениях М. Фуко, Ж. Деррида, У. Эко, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и С. Бак-Морс, которые получили признание в международном профессиональном сообществе и вышли за пределы академических аудиторий» [172, с. 3]. Интеллектуалы поэтому и бросают вызов существующей системе, поскольку их критика – это всегда сравнение с аргументированным образцом и идеалом, по которым должно строиться общество. В этом смысле культура критического дискурса интеллектуальной элиты коррелирует с рассмотренными нами ранее утопическими проектами, в соответствии с которыми формируется предполагаемое будущее.

Один из секретов эффективного функционирования общественного организма заключается в том, чтобы всегда существовала возможность здоровой и зрелой критики правящих элит. При этом, как было показано, критический дискурс интеллектуала не всегда и не всем удобен. Но обществу может угрожать опасность застоя, если оно заглушит в себе критически мыслящих интеллектуалов. А затем все происходит по сценарию, описанному классиками элитологии, когда постепенно назревает контрэлит, после чего революционная смена элит остается лишь вопросом времени.

Сам внутренний мир интеллектуала не приемлет любых практических и интеллектуальных усилий, господствующих идей, общественных отношений и жизненных правил без их критической рефлексии. По мнению В. М. Межуева: «Интеллектуала отличает от консерватора и традиционалиста не отрицание традиции, а критическая рефлексия над ней. Без такой рефлексии нельзя преодолеть тяжесть, инерцию былых времен. Интеллектуал способен увидеть в реальности не только то, что в ней уже устоялось, стало привычным и обыденным, но и то, что требует пересмотра, дальнейшего изменения и преобразования» [103, с. 94].

Интеллектуальная элита, подвергая критической рефлексии накопленные обществом социокультурные модели, расширяет границы возможного и воспроизводит совокупности ценностных установок, способствуя развитию как себя самой, так и общества в целом. В этой связи Е.В. Снарская в своем исследовании приходит к следующему выводу: «Интеллектуальная элита – это такая группа людей, которая в силу своей высокой интеллектуальной развитости и способности критически оценивать окружающий мир, способна выходить за рамки повседневности в специализированные конечные области знания» [145, с. 16].

Интеллектуальная элита осуществляет также «контролирующую функцию. Она контролирует ключевые интеллектуальные ресурсы, распределяя их как в собственных интересах, так и интересах общества. Это контроль над процессами, определяющимися логикой интеллектуального развития человечества. Интеллектуальная элита наделена профессиональными знаниями в значимых» [102, с. 127] сферах социокультурной системы, в результате чего она обладает исключительным контролем над ментальной общественной жизнью, имеет особую власть над умами и чувствами людей. Еще А. Грамши, как было показано в первой главе настоящей работы, в рамках своей концепции гегемонии отводил центральное место интеллектуалам и их ключевой роли по ее поддержанию, либо революционному упразднению. Интеллектуальная элита, таким образом, оказывает существенное влияние на формирование культурных ценностей, системы символов, мифов, из которых затем формируются идеологии.

С этим напрямую связана следующая функция интеллектуальной элиты – *стабилизационная*, что предполагает обеспечение баланса между инновационными продуктами и культурным наследием прошлого с целью их гармонизации и организации в единый вектор интеллектуального развития. Любая революционная идея, которая противоречит фундаментальным культурным устоям общества и его коллективной памяти, связана с негативными последствиями. Поэтому для гармоничного развития необходимо

сочетать новаторское и традиционное. Интеллектуальная элита придает динамическую «устойчивость процессам общественного развития, сглаживает острые углы, оказывает влияние на систему устоявшихся взглядов на мир, формируя отношение индивида к меняющемуся окружающему миру и к самому себе» [102, с. 126]. В этих условиях на новое интеллектуальное меньшинство возлагается функция разработки для социума культурного проекта, посредством которого становится возможным упорядочение и гармонизация сложных и интенсивных систем совместно с традициями отечественной культуры для их дальнейшего сосуществования и развития.

Вместе с тем, интеллектуальная элита, выполняя функцию стабилизации социокультурной системы и разработке культурного проекта, в большинстве своем полагается на более широкий слой отечественной интеллигенции как хранителя культурных традиций, который этот проект критически воспринимает и распространяет на все общество. Так М. И. Орлов пишет: «Интеллектуальная элита, отвечающая за сохранение существующих моделей поведения и нормативных императивов, а также за построение на их основе инновационных способов осмысления стоящих перед обществом проблем, нуждается в механизмах своего воспроизводства и налаженных каналах передачи данных способов широким слоям населения» [122, с. 30]. Мы не разделяем данную точку зрения и полагаем, что задача сохранения, трансляции и популяризации норм и моделей поведения является приоритетной функцией интеллигенции, а не интеллектуальной элиты. А вот задачей последней является их генерация и формирование ценностно-нормативных и идеально-ориентированных составляющих отечественной культуры, а также выработка нравственных регуляторов (принципы, ценности, нормы, идеалы, смыслы, правила) жизнедеятельности человека в культуре и обществе.

Наиболее оправданной и взвешенной в этом вопросе представляется позиция Т. А. Пархоменко, которая в своем исследовании пришла к выводу о том, что «все модели структурной дифференциации интеллигенции непременно выделяют в ее составе узкий круг генераторов основополагающих идей,

формирующих национальное самосознание и принимающих судьбоносные для страны и мира решения, то есть интеллектуальную элиту, представители которой наделены трансцендентной устремленностью, характеризующей человека творческого и творящего, начиная с гениев и заканчивая особо талантливыми людьми» [130, с. 18-19]. Данный вывод согласуется также с ранее выдвинутыми нами тезисами о гениях-первооткрывателях, о генераторах идей, которых всегда ничтожное меньшинство, и их продолжателях, которые развивают уникальные интеллектуальные открытия, интерпретируют их, зачастую меняя до неузнаваемости.

Со стабилизационной граничит *интегративная* функция интеллектуальной элиты, которая «позволяет интегрировать различные социальные субъекты путем преодоления межгрупповых противоречий и разногласий между ними» [102, с. 126] на основе убеждений и взглядов, сформулированных элитой. В то же время можно выделить внутренние и внешние интегративные функции интеллектуальной элиты. Внутренние связаны с острой необходимостью консолидации противоположных полюсов многонационального русского народа в единое целое, основанное на общих ценностях и идеалах. Функции «внешней интеграции продиктованы повесткой дня и закрепляют за интеллектуальной элитой статус значимого субъекта мирового интеллектуального диалога между передовыми странами» [102, с. 126] в контексте расширения межкультурных коммуникаций. Эффективность реализации интегративных функций напрямую определяет успех «интеллектуальных диалогов как внутри страны, так и за ее пределами, что в конечном счете определяет место и роль России на мировой арене» [102, с. 126].

Одновременно с этим универсализм и высокие адаптивные характеристики представителей интеллектуальной элиты, о которых говорилось ранее, позволяют им эффективно балансировать между интересами общества и его различных элитных групп, достигая всеобщего объединительного консенсуса относительно национальных культурных

ценностей и инновационных тенденций, порождаемых вызовами времени. Как отмечает П. Тамаш, «наиболее распространен расколотый тип элиты. <...> Объединившиеся на основе консенсуса национальные элиты встречаются гораздо реже, но там, где они есть, при благоприятных экономических условиях открывается путь к устойчивому демократическому развитию. <...> Случается, что политические элиты еще далеки от соглашения, в то время как интеллектуальные элиты, например, университетские руководители, уже ясно и четко “синхронизировали” свои взгляды» [152, с. 92]. Сегодня вопрос об интеграции и консолидации нашего общества вокруг единой прорывной идеи стоит особенно остро.

В современной России часть «органических интеллектуалов» (А. Грамши) уже активно проявляет себя, включившись в процессы легитимации правящей элиты. По мнению В. С. Мартьянова, сегодня возможным стало говорить про «функциональное единство постсоветских интеллектуалов» [101, с. 91], которое «заключается в перманентной включенности в публичные общественные дискуссии, в участии и выработке консенсуса, легитимирующего справедливость устройства, и законов» [101, с. 91].

На этом фоне актуализируется следующая функция интеллектуальной элиты – *прогностическая*, которую в свое время выделял еще Аристотель, когда писал, что человек, наделенный высокими умственными свойствами способен видеть непредвиденное. Сегодня, по Ю. Хабермасу, главной отличительной чертой интеллектуала является его «способность первым почуять нечто важное. Он должен быть способен начать волноваться по поводу определенных критических тенденций уже в тот момент, когда остальные еще как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами» [165, с. 11]. Это можно назвать интуицией интеллектуала, которая соединяет в себе рациональные и иррациональные компоненты. Интуиция интеллектуала – это его своеобразная культурно-историческая память, формируемая посредством интеллектуальных традиций конкретного социума.

Степень непредвиденности и неожиданности исторических событий резко возросла сравнительно с резко упавшей степенью стабильности и предсказуемости. В результате, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, «возникает насущная потребность *срочного* получения от науки ответа на множество возникающих неожиданных, новых, а порой беспрецедентных вопросов. *Интуитивным* знанием для выбора лучших или хороших решений проблем, встающих перед Россией, общество не располагает как в силу их принципиальной новизны, так и из-за утраты необходимой части исторической памяти» [69, с. 383]. В условиях возросшей неопределенности инновационные проекты интеллектуальной элиты должны опираться именно на культурный код российского народа и только в этом случае они смогут прижиться на национальной почве.

Безусловно, все инновационное несет в себе революционный заряд разрушительной энергии, вступая в конфликт с национальной культурой, образуя определенную степень напряжения. И чем выше эта степень, тем ниже шансы интеллектуала воплотить свои идеи и, как следствие, не получить общественного признания. Конечно, в инновационных идеях интеллектуалов заложен определенный отрыв от национальной культуры, но это должен быть именно отрыв в виде шага на следующую ступеньку культурного развития, а не тотальное отрешение и разрыв с ней. А. С. Панарин по этому поводу абсолютно точно замечает: «Призвание гуманитария сегодня – особое культурологическое чутье и специфическое мужество: чутье в отношении продуктивных составляющих коллективной культурной памяти, мужество – в защите их от неумеренного усердия запальчивых модернизаторов» [128, с. 103]. И здесь, на наш взгляд, роль российской интеллигенции как всеми признанного хранителя культурных устоев российского общества приходится как никогда кстати.

Если интеллектуал в своем неустанном стремлении выработать и предложить инновационный проект развития общества будет на своем пути сметать все устоявшиеся культурные барьеры, то он никогда не получит одобрения со стороны интеллигенции. Последняя не менее критично, чем он,

относится ко всему происходящему. Интеллигенция является своеобразным национально-культурным фильтром, сквозь который проходят идеи интеллектуала и попадают в народ. И если идеи интеллектуала чрезмерно революционны, то они никогда не получают широкого распространения, затерявшись в интеллигентской среде. Впрочем, может случиться и так, что «взрывчатые» идеи интеллектуала могут пройти чреду интеллигентских интерпретаций, изменившись до неузнаваемости и в таком виде транслироваться в массы. Интеллектуал одержим жаждой новаторства, стремится к прогрессу семимильными шагами, в то время как интеллигент тоже движется вперед, но только спиной вперед или с повернутой назад головой, поэтому и не столь быстро, однако вместе они гармонично дополняют друг друга.

Важнейшей функциональной задачей, стоящей сегодня перед интеллектуальной элитой России, является *рационализации существующего порядка*, что связано с необходимостью в новых условиях снизить уровень неопределенности, создать заново предсказуемый мир. «Судьба нашего времени характеризуется рационализацией и интеллектуализацией, и прежде всего “расколдовыванием мира”» [22, с. 45], – констатирует И. М. Валлерстайн. Но как отмечает В. И. Казакова, «Судьба интеллектуала всякий раз оказывается зависимой от тех пределов, в рамках которых общество хочет знать о происходящих в нем процессах. В наши дни ему порой приходится выносить на себе всю тяжесть “разволшебствления мира”, оправдываться в разрушении традиционных связей образования и культуры» [61, с. 181].

Интеллектуальная элита – это то меньшинство, которое производит рациональность в ключевых областях деятельности или, как точно подмечает Р. Арон: «интеллектуалы – это те, кто преобразует мнения или интересы в теории; по определению, им не достаточно просто жить, они хотят еще и *осмыслить* свое существование» [6, с. 186]. Представителя интеллектуальной элиты гложет тоска по ясному. Сама «интеллектуальная жизнь, – по мнению К. Субири, – есть стремление упорядочить факты в рамках определенной схемы, с каждым

разом все более обширной и гармоничной; это есть обогащение энциклопедии знания. Интеллектуальная жизнь – это стремление упростить мир фактов, дабы успешно его контролировать: это есть действенная мыслительная техника» [151, с. 101].

Во многом подход интеллектуалов к социальным процессам отличается своим нейтральным и непредвзятым рассмотрением. Они придерживаются жестких норм беспристрастности, руководствуются разумно-рефлексивным способом мышления, максимально сближающего их с научным типом мышления. В свою очередь «Научный подход к социальным явлениям, – по наблюдениям А. А. Зиновьева, – означает беспристрастное отношение к ним, отсутствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, безразличие к интересам тех или иных категорий людей. Он означает также правдивое описание изучаемых явлений, не считаясь с тем, какие чувства у людей это может вызывать» [52, с. 10]. Еще Парето отмечал, что элиту выделяет высокая степень самообладания и расчетливости. В духе Н. Макиавелли он приписывал ей способность определять слабые стороны людей и манипулировать ими. Этим и обусловлено «разделение общества на две части. Те, в ком преобладает знание, управляют и руководят теми, в ком преобладают чувства» [58, с. 224]. Ригоризм, строгость и конструктивность мышления интеллектуалов обуславливают их тягу к строгой формализации мыслительного процесса, в котором значение имеет каждый элемент интеллектуального инструментария.

Ригоризм и эмоциональная нейтральность интеллектуалов заставляют многих исследователей присваивать им негативную идентичность. Так, цитируемый ранее А. В. Соколов, отождествляет интеллектуалов с «разумными эгоистами» из чего делает довольно противоречивый вывод о том, что они «руководствуются разумом, а не эмоциями и чувствами (значит, им чужды моральные эмоции сострадания, привязанности, благоговения, чувство совести и стыда). Место альтруизма в формуле интеллектуальности заменяет эгоизм, место толерантности – интолерантность (нетерпимость), практикующая

насильственные методы по принципу “цель оправдывает средства”, вместо благоговения перед культурой – потребительское использование ее в качестве вспомогательного средства или источника комфорта или развлечения» [147, с. 47]. Это и ряд подобных высказываний неоднозначны по ряду причин. Во-первых, почему «эмоции и чувства» и «моральные эмоции» – это непременно «привязанность», «благоговение», «совесть» или «стыд»? Известны также и такие проявления эмоций и чувств как страх, обида, боль, зависть, гнев, презрение, удовольствие, радость, восторг и пр. Неужели интеллектуалы лишены всего этого? Во-вторых, как эмоции, так и чувства являются отражением *субъективных* оценочных отношений человека к реальным или абстрактным объектам и не отличаются своим постоянством, а, значит, могут переходить из одного состояния в другое. В отличие от них, интеллектуальные характеристики более устойчивы и менее подвержены влиянию по сравнению с чувственно-эмоциональными качествами. Что касается эгоизма, интолерантности и применения насильственных методов, то с этими утверждениями можно согласиться лишь отчасти (не в столь категоричной и однозначной форме).

Важно понимать, что эмоциональная нейтральность интеллектуала не означает, что он абсолютно лишен каких-либо эмоций. Напротив, достаточно сильные эмоциональные реакции могут содействовать реализации интеллектуальных способностей. В рассматриваемом вопросе наиболее взвешенной и последовательной является позиция С.С. Комиссаренко: «Как и любой творческий процесс, интеллектуальное творчество начинается с эмоционального импульса, стимулирующего мыслительную деятельность. Особенность данной деятельности заключается в рациональной дозировке эмоций и внутренней цензуре проявления чувств. Стимулирующий импульс есть рационально-эмоциональный ответ мышления на структуру ситуации, находящейся в проблемном поле» [75, с. 109].

Но необходимо привести еще одну «неудобную» для нас позицию Ж. Т. Тощенко. «Интеллектуалы, – пишет он, – претендуют на то, что они способны

к более взвешенному, лишенному личностной и идеологической окраски подходу к решению вопросов, даже если в этом случае ущемляются интересы тех, кто не умеет жить, не умеет приспосабливаться к сложившейся ситуации». И далее, продолжает он свой неожиданный вывод: их «протест против интеллигентского сюсюканья выражается в твердой, жесткой (иногда жестокой) линии поведения, где нет места чувствам (“сентиментальности”), а есть только интересы дела, интересы производства, интересы взятых на себя обязательств» [156, с. 421-422]. Данная позиция во многом пересекается с приведенной выше позицией А. В. Соколова. Их объединяет также и то, что обе они небеспристрастны в отношении к интеллектуалам и идентифицируют их в негативном ключе, резко поляризуя их от «мученической» интеллигенции. Такая исследовательская позиция не является монополией указанных исследователей, продуцируется довольно часто.

Однозначной исследовательской позиции в отношении морально-нравственных характеристик интеллектуальной элиты сегодня не существует. Однако интеллигент исходит из ключевой роли интеллекта и знаний в развитии социокультурных систем, которые превалируют над интеллигентской нравственностью, но не исключают ее.

Особое место в списке функций интеллектуальной элиты занимает *«аксиологическая (ценностно-нормативная)»* – связана со способностью интеллектуальной элиты генерировать устойчивую шкалу ценностей, вырабатывать средства защиты культурного ядра социума от негативных для него потрясений. Интеллектуальная элита есть творческое меньшинство, обеспечивающее ценностно-нормативную стабильность и находящее ответы на вызовы времени» [102, с. 126]. Она является производителем и выразителем культурных и социальных норм, которые позволяют нам сохранять и развивать свое общество, выводя его на новые рубежи своего развития. Интеллектуальная элита, аккумулируя достойнейших представителей общества, составляет ядро субъекта культурной деятельности, чем, по словам З. Баумана, объясняется «огромная любознательность, бескорыстные поиски истины, стремление

проповедовать нравственные идеалы, которые представляются интеллектуалам неотъемлемыми элементами их собственного образа жизни» [14, с. 6].

Ценностная функция интеллектуальной элиты заключается в ее способности генерировать и развивать новую ценностно-нормативную парадигму, в соответствии с которой выстраивается социокультурное пространство. Вместе с тем, система ценностных ориентаций интеллектуальной элиты отличается от той, которая присуща другим элитным группам и остальной части населения. Поэтому изменения, продуцируемые интеллектуальной элитой, могут не находить незамедлительного отклика за ее пределами, тем более если эти изменения носят революционный характер в данный момент времени. Несовместимость формальных ограничений и неформальных правил, что может являться результатом глубины культурного наследия, порождает трения, которые могут быть разрешены путем медленной перестройки всех ограничений в обоих направлениях, после чего будет достигнуто равновесие, общественное согласие и общественное признание. Последнее, как мы отмечали ранее, не всегда своевременно и может быть получено лишь спустя большой промежуток времени.

Социокультурными условиями функционирования интеллектуальной элиты сегодня становятся приверженность идеям общественного прогресса и формирования постматериалистических ценностей. По мере развития самой культуры в обществе все более актуализируются профессиональные группы представителей науки, культуры, интеллектуальных профессий. «Интеллектуальный класс, – замечает Д. В. Галкин, – привносит в культуру нематериальные ценности и нормы (взамен материальных ценностей индустриального общества), в основе которых лежит личностное развитие и приумножение интеллектуального капитала» [28, с. 77-78]. В условиях кардинальных изменений институциональной системы общества, на смену нормам и ценностям, существовавшим ранее на протяжении жизни нескольких поколений, приходит расширение ценностных ориентиров и их существенная трансформация.

Формирующаяся во всем мире система ценностей и мотивов в недрах интеллектуальной элиты характеризуется Э. Тоффлером не только как постматериалистическая, но даже как «постэкономическая» [181, р. 100-101]. Человек интеллектуальной элиты, являясь самодостаточной творческой личностью, движим скорее постматериалистическими мотивами в процессе своей деятельности, нежели к максимизации личного материального благосостояния. Для него более важна совместимость ценностей, мировоззрений и долгосрочных целей, чем детали сиюминутной материальной выгоды.

Отчасти можно согласиться с наблюдением, высказанным А. Н. Ильиным о том, что «многие действительно думающие люди, представители интеллектуальных профессий, живя впроголодь, всегда на первый план ставили духовные ценности, что противоречит теории Маслоу» [54, с. 48]. Действительно, история знает немало тому примеров, когда из альтруизма и концентрации интеллектуальных усилий ради определенной идеи выдающиеся люди не задумывались о материальном. Одним из ярких примеров последнего времени является фигура выдающегося российского математика Г. Я. Перельмана, доказавшего теорему Пуанкаре и разрешившего тем самым одну из Проблем тысячелетия. Перельман за свою деятельность неоднократно удостоивался различных премий, наград и медалей, которые он просто отказывался получать. Но наиболее известным фактом, получившим широкий общественный резонанс, является присуждение ему в 2010 году премии в размере одного миллиона долларов США за доказательство теоремы Пуанкаре, однако он отказался и от нее.

Мотивы самосовершенствования и самореализации, отнесенные А. Маслоу к высшему типу потребностей, начинают доминировать над всеми прочими. Как замечает В. Л. Иноземцев, «представители “класса интеллектуалов” все более явно исповедуют нематериалистические ценности, в то время как большинство граждан, по-прежнему продает свой труд в первую очередь ради получения материального вознаграждения, руководствуясь

вполне материалистическими по своей природе стимулами» [55, с. 75]. Также отмечает он в другой своей работе, что представители класса интеллектуалов «в своей деятельности движимы не только и не столько мотивами наживы, сколько стремлением к собственному саморазвитию и самосовершенствованию, к достижению уникальных и невозпроизводимых результатов» [56, с. 16].

Тем не менее, ценностные предпочтения интеллектуальной элиты нельзя назвать случайными, они определяются, в наиболее широком ракурсе, спецификой социокультурного развития. Как показывает Т. Г. Лешкевич, «Онтопсихология интеллектуальной элиты указывает на два уровня мотивации творческого роста. Первый представлен личностными интересами и амбициозными стимулами, среди которых может быть потребность самоутверждения, личная неудовлетворенность, стремление к лидерству. Второй уровень обусловлен общественно значимой мотивацией, здесь свою роль играют приоритет отдельных сфер деятельности, интересы общества в целом или отдельных его структур. В нем используются различные возможности подчеркнуть значение творческой личности, популяризация творчества, материальные стимулы: гранты, индивидуальные стипендии, бюджетное финансирование» [89, с. 101]. Иными словами, интеллектуальная деятельность мотивируется стремлением к определенному статусу и благосостоянию, являясь лишь средством достижения более высокой цели, которая характеризуется включением интеллектуала в творческие процессы, которые сами являются в этом случае целью.

Кроме нематериалистических мотивов интеллектуальной элиты в ее структуре заложены вполне определенные ресурсы, которые она конвертирует в различные институции с целью получения дивидендов на имеющийся интеллектуальный капитал. Ведь интеллектуальный капитал, включающий в себя качество образования, уровень профессионализма и компетенции и пр. достаточно жестко коррелирует с общим уровнем жизни и тем, каким объемом экономического капитала обладает индивид. Но как отмечает Р. Арон,

«интеллектуал более чувствителен к ослаблению национального престижа. Он может верить, что его не волнует его собственное благосостояние или власть, но он никогда не безразличен к славе его нации, так как объем и влияние его труда отчасти зависят от нее» [6, с. 192].

Поэтому представители интеллектуальной элиты в ряде развитых странах занимают вполне определенное место в общественной иерархии, что выгодно отличает их от других социальных групп, в том числе интеллигенции, которая, по словам Е. К. Краснухиной, всегда «осуждала богатство и идеализировала бедность». «Культуром интеллигентской бедности и отличается, прежде всего, отечественный мыслитель от западного интеллектуала – человека вполне обеспеченного, представителя среднего и высшего среднего класса, занимающегося делом, которое приносит ему доход и выгоду» [81, с. 57], – пишет она, разъясняя свой вывод. Поэтому необходимо помнить, что процессы интеллектуальной деятельности протекают в определенной социокультурной среде, что определяет характер и результаты этого вида деятельности. Возможно, этим объясняется также другой вывод относительно интеллигенции, сделанный В.С. Мартьяновым. «Интеллигенция, – пишет он, – ощутила себя привилегированным классом, стоявшим выше всех прочих, не совсем полноценных в культурном плане. Поэтому ее гуманизм, ее высокие идеалы стали гуманизмом и идеалами барина без поместья, который был бы не прочь приобрести оное» [102, с. 114].

Из аксиологической функции интеллектуальной элиты возникает функция *обогащения и развития интеллектуальной культуры*. «Понятие интеллектуальной культуры охватывает те структуры культуры индивидов, их сообществ и человечества в целом, существенную роль в становлении и функционировании которых играют процессы мышления» [1, с. 61]. Как показывают исследователи, «интеллектуальную культуру не следует понимать узко, идентифицируя ее с профессиональной информированностью и компетентностью, определенным набором или суммой специальных знаний, умений, навыков» [92, с. 94]. Ведь «Интеллектуальная культура не

исчерпывается профессиональным блоком. В нее входит также и высокий уровень развития творческих способностей индивида, определенный уровень мировоззрения, способность принимать нетривиальные решения, гибкий и продуктивный тип мышления, его рефлексивность, практическое применение и реализация интеллектуального потенциала. Кроме того, процесс развития интеллектуальной культуры происходит при взаимодействии множества социокультурных и временных факторов, а также влиянии различных институтов <...> Сама интеллектуальная культура задает собой совокупность целей и ценностей, ориентирующих человека и общество на изменение своей жизнедеятельности, на качественное расширение удовлетворяемых потребностей» [1, с. 61-62]. При этом динамика и процесс изменений, происходящих в сознании интеллектуальной элиты, детерминирует характер развития самой культуры, которая в свою очередь влияет на функционирование самой интеллектуальной элиты и общества в целом. Отсюда следует, что «именно взаимовлияние и взаимосвязь культуры и элиты зачастую становились движущими силами общественного развития» [79, с. 55].

При этом с функцией обогащения и развития интеллектуальной культуры тесно связана функция *структурирования новой иерархии и неравенства*, которая возникает из интеллектуального элитаризма в культуре. Как замечает Р. Коллинз, «культурный капитал, характерный для передовой линии интеллектуальной конкуренции – это не просто культурный капитал образованных людей; он также не является взаимозаменяемым с экономическим капиталом ни в том, ни в другом направлении» [74, с. 77]. При этом «Благодаря обладанию высоким уровнем культурного капитала интеллектуальная элита видит мир и проблемы в нем шире, глубже и вариативнее, чем большинство людей» [1, с. 62].

Нельзя не отметить, что как интеллектуальная элита характеризуется особыми критериями инкорпорации в нее (в сравнении с другими элитными группам, например, правящая или экономическая элита), так и интеллектуальная культура как таковая обладает достаточно жесткими рамками

своего вхождения. Вот лишь некоторые компоненты интеллектуальной культуры, которые выделяют исследователи: а) профессиональные знания, умения, навыки, развитые соответствующие способности; б) высокий уровень мировоззренческой культуры с ее важнейшими составляющими – культурными, философскими, нравственными, и т.п. знаниями, чувствами, установками; в) активная реализация творческого потенциала; г) максимально продуктивный тип мышления – нетривиальный, гибкий, мобильный, недогматичный, который можно определить как диалектический тип мышления, функционирующий в соответствии с законами формальной и диалектической логики; д) практическое применение интеллектуального капитала в максимально широком диапазоне [92, с. 94]. Обращение к данным показателям интеллектуальной культуры свидетельствует о том, что они тесно связаны с критериями выделения интеллектуальной элиты, которая интегрирует в себе как сущностные черты ее классического понимания, так и те характеристики, которые она приобретает в конкретных социокультурных условиях.

Часто интеллектуальную культуру называют еще элитарной и аристократической. «В настоящее время, – пишет П. Л. Карабущенко, – под элитарной аристократической культурой чаще всего понимается рафинированное творчество интеллектуалов, доступное для понимания узкого круга лиц и воспринимаемое массовым сознанием как антикультура» [65, с. 116], что отчасти подтверждается и тем, что ни одно исследование элитарной культуры не обходится без ее противопоставления культуре массовой.

Интеллектуальная культура регулирует взаимоотношения интеллектуальной элиты как на уровне общества, так и на межличностном уровне. В деятельности ее представителей проглядываются определенная дистанция от иных слоев и групп общества. Интеллектуальная элита вырабатывает собственную систему норм и ценностей, следование которым указывает на принадлежность индивида к данной элитной группе, формируя тем самым свою определенную субкультуру, отличную от культуры массовой.

Вопросы социальной дистанции между элитой и массой основательно исследовал Ч. Р. Миллс. Он показал то, как правящие элиты современных западных обществ образуют собой замкнутую группу, отгороженную от массы труднопреодолимыми социально-экономическими барьерами. Вместе они образуют правящую элиту, так как «принимают решения, которые оказывают существенное воздействие на функционирование и развитие всего общественного организма» [178, р. 73]. Общественное устройство, где происходит сращивание между властью и богатством, подвергали резкой критике еще античные философы. В обществе, где воедино слились правящие и экономические элиты, все декларируемые представления о нем «как о метаобществе “равных возможностей” не соответствует действительности. Наоборот, оно является социальной организацией тотального неравенства. Причем это неравенство основано не на природном неравенстве людей в плане их способностей и талантов, а на неравенстве в обладании деньгами, а значит, материальными благами. Деньги, вознесенные на вершину абсолютной ценности, сделали равенство между гражданами невозможным в принципе» [21, с. 157].

Однако в отличие от правящей и экономической элиты у интеллектуальной элиты неравенство имеет скорее не социальную, а культурную направленность. С точки зрения П. Л. Карабущенко: «Идеология эгалитаризма может касаться лишь социального и, прежде всего, правового статуса личности. Интеллектуальная сторона всегда должна быть вне сферы действия данной системы идей» [65, с. 158]. Концепции элитаризма и эгалитаризма, по-разному соотносятся в сфере культурно-интеллектуального, и в области чисто социальной. Если экономико-правовые и социально-политические общественные нормы еще подлежат какой-то корректировке по линии абсолютного эгалитаризма (равенство всех перед законом, равенство прав и свобод, налогообложение с целью равномерного распределения материальных благ, право голоса и пр.), то интеллектуальная сфера элитарна по определению, так как не терпит равенство способностей и результатов

интеллектуальной деятельности. Представители интеллектуальной элиты объединены между собой не только высокими стандартами образования, но и определенными социокультурными связями, общими нормами и ценностями, общей культурой.

Отделение интеллектуальной элиты от большинства имеет свойства иного порядка и связано с культурным неравенством, которое есть необходимое условие ее генезиса и функционирования. «Элитарность личности – не явление дарованной свыше благодати, исключительности, избранности и величия. Личность самостоятельно, порой мучительно, а порой драматично и трагично, обретает свои исключительные качества в процессе саморазвития. <...> Элитарность приобретает в течении всей жизни и является с этой точки зрения имманентным процессом духовного роста во всех человеческих фазах: от рождения до смерти» [75, с. 102]. Как результат «Происходит естественное обособление интеллектуальной элиты как автономной социокультурной группы с определенной субкультурой, между которой образуется достаточная дистанция с другими социальными группами и их культурой» [1, с. 63].

Сущность как элитарного, так и интеллектуального проявляется через дистанцию, через контуры интеллектуальных рубежей, отделяющих одну культуру от другой и способствующих их сохранению и развитию. В своем исследовании В.И. Марков делает важный «вывод о том, что свободное и безопасное для самосохранения культурных систем общение культур возможно только на элитарном уровне» [99, с. 29]. Интеллектуальная элита априори есть элитарное меньшинство, находящееся на определенной дистанции от большинства. По мнению Т.А. Кузьминой «идея автономности продолжает владеть умами наших интеллектуалов и тем самым определять всю современную культурную ситуацию» [84, с. 9]. Для интеллектуальной элиты характерна особая самодостаточность, закрытость и групповая замкнутость самых непревзойденных и элитарных интеллектуалов.

В результате выполняя представленные в параграфе функции, интеллектуальная элита активно реализовывать свой богатый

интеллектуальный потенциал. Однако на практике их выполнение не всегда востребовано обществом и наталкивается на ряд ограничений и факторов (например, культурно-исторические особенности социума, специфика состояния общества в тот или иной период времени, положение самой интеллектуальной элиты и пр.), которые выступают своеобразным регулятором, оказывающим воздействие на процессы функционирования интеллектуальной элиты.

3.2. Социокультурные характеристики и особенности функционирования интеллектуальной элиты современной России

Проблема роли и места интеллектуальной элиты России в социокультурной системе является одной из ключевых в современных элитологических и культурологических исследованиях. В российском социокультурном пространстве вопрос о существовании интеллектуальной элиты напрямую связан с вопросом ее социальной идентичности, поиском оснований самоидентификации представителей интеллектуальной элиты. В российской действительности «интеллектуализм всегда сопряжен с дефицитом позитивной социальной идентичности, обостряющимся в переходный период» [61, с. 178], – констатирует В. И. Казакова.

Вместе с тем, как было показано ранее, идентичность не является однажды достигнутым и гомогенным состоянием, а формируется в процессе не только социализации, но также инкультурации и поэтому подвижна и подвержена изменениям. Это значит, что идентичность представителя интеллектуальной элиты имеет многомерный характер и связана не столько с отдельными его социальными, личностными и культурными составляющими, сколько их совокупностью.

Одной из трудностей идентификации российской интеллектуальной элиты по социологическим критериям является возможность инкорпорации в нее представителей из различных социальных страт. Состав интеллектуальной

элиты регулярно пополняется достойными индивидами, соответствующих интеллектуальным критериальным характеристикам. В силу этого место интеллектуала в социальной системе не может быть точно зафиксировано с социологических позиций. Идентификация интеллектуальной элиты России в отличие от политических или экономических элит происходит не столько в координатах социальной структуры, сколько в плоскости интеллектуальных результатов и знания, по критериям способности к сложноорганизованной умственной деятельности.

Интеллектуальное творчество, знание и образование стало первым, что перешагнуло через сословные барьеры, отодвинув социальность как таковую на задний план. Характерной чертой современности «является то, что образованные люди не создают более касту или замкнутое сословие, а представляют собой относительно открытую, демократическую страту, получить доступ в которую, и тем самым быть вовлеченным в интеллектуальный процесс, могут многие индивиды, занимающие разное социальное положение» [28, с. 73-74]. Круг интеллектуалов становится все более разнообразным и включает в себя представителей различных общественных слоев.

На сегодняшний день представители интеллектуальной элиты распределены в смазанных классовых координатах все более неоднородного и неравного российского общества. По наблюдениям Т. Г. Лешкевич, «к характерным признакам данного слоя можно отнести его открытость. Именно одаренные выходцы, пусть даже этот выход им дорого стоил, достигают верхнего яруса, вливаясь в состав избранных – интеллектуальной элиты. Впрочем, их элитное состояние и наполнение могут отличаться и рассогласовываться со статусными должностными позициями» [89, с. 101].

Но социальный статус представителей российской интеллектуальной элиты имеет большое значение, так как от этого зависит возможность эффективного выполнения своих функций и позиционирования в общественной системе. Современные исследователи, рассуждающие о положении российской

интеллектуальной элиты в социальном пространстве, чаще всего относят ее представителей к среднему классу. Но в современной социологии подходы к выделению среднего класса не являются устоявшимися, общепринятыми и бесспорными. Так средний класс, занимающий промежуточное положение между богатой небольшой частью и значительной низкооплачиваемой частями населения, делится в свою очередь еще на три части: верхний средний класс, средний средний класс и низший средний класс.

Экономический принцип, лежащий в основе этого деления, не соответствует фактическому положению в стратификационной системе, которое занимает интеллектуальная элита России. Подавляющее большинство ее представителей можно в лучшем случае отнести к низшему среднему классу. Как отмечает З. Т. Голенкова, «в российском обществе все пространство социальной стратификации определяется практически одним показателем, а именно материальным (капитал, доход, собственность) при резком снижении компенсаторных функций других критериев социальной дифференциации» [35, с. 80].

Также предполагается, что качество и уровень полученного образования индивидом примерно соответствует его положению в стратификационной системе, и чем выше уровень образования, тем выше возможность занять более высокое социальное положение. Однако суровая социальная действительность последних трех десятилетий в России свидетельствует об обратном. По справедливому замечанию Г. Н. Миненко, «За последнюю четверть века рождавшаяся креатосфера общества деградировала, ситуация изменилась радикально, революционно. Современный студент живет, по сути, в депрессивном обществе. И это не его вина. Объективное положение приводит к тому, что он не планирует свою жизнедеятельность на десятилетия, не стремится к самоосуществлению, самореализации в формах сложного интеллектуального труда, поскольку этот труд экономической и социально-политической системой не востребован и нормально не оплачивается» [105, с. 286]. Лишь незначительная часть представителей интеллектуальных профессий

находит свой путь на вершины общественной иерархии, но часто поздно и с большими потерями.

Можно констатировать, что «ситуация сложилась таким образом, что мы “потеряли” средний класс интеллектуалов и интеллигенции (так называемый новый средний класс) и получили средний класс предпринимателей (старый средний класс)» [35, с. 83]. Переход России на капиталистические рельсы своего развития не мог не привести к другим последствиям. И хотя в массовом сознании часть среднего класса общества ассоциируется с профессиями интеллектуального труда, но этот слой в своем финансовом положении оказывается в весьма трудной ситуации. Все чаще в современной России «уровень образования, квалификации, профессионализм, личные способности, качественный труд в распределении социальных статусов играют второстепенную роль» [50, с. 158].

Вместе с тем, сильные и одаренные личности, относящиеся к среднему и даже низшему слою по своему социальному статусу, благодаря своей настойчивости, убежденности и активности иногда добиваются значительного влияния в социальной системе и занимают в ней ключевые позиции. Следовательно, обладатели интеллектуального капитала распределены по всей российской стратификационной системе в силу своих адаптивных характеристик и универсализма оказывают различное влияние на развитие общества. «Если Россия собирается добиться успеха внутри страны и быть конкурентоспособной на мировом рынке, то она должна будет поддерживать и лучше использовать свои необычайные интеллектуальные ресурсы» [18, с. 151] – констатирует американский исследователь Д. Х. Биллингтон, смотрящий на происходящие в России процессы со стороны.

Интеллектуальная элита, прочно вошедшая в Западный социологический словарь, нуждается в привязке к российским реалиям, ее раскрытии и конкретизации. «Как правило, интеллектуал на Западе – это человек, профессионально занимающийся мыслительной деятельностью, которая с точки зрения рынка труда является основным видом его деятельности, а с точки

зрения экономики – основным источником дохода» [122, с. 28]. Усиление позиционирования интеллектуальной элиты на Западе проходило долгим эволюционным путем в результате вполне объективных процессов. Сегодня интеллектуалы развитых стран не нуждаются в их признании и социальной консолидации. Их значение для общества выражается, среди прочего, в соответствующем уровне доходов и высоком социальном статусе.

Структура, место, роль и функции интеллектуальной элиты, таким образом, специфичны стране и ее культуре и отличаются от страны к стране в зависимости от того, какие именно группы в ней традиционно доминировали. И если, например, во Франции положение и значимость интеллектуальной элиты является определяющим, не вызывают сомнения в своей легитимности, то исторические и политические традиции в России отличны от них и во многом характеризуются доминированием государства и чиновничества, все более актуализируя роль и значение элиты политической. При этом, как отмечает О. Д. Захарова, «Ценности интеллектуальной элиты, основанные на идеалах разумного распределения материальных и духовных благ, а также включающие в себя ценности народа в целом, с большим трудом включаются в поле ценностей элит, находящихся у власти» [51, с. 17].

Отчасти такое положение дел связано еще и с тем, что влияние политической элиты на развитие общества при принятии того или иного решения имеет прямой, незамедлительный и, вместе с тем, явный для всех характер, тогда как действия интеллектуальной элиты зачастую носят долгосрочное и потому не для всех понятное влияние. По мнению Р. Г. Резакова: «Интеллектуальная элита представляет собой некий “заповедник” общечеловеческих духовных ценностей, то самое горнило, в котором выплавляется культурный и цивилизационный прогресс. Если политическая элита ответственна за успехи и неудачи в социально-политической сфере, то интеллектуальная элита отвечает за то, каким будет человечество через 50, 100 или более лет» [135, с. 39].

В современных условиях усиливающийся неустойчивости социального статуса представителей интеллектуальной элиты России особый ракурс приобретает вопрос об их связности между собой, объединении в некую социальную общность, действующую по определенным законам российского общества. Резкая индивидуализация, которой за последнее время подверглось российское общество, подорвала основы коллективистской морали и заложила основу идеологии непрерывной борьбы отчужденных друг от друга индивидов. Лейтмотивом перестроечного и отчасти постперестроечного времени стала «война всех против всех» (Т. Гоббс), разделив интеллектуальные меньшинства на разные лагеря, мнения, точки зрения. Непосредственные двусторонние контакты, существовавшими между индивидами и их группами, заменяются односторонними, опосредованными, индивидуализированными. Стал пропадать действительный субъект знания, культуры и нравственности, носитель противоречивого единства всеобщего и индивидуального.

Индивидуальный характер интеллектуальной деятельности позволяет говорить об отдельных личностях, выделяющихся по уровню интеллектуальной активности и результативности своей деятельности, положению в общественной системе. По убеждению В. С. Мартыанова «организация интеллектуалов в некую общность лишает их индивидуальности, свободы выбора, автономии и “лица не общего выражения”. Независимая позиция интеллектуала прямо противоречит его слиянию с другими интеллектуалами. Его символический капитал основан на обособлении от социальных классов и любых коллективных позиций» [101, с. 78]. Схожие утверждения выдвигает Б. М. Фирсов: «Интеллектуалы в полной мере определены своим профессиональным составом, они практически не спаяны между собой. По этой причине единство интеллектуалов не станет предпосылкой их появления» [160, с. 168]. В данном случае речь идет о социальном, а не культурном аспекте объединения.

Между тем, такого объединения интеллектуалов обязательно требует сам термин «элита», означающий качественное единое образование и который

превращающийся в ненужный избыток, если мы говорим только об отдельных, независимых интеллектуалах. Интеллектуальная элита есть особая, хотя и неоднородная целостность, объединенная сходством мировоззренческих позиций, ценностных установок и норм поведения: «интеллектуалы составляют относительно гомогенное сообщество или класс, будучи связаны общими ценностями, символами» [158, с. 129]. Сама специфика интеллектуальной деятельности заключается как в ее индивидуальном характере, так той социокультурной среде, в которой функционирует представитель интеллектуальной элиты.

Следовательно, индивидуальную интеллектуальную деятельность не стоит рассматривать в отрыве от преобладающих факторов окружающей среды, в которые изначально был помещен человек и где формировалась его ценностная система. Интеллектуал не может быть изолированным индивидом, поскольку сама интеллектуальная среда – это коллективное явление, часть большого социокультурного организма, где каждый участник вносит свой вклад пропорционально своей компетентности. Согласно А. С. Панарину, «интеллектуальная среда – это церковь современного мира: кого она отлучает, тот теряет социокультурную легитимность, становясь духовным изгоем (даже при условии сохранения высокого социального статуса). Эта уязвимость духовного статуса касается не только отдельных людей и групп, но и ценностей» [128, с. 3-4]. Это позволяет говорить о том, что исследование феномена российской интеллектуальной элиты может проводиться не только с точки зрения индивидуально-специфических характеристик ее представителей, но и с точки зрения социокультурных типичных черт.

Объективно «В реальной жизни такой большой и исторически интеллектуально богатой страны, как Россия всегда выделялась отечественная интеллектуальная элита, вопрос состоял лишь в ее востребованности для российского общества» [102, с. 123]. В. С. Мартьянов констатирует «об отсутствии устоявшегося консенсуса в самой среде интеллектуалов по поводу их задач и возможностей в нынешнем российском обществе, их реальной роли

как в интеграции общества, так и в разделении общественного труда и его результатов, материальных и символических» [101, с. 94]. В целом данные обстоятельства являются сегодня ключевыми в определении состояния отечественной интеллектуальной элиты современной России, где «интеллектуал опознается по неизмеримой дистанции между тем, что он дает, и тем, что он получает» [61, с. 179].

Таким образом, мы снова приходим к выводу, который согласуется с ранее выдвинутыми теоретическими положениями, что интеллектуальная элита в современной России еще не является целостной социальной группой в строгом смысле этого слова. По крайней мере, в российских условиях о ней следует говорить как о полноправной социальной общности с определенной степенью условности. В России она предстает скорее как группа, состоящая из разрозненных индивидов всей социальной системы, чем полноценная социальная общность. Отчасти это связано с тем, что формирование ее как группы еще далеко не завершено.

В случае «Если же подходить с позиций культурной идентификации, то ее положение определяется не столько стратификационной шкалой, сколько самой спецификой возникновения в виде целенаправленного культивирования выдающихся личностей путем воспитания и образования в рамках единого культурно-образовательного процесса, а также посредством их самообразования и саморазвития» [102, с. 124]. Генетическая связь между культурой и обществом стимулирует процессы развития интеллектуальной элиты и ее последующего положения в культуре и обществе. Происходит отбор и естественное объединение успешных личностей, которые хотят утвердиться в аналогичной среде для своего дальнейшего развития. С этой точки зрения интеллектуальная элита, по мнению С. А. Кислицына, «является безусловной реальностью с любой точки зрения. Крупные ученые и интеллектуалы – организаторы науки не вызывают сомнения в своей элитарной, эксклюзивной сущности, так как они объективно являются следствием перманентного

развития науки и выделения из интеллигенции самых талантливых и продуктивных интеллектуалов» [71, с. 260].

Важно иметь в виду, что интеллектуалы в процессе своей институализации разрушают границы существующей социальной разобщенности и одновременно являются катализаторами формирования новой социокультурной парадигмы строения российского общества. Сплотившись на основе выполняемых функций вокруг единого ценностного ядра (единство целей, мыслей, идеалов, образа жизни) интеллектуалы могут вырабатывать групповое метакультурное самосознание, служащее оборонительным механизмом от разрушительных воздействий. Ведь консолидация интеллектуалов есть не только важнейшее условие их эффективного и безопасного функционирования, но и суть ключевая характеристика элиты, вытекающая из логики ее существования.

Радикальные трансформации советского общества конца XX века сопровождались распадом старой социально-экономической, социокультурной и политической систем. Обозначилась проблематика потери статусной идентичности: ряд противоречий общественных структур породил как множество аморфных групп населения, так и отдельных людей, выбитых из своей привычной повседневности, социокультурной и профессиональной среды. Знания, талант, опыт и интеллектуальный капитал индивидов, применяемый в своей повседневности в виде профессиональной деятельности, утратили свое былое значение. Интеллектуальный капитал, не находящий применения в области профессионального самоутверждения человека, превращается в механизм саморазрушения, плодя либо эмигрантов, либо маргиналов.

Неопределенность социального статуса, невключенность или неполная включенность в действующие общественно-политические структуры или группы – вот лишь некоторые показательные характеристики, которые фиксируют отечественные исследователи при определении положения современной интеллектуальной элиты России. Так А. Н. Ильин прямо

указывает: «Интеллектуальная элита существует в нашей стране не благодаря, а вопреки законам нынешнего российского мироздания. Государственная элита (а по сути, в широкоупотребительном смысле термина “элита” она являет себя скорее псевдоэлитой) противопоставила себя интеллектуальной элите, чего в нормальном цивилизованном и культурно развитом обществе – в открытом обществе – быть не должно. Политический лифт поднимает наверх не элиту, а псевдоэлиту» [54, с. 42].

Вместе с тем отдельные интеллектуалы, как отмечалось ранее, могут входить в состав правящей элиты, а также находиться в различных структурах российского общества в зависимости от адаптационных характеристик отдельно взятого индивида и складывающихся возможностей социальной мобильности. Поэтому в интеллектуальной среде можно встретить нестандартные стратегии и различные сферы применения и реализации своих капиталов – политической, экономической, социальной и др. Сама маргинальность является результатом процессов мобильности. В этом-то и заключается квинтэссенция социального положения современного российского интеллектуала, которую точно выразила В. И. Казакова: «Являясь в некотором роде символом социальной мобильности, интеллектуалы мигрируют в достаточно широком диапазоне стратификационного пространства, то возвышаясь к элитарным слоям, то оставаясь на обочине общественной жизни» [61, с. 178], что «не позволяет интеллектуалу занимать однозначное место в социальном пространстве» [61, с. 178].

При этом возможна и определенная самоорганизация интеллектуалов, когда это маргинальное пространство будет смещаться к центру – не в смысле к власти и привилегиям, а в смысле значимости для всеобщего прогресса транслируемых ими образцов и идей. Ведь несмотря на существующие условия невостребованности, интеллектуалы обладают схожими характеристиками профессионального статуса, уровня образования, условий жизни и пр., которые, наряду с прочими, могут выступить их конституирующими особенностями.

Потенциально они составляют группу, в которой могут возникнуть и возникают инновационные и прорывные идеи.

Можно сказать, что в российском обществе характер интеллектуальной маргинализации является важной культурной характеристикой современности. Человек интеллектуальной элиты вынужден принять за данность, что общество довольно часто пренебрегает им, однако взамен он получает нечто большее – интеллектуальную свободу и возможность интеллектуального творчества. Маргинализированный интеллектуал, оставшийся на определенный срок без общественного контроля, получает возможность выработать такие формы сосуществования, которые наиболее соответствуют его природе и которые станут для него опорой в будущем, когда общество призовет его к сотрудничеству. При этом здесь, согласно замечанию А. Дж. Тойнби, действует модель Ухода-и-Возврата: «Творческая личность, уходя и выпадая из своего социального окружения, преобразуется, возвращается затем в то же самое окружение; возвращается, наделенная новыми способностями и новыми силами. Уход позволяет личности реализовать свои индивидуальные потенции, которые не могли бы найти выражения, подавленные процессом социальных обязательств, неизбежных в обществе» [155, с. 267]. Одновременно с этим «Интеллектуальная элита может сохранять определенную дистанцию от политики и экономики для поддержания собственной независимости, отдавая приоритет свободному творчеству, интеллектуальной автономии» [1, с. 65].

По мнению С. Корнева, «интеллектуал в современном социуме должен иметь два лица. Одно из них обращено наружу, к социуму и господствующей в нем культуре. Другое – обращено к суверенному обществу интеллектуалов, в рамках которого культивируется особое, автономное по отношению к социуму и его канонам духовное пространство, со своими собственными правилами, канонами, видами духовного суверенитета» [78, с. 20]. Ведь сама интеллектуальная сфера является частью не только общественной жизни, но и жизни духовной, не детерминированной социальной средой.

Уже в советское время стала прослеживаться хоть и незначительная, но все же тенденция складывания интеллектуальной элиты, отчетливо проявившаяся к концу советского периода. Уже тогда, по наблюдениям А. А. Зиновьева, «происходило формирование сравнительно немногочисленного слоя, который можно назвать (и часто называют) интеллигенцией в узком смысле слова или “интеллектуалами”. К концу брежневского периода этот слой стал весьма ощутимой силой в обществе. В него вошли представители науки, литературы, музыки, журналистики, профессуры, театра, изобразительного искусства и других сфер культуры. Это – известные личности, имевшие более или менее широкое и сильное влияние на умы и чувства людей» [52, с. 497]. Но интеллектуальная элита советского периода, к сожалению, так и не смогла сформироваться в полномасштабное движение. Только в период преобразований в России его роль стала более заметной. Многие остались внутрисистемными одиночками, служа идейными генераторами реформ. Скептическое отношение власти и общества к нестандартно мыслящим интеллектуалам оставалось сильно даже в период перестройки и последующих модернизаций, что существенно затруднило закрепление в действующих институтах преобразований выходцев из интеллектуальных слоев.

Данные деструктивные тенденции сохранились и продолжают активно развиваться в современной России. По наблюдениям Г. И. Мусихина «сегодня у нас имеется интеллектуальное сообщество, доставшееся нам от предыдущего этапа исторического развития, а подобающий уровень развития страны для такого интеллектуального сообщества отсутствует. В результате же это сообщество сталкивается с проблемой собственного самовоспроизводства в ситуации своего драматического несоответствия окружающей социально-экономической действительности. На мой взгляд, российские интеллектуалы оказались в положении интеллектуальной элиты стран третьего мира, где очень остро стоит вопрос о востребованности самой такой элиты» [113, с. 62-63]. Сегодня общество и власть всячески устранились от возвращения интеллектуальных слоев и их активного участия в деятельности страны. Все

более явно прослеживается стремление новой правящей элиты к своему обособлению. Интеллектуальная элита сегодня дезорганизована, не включена в реальные механизмы управления страной. К тому же произошло тесное слияние власти и корпоративных структур по принципу «власть ушла в бизнес» или «бизнес пришел во власть»; одно стало неотделимо от другого. Узкие корпоративные интересы активно лоббируются в государственных структурах. Сегодня фактом такой сплоченности уже никого не удивишь, а выявляемые в таких случаях факты коррупции, родственных связей и личностных интересов уже перестают быть резонансными новостными событиями.

Совместно с рассмотренными деструктивными тенденциями, свидетельствующими о невостребованности интеллектуального потенциала России и его неэффективном использовании можно говорить о наличии внутреннего кризиса интеллектуальной и культурной сфер. России за последние годы своего развития не удалось вырастить и актуализировать минимально необходимую критическую массу национальной элиты высокоинтеллектуального и культурно-нравственного качества. Назрела критическая ситуация, когда прежняя элита общества оказалась недееспособной к реформированию страны, но не хотела терять своих властных позиций. Следствием этого стало замедленные темпы формирования компетентной в управлении страной новой контрэлиты, состоящей из наиболее достойных представителей, отвечающих требованиям времени. Многие исследователи отмечают сегодня отсутствие в России больших имен, сопоставимых с представителями прошлого. Это не означает, что выдающиеся представители перестали рождаться. Они продолжают рождаться, просто в сложившихся условиях современной России у них нет возможности проявить себя в качестве таковых и быть замеченными.

Интеллектуальная элита России ныне разобщена, расколота и подавлена своей невостребованностью, что в свою очередь негативно сказывается на развитии всех сфер жизни общества. Причина такого кризиса заложена в особенностях культуры современных интеллектуалов, для которой характерен

разрыв с телом массовой культуры. Дело в том, что социальное положение интеллектуальной элиты определяется потребностью общественной системы в новизне, задаваемой извне, то есть со стороны окружающего большинства. А это значит, что институализация интеллектуалов в немалой степени зависит от потребностей общества в их активности в качестве отдельной интеллектуальной общности.

Низкая степень востребованности интеллектуальной элиты, снижение ее общественного престижа становятся существенными факторами сдерживания развития России. По мнению А. С. Панарина активно выявляется «основное противоречие, живо ощущаемое и на коллективном и на индивидуальном уровне, – между накопленным интеллектуальным капиталом участников общественного производства и суженными возможностями его практического профессионального применения» [126, с. 115]. Значительная часть профессионалов сегодня реализует свои знания, квалификацию и опыт не в полной мере. Складывается весьма опасная тенденция, когда многие молодые кадры, будучи еще студентами, уже являются потенциальными эмигрантами, так как не связывают свое будущее с Россией. В результате мы получили культурный и интеллектуальный декаданс общества без видимой перспективы его корректировки и исправления.

Роль элит сегодня взяли на себя СМИ и эксперты масс-медиа их представляющие. Они стали «интеллектуальным поводырем» российского общества в мире тотального антиинтеллектуализма, информационного бума и активно насаждаемой массовой культуры. В условиях массовой культуры с неизбежностью снижаются и стандарты интеллектуальной жизни и культуры, которые испытывают на себе ее разлагающее влияние: выдающиеся интеллектуалы «третируются как “интеллектуальные снобы”, к тому же как антидемократы, ибо стремятся навязать свои узкогрупповые вкусы публике, которой нравится искусство, может быть, и не глубокое, зато развлекающее ее, дающее отдых, расслабление, а также выход ее “агрессивным влечениям”» [10, с. 203-204], – констатирует Г. К. Ашин.

Подводя краткий итог третьей главе настоящей работы можно заключить, что гипотетически интеллектуальная элита может реализовывать свой потенциал посредством выполнения приведенных функций. Но на практике их выполнение не всегда возможно и востребовано со стороны общества и государства. С культурологической точки зрения отечественная интеллектуальная элита является частью сложного социокультурного организма и, одновременно, самостоятельный социальный слой интеллектуальных работников, производящих культурные, научные, интеллектуальные ценности и направления. Интеллектуальная элита закономерно выделяется в элитной конфигурации современной России как складывающийся и относительно устойчивый феномен социокультурного пространства, оказывающий «многообразное воздействие как на культурную, так и на другие составляющие жизнедеятельности элитного организма и общества в целом» [1, с. 67]. Сила и направленность этого воздействия определяются с одной стороны сущностными характеристиками представителей интеллектуальной элиты, а с другой – культурно-историческим контекстом, в рамках которого они функционируют и воспроизводятся из поколения в поколение.

Вместе с тем, интеллектуальная элита России не столько состоявшийся социокультурный феномен, сколько процесс ее становления, который происходит сегодня на наших глазах. При этом существуют как внутренние, так и внешние факторы, которые выступают своеобразными регуляторами, оказывающими влияние на процессы структурирования и функционирования интеллектуальной элиты в российском обществе. С одной стороны, это переход советского общества на капиталистические рельсы своего развития и утрата старых интеллектуальных конструкций и отсутствие новых артикулированных интеллектуальных фигур, способных дать мощный импульс дальнейшего развития, с другой – складывающиеся мировые тенденции по интенсивной интеллектуализации передовых государств и их общественной жизни. Возникает острая необходимость скорейшего и радикального запроса

государства и общества по завершению формирования интеллектуальной элиты и обретению надлежащего места и функций, что станет залогом успешного вхождения России в новую эпоху.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе в соответствии с проблемой исследования проведенный комплексный анализ отечественных и зарубежных работ показал, что существующие сегодня отечественные исследования элит в большинстве своем являются логическим продолжением уже сложившихся зарубежных теорий элит и концепций стратификации, идентифицирующих преимущественно правящие или экономические элиты в качестве социально-экономических и политических категорий.

В работе предложена собственная методологическая линия комплексного и интегративного исследования интеллектуальной элиты, где наряду с социологией и политологией, возрастает роль и значение культурологии и такой ракурс исследования интеллектуальной элиты оказался эвристически продуктивным, так как позволил провести ее сущностный анализ не только с позиций узкоспециализированных подходов, фиксирующих интеллектуальную элиту здесь и сейчас, но и выявить устойчивые интенции ее генезиса и развития, предложить авторское определение феномена интеллектуальной элиты, определить ключевые функции и критериальные характеристики вхождения в интеллектуальную элиту как в исторической ретроспективе, так и современном сложноорганизованном социокультурном пространстве России.

Во второй части диссертации, на основании выполненных автором теоретико-методологических исследований и полученных результатов, предложены научно обоснованные решения крупных научно-теоретических и прикладных проблем соотношения интеллектуальной элиты с такими близкими, но нетождественными явлениями общей социокультурной системы как «интеллигенция» и «научная элита», а также проблемой их общего взаимодействия с правящей элитой с учетом состояния российского общества на современном этапе. В частности, определены социокультурные основания демаркации интеллектуальной элиты, интеллигенции и научной элиты как обладающих определенной спецификой элементов единой социокультурной

системы, находящейся в перманентном процессе соприкосновения различных культур, ценностей, идеалов и традиций в контексте чрезвычайно широких хронологических и географических рамок. Выстроена и обоснована эффективная система отношений между интеллектуальной и правящей элитой современной России. Аргументируется, что в новых условиях мировой неопределенности и нестабильности роль и значение национальных интеллектуальных элит кратно возрастает. Смещаются акценты. Пришло время новых интеллектуальных стратегий мышления, новых действенных идей по поиску ответов на исторические вызовы, способных вывести Россию на новые рубежи своего развития. В качестве одного из действенных субъектов модернизации России необходима своя национально мыслящая интеллектуальная элита с особой интеллектуальной чуткостью, которая может выращиваться и воспроизводиться из недр богатой российской истории и культуры.

Интеллектуальная элита – сравнительно новый многогранный и многоаспектный социокультурный феномен, процесс становления которого происходит на наших глазах и содержит в себе немало вопросов: начиная с генезиса, содержащего в себе не только философские и историко-культурные предпосылки ее формирования, но также евгенические и генетические исследования, вплоть до современных исследований постиндустриальных, глобализационных и информационных процессов, где роль и значение интеллектуальных элит заметно возрастают.

Методологические и концептуальные итоги диссертационного исследования, решение поставленных в нем задач, открывают новый проблемный ракурс феномена интеллектуальной элиты, служат основой новых направлений его исследования в системе плюрализма элит и всем социокультурном пространстве. Представляется возможным также дальнейшая разработка обозначенной темы и проблематики, в том числе на основе положений, представленных в настоящем исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов, П. В. Интеллектуальная элита как субъект интеллектуальной культуры / П. В. Аксенов. – Текст непосредственный // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4. – № 1 (03). – С. 60-68.
2. Аксенов, П. В. Методологические проблемы исследования интеллектуальной элиты : культурологический ракурс / П. В. Аксенов. – Текст непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 56-65.
3. Аксенов, П. В. Элитное образование как фактор формирования интеллектуальной элиты / П. В. Аксенов. – Текст непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2011. - № 2(27). – С. 263-267.
4. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; ред. и вступ. ст. В. Ф. Асмуса. – Москва : Мысль, 1975. – Т. 1. – 552 с. – Текст : непосредственный.
5. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. И. Доватура. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с. – Текст : непосредственный.
6. Арон, Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон ; пер. с англ. А. Черняк ; под ред. Т. Дмитриева. – Текст : непосредственный // Логос. – 2005. – № 6. – С. 182-205.
7. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон ; общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. – Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992. – 608 с. – Текст : непосредственный.
8. Ашин, Г. К. Курс истории элитологии : учебное пособие / Г. К. Ашин. – Москва : МГИМО(У) МИД России, 2003. – 302 с. – Текст : непосредственный.
9. Ашин, Г. К. Роль и значение российской элиты в укреплении страны / Г. К. Ашин – Текст : непосредственный // Россия в новом веке : внешнеполитическое измерение : сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета совета Федерации по международным делам. – Москва : Издание Совета Федерации, 2010. – С. 11-21.

10. Ашин, Г. К. Современные теории элиты : критический очерк / Г. К. Ашин. – Москва : Международные отношения, 1985. – 256 с. – Текст : непосредственный.
11. Ашин, Г. К. Элита элите – рознь / Г. К. Ашин. – Текст : непосредственный // Трибуна Русской Мысли. – 2008. – № 9. – С. 25-30.
12. Ашин, Г. К. Элитизм и демократия / Г. К. Ашин. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 59-70.
13. Ашин, Г. К. Элитология и обществознание / Г. К. Ашин. – Текст : непосредственный // Каспийский регион : политика, экономика, культура. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – № 4 (25). – С. 91-98.
14. Бауман, З. Законодатели и толкователи : культура как идеология интеллектуалов / З. Бауман. – Текст : непосредственный // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1 (27). – С. 5-20.
15. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. – Москва : Academia, 1999. – 956 с. – Текст : непосредственный.
16. Беляева, Л. А. Стратегия выживания, адаптации, преуспевания / Л. А. Беляева. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 44-53.
17. Бергер, П. Капиталистическая революция : 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе / П. Бергер ; пер. с англ. Г. П. Бляблина. – Москва : Прогресс-Универс, 1994. – 320 с. – Текст : непосредственный.
18. Биллингтон, Д. Х. Россия в поисках себя / Д. Х. Биллингтон ; пер. с англ. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 224 с. – Текст : непосредственный.
19. Блейхер, О. В. Социокультурный механизм формирования оверстрата интеллектуалов : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских

наук / Блейхер Оксана Владимировна ; ГОУ ВПО «ТПУ». – Томск, 2006. – 19 с. – Место защиты: Томский государственный университет. – Текст : непосредственный.

20. Бондаренко, Е. А. Интеллектуалы, интеллектуальный труд и культурный капитал в исторических системах духовного производства : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Бондаренко Екатерина Андреевна ; ГБОУ ВПО «Белогорский государственный институт искусств и культуры». – Курск, 2014. – 21 с. – Место защиты: ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет». – Текст : непосредственный.

21. Ваджра, А. Путь зла. Запад : матрица глобальной гегемонии / А. Ваджра ; предисл. М. Калашникова. – Москва : АСТ ; Астрель, 2007. – 542 с. – Текст : непосредственный.

22. Валлерстайн, И. М. Интеллектуалы в век перехода / И. М. Валлерстайн ; пер. с англ. А. Малюк. – Текст : непосредственный // Социология : теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С. 42-56.

23. Васильев, Л. С. История религий Востока / Л. С. Васильев. – Москва : Книжный дом Университет, 2004. – 704 с. – Текст : непосредственный.

24. Викторов, В. В. Кому служит российская элита? / В. В. Викторов. – Текст : непосредственный // Демократия. Власть. Элиты : Демократия vs элитократия : сборник статей / под ред. Я. А. Пляйса. – Москва : РОССПЭН, 2010. – С. 121-131.

25. Высшее образование в России : аналитический доклад / коллектив авторов под руководством проф. В. Л. Глазычева. – Текст : непосредственный // Логос. – 2005. – № 6 (51). – С. 3-49.

26. Гаврилов, Е. О. Социально-философский анализ специфики российского утопического сознания : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Гаврилов Евгений Олегович; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2007. – 20 с. – Место защиты: Кемеровский

государственный университет культуры и искусств. – Текст : непосредственный.

27. Гадлевская, О. В. Элитаризм как социально-философская концепция : методологический анализ / О. В. Гадлевская. – Текст : непосредственный // Проблемы управления. – 2007. – № 3 (24). – С. 210-214.

28. Галкин, Д. В. Истина в мире без истины : самоопределение интеллектуалов в культуре постиндустриального общества / Д. В. Галкин, Е. В. Казанкина. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 298. – С. 72-79.

29. Гаман-Голутвина, О. В. Политические элиты России : вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 448 с. – Текст : непосредственный.

30. Гасилина, Ю. И. Ценности властвующей элиты : социально-философский анализ : специальность 09.00.11 «Социальная философия по философским наукам» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Гасилина Юлия Ивановна ; Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина. – Саратов, 2007. – 139 с. – Место защиты: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Текст : непосредственный.

31. Гаспаров, М. Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллектуальность / М. Л. Гаспаров. – Текст : непосредственный // Российская интеллигенция : история и судьба. – Москва : Наука, 1999. – С. 5-14.

32. Гаспаров, М. Л. Русская интеллигенция как отводок европейской культуры / М. Л. Гаспаров. – Текст : непосредственный // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : история и типология / сост. Б. А. Успенский. – Москва : ОГИ, 1999. – Вып. 2 (10). – С. 20-27.

33. Гертнер, С. Л. Культурные интересы современной региональной элиты : реальность, субстанциональность, транзитивность : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Гертнер Светлана Леонидовна ;

Московский государственный университет культуры и искусств. – Москва, 2010. – 55 с. – Место защиты: Московский государственный университет культуры и искусств. – Текст : непосредственный.

34. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского : сочинения в 2 т. / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 1991. – Т. 2. – 732 с. – Текст : непосредственный.

35. Голенкова, З. Т. Динамика социоструктурной трансформации в России / З. Т. Голенкова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1998. – № 10. – С. 77-84.

36. Голубева, Ю. В. Динамика социокультурного статуса российской интеллигенции : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Голубева Юлия Васильевна ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2011. – 26 с. – Место защиты: Южный федеральный университет. – Текст : непосредственный.

37. Горчицкая, Е. А. Место и роль интеллектуальной элиты в культурно-историческом развитии общества : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Горчицкая Елена Аркадьевна ; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2010. – 21 с. – Место защиты: Омский государственный университет путей и сообщения. – Текст : непосредственный.

38. Грамши, А. Искусство и политика : в 2 т. / А. Грамши ; пер с итал. – Москва : Искусство, 1991. – Т. 1. – 432 с. – Текст : непосредственный.

39. Грамши, А. Тюремные тетради : в 3 ч. / А. Грамши ; пер. с итал. – Москва : Политиздат, 1991. – Ч. 1. – 560 с. – Текст : непосредственный.

40. Григорьев, Л. М. Элиты и средний класс / Л. М. Григорьев. – Текст : непосредственный // SPERO. – 2010. – № 13. – С. 87-110.

41. Давыдов, В. А. Мировоззренческие манифестации элит в социальной истории : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Давыдов Виктор Алексеевич ; ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2007. – 21 с. – Место защиты: ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств». – Текст : непосредственный.

42. Дакоро, М. А. Историческая динамика интеллектуалов на западе и интеллигенции в России : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Дакоро Мария Анатольевна ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2016. – 294 с. – Место защиты: Краснодарский университет МВД России. – Текст : непосредственный.

43. Дамберг, С. В. Исследование элит как симптом утраты элитарности / С. В. Дамберг, В. Е. Семенков. – Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II. - № 2. – С. 182–186.

44. Дарендорф, Р. Г. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Г. Дарендроф ; пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. – Москва : Изд-во РОССПЭН, 2002. – 288 с. – Текст : непосредственный.

45. Дервянко, Е. В. Неизбежность аристократического духа : учение Хосе Ортеги-и-Гассета об общественном идеале / Е. В. Дервянко. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1992. - № 6. – С. 104-113.

46. Довженко, Ю. С. К уточнению смыслового поля понятия «интеллектуальная элита античного мира» / Ю. С. Довженко. – Текст : электронный // Центр антиковедения СПбГУ : [сайт]. – [Б. м.], 1995. – URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1995-11/dovzsh.htm> (дата обращения: 11.09.2020).

47. Дука, А. В. Перспективы социологического анализа властных элит / А. В. Дука. – Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III. – № 1. – С. 64-82.

48. Евдокимов, В. И. Утопический социализм о религии в «идеальном обществе» / В. И. Евдокимов. – Текст : непосредственный // Вопросы научного атеизма. – 1971. – Вып. 12. – С. 167-196.
49. Езерский, А. Лжеэлита как системная проблема постсоветской России / А. Езерский, М. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Внутренний враг. Пораженческая «элита» губит Россию. – Москва : Яуза ; ЭКСМО, 2005. – С. 98-117.
50. Заславская, Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. – Москва : Дело, 2004. – 400 с. – Текст : непосредственный.
51. Захарова, О. Д. Властвующая элита как субъект развития общества риска : специальность 09.00.11 «Социальная философия по социальным наукам» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Захарова Ольга Дмитриевна ; Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2011. – 21 с. – Место защиты: Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. – Текст : непосредственный.
52. Зиновьев, А. А. На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – Москва : Астрель, 2008. – 576 с. – Текст : непосредственный.
53. Зыкин, Д. Л. Власть, элита, народ : подсознание и управляемая демократия / Д. Л. Зыкин. – Москва : «Самотека», 2007. – 272 с. – Текст : непосредственный.
54. Ильин, А. Н. Статус интеллектуала и интеллигента в условиях авторитаризма современной политики / А. Н. Ильин. – Текст : непосредственный // Научный вестник Уральской академии государственной службы : политология, экономика, социология, право. – 2011. – № 2 (15). – С. 40-50.
55. Иноземцев, В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе / В. Л. Иноземцев. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 69-78.

56. Иноземцев, В. Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности / В. Л. Иноземцев. – Текст : непосредственный // Российский химический журнал. – 1999. – № 6. – С. 13-22.
57. Ипатов, А. М. Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат диссертации кандидата исторических наук / Ипатов Алексей Михайлович ; Воронежский государственный педагогический университет. – Воронеж, 2011. – 22 с. – Место защиты: Воронежский государственный университет. – Текст : непосредственный.
58. История социологии в западной Европе и США / под ред. Г. В. Осипова. – Москва : Наука, 1993. – 424 с. – Текст : непосредственный.
59. История теоретической социологии : в 4 т. Т. 2. Социология XIX века. Профессионализация социально-научного знания / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – Москва : «Канон +», 1997. – 442 с. – Текст : непосредственный.
60. Казакова, В. И. Границы элиты в социальном пространстве / В. И. Казакова. – Текст : непосредственный // Труды НГТУ им. Р. Е. Алексеева. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – Нижний Новгород : НГТУ, 2008. – С. 8-23.
61. Казакова, В. И. Интеллектуал в пространстве стратификации: границы и социальная судьба / В. И. Казакова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 4 (16). – С. 175-183.
62. Кайбушев, А. Д. Политическая культура и основные культурные тенденции современной политической элиты России : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Кайбушев Аскар Дисивович ; Астраханский государственный университет. – Астрахань, 2009. – 25 с. – Место

защиты: Астраханский государственный университет. – Текст : непосредственный.

63. Кальной, И. И. Интеллигенция в условиях транзитного общества / И. И. Кальной. – Текст : непосредственный // Вестник СевГТУ. – 2009. – Вып. 94. – С. 154-158.

64. Кампанелла, Т. Город Солнца / Т. Кампанелла. – Текст : непосредственный // Утопический роман XVI-XVII веков. – Москва : Худ. лит., 1971. – С. 141-190.

65. Карабущенко, П. Л. Антропологическая элитология / П. Л. Карабущенко. – Москва-Астрахань : АстрМОСУ, 1999. – 179 с. – Текст : непосредственный.

66. Карабущенко, П. Л. Диалектический разлом современных элит : идея – слово – дело / П. Л. Карабущенко. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (38). – С. 5-10.

67. Карабущенко, П. Л. Элитология Платона (античные аспекты философии избранности) / П. Л. Карабущенко. – Москва-Астрахань : АстрМОСУ, 1998. – 173 с. – Текст : непосредственный.

68. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2007. – 864 с. – Текст : непосредственный.

69. Кара-Мурза, С. Г. Потерянный разум / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо; Алгоритм, 2007. – 736 с. – Текст : непосредственный.

70. Кирчик, О. И. Пьер Бурдьё / О. И. Кирчик. – Текст : непосредственный // Мыслящая Россия : история и теория интеллигенции и интеллектуалов / под ред. В. Куренного. – Москва : Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. – С. 314-333.

71. Кислицын, С. А. Научная элита в системе политической власти / С. А. Кислицын. – изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с. – Текст : непосредственный.

72. Книга правителя области Шан (шан цзюнь шу) / пер. с кит., комментарий и послесловие Л. С. Переломова. – Москва : Ладомир, 1993. – 392 с. – Текст : непосредственный.

73. Кокин, А. В. Феномен интеллекта / А. В. Кокин. – Ростов-на-Дону ; Санкт-Петербург : «ИИА Лик», 2002 – 192 с. – Текст : непосредственный.
74. Коллинз, Р. Социология философий : глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз ; пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с. – Текст : непосредственный.
75. Комиссаренко, С. С. Духовно-интеллектуальная элита как феномен отечественной культуры : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Комиссаренко Светлана Сергеевна ; Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. – Санкт-Петербург, 2005. – 324 с. – Место защиты: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. – Текст : непосредственный.
76. Комиссаренко, С. С. Российская элита как предмет отечественной культурологии / С. С. Комиссаренко. – Текст : непосредственный // Вопросы культурологии. – 2007. – № 7. – С. 13-17.
77. Конт, О. Дух позитивной философии / О. Конт. – Текст : непосредственный / Тексты по истории социологии XIX-XX веков : хрестоматия / В. И. Добренъков, Л. П. Беленкова. – Москва : «Наука», 1994. – С. 5-26.
78. Корнев, С. Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры / С. Корнев. – Текст : непосредственный // Неприкосновенный запас. – 1998. - № 1. – С. 18-21.
79. Кошелева А. В. Генезис и трансформация властной элиты в контексте отечественной культуры : динамика процесса и его теоретическое осмысление (на материале истории России IX – начала XX вв.) : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Кошелева Анна Владимировна ; Российский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. –

Москва, 2006. – 503 с. – Место защиты: Московский педагогический государственный университет. – Текст : непосредственный.

80. Крамаренко, В. Ю. Методологические аспекты исследования структуры человеческого интеллекта и возможностей ее модификации / В. Ю. Крамаренко, В. Н. Крутько. – Текст : непосредственный // Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса : тез. докл. и сообщ. (г. Нальчик, 23-27 мая 1988 г.). – Москва : ВНИИПИ, 1988. – С. 117-120.

81. Краснухина, Е. К. Философ как социальный тип: интеллектуальная элита и интеллигенция / Е. К. Краснухина. Текст : непосредственный // Теории и новации в современных философских дискурсах : материалы круглого стола (Санкт-Петербург, 8 июня 2001 г.). – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – Вып. 14. - С. 55-60.

82. Кремень В. Г. Энергия интеллекта как проявление одаренности / В. Г. Кремень. – Текст : непосредственный // Одаренный ребенок. - 2011. - № 2. – С. 8-15.

83. Крыштановская, О. В. Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. – Москва : Захаров, 2005. – 384 с. – Текст : непосредственный.

84. Кузьмина, Т. А. Некоторые проблемы философского анализа культуры / Т. А. Кузьмина. – Текст : непосредственный // Культурные трансформации в современной России (социально-философский анализ) / Рос. акад. наук, ин-т философии ; отв. ред. С. А. Никольский. – Москва : ИФРАН, 2009. – С. 3-14.

85. Куренной, В. А. Интеллектуалы / В. А. Куренной. – Текст: непосредственный // Мыслящая Россия : картография современных интеллектуальных направлений / под общ. ред. В. А. Куренного. – Москва : Наследие Евразии, 2006. – С. 5-26.

86. Кустарев, А. Нервные люди: очерки об интеллигенции / А. Кустарев. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 374 с. – Текст : непосредственный.

87. Куш, Т. В. Роль интеллектуалов в придворном мире поздней Византии / Т. В. Куш. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 4(66). – С. 238-244.
88. Левинтова, Е. М. Российская интеллектуальная элита и ее дискурс (1992 – 2001 гг.) / Е. М. Левинтова. – Текст : электронный // Polemika. – 2001. – Вып. 12. – URL: <https://irex.ru/press/pub/polemika/12/levintova.html> (дата обращения: 11.09.2020).
89. Лешкевич, Т. Г. Философский портрет ученого. Научная элита и интеллектуалы / Т. Г. Лешкевич. – Текст : непосредственный // Философия науки : традиции и инновации. – Москва : ПРИОР, 2001. – С. 93-101.
90. Лиотар, Ж. -Ф. Состояние постмодерна / Ж. -Ф. Лиотар ; пер. с франц. Н. А. Шматко. – Москва : Изд-во «Институт экспериментальной социологии» ; Санкт-Петербург : «Алтея», 1998. – 160 с. – Текст : непосредственный.
91. Логинова, О. А. Методологические проблемы изучения элит в классической и неклассической социологической традиции / О. А. Логинова. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 98-101.
92. Лозовой, В. А. Культура личности, интеллект, творчество / В. А. Лозовой, И. Н. Пугина. – Текст : непосредственный // Интеллектуализация общества и творчество. – Новосибирск : Арсенал, 1991. – С. 91-101.
93. Лотман, М. Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) / М. Ю. Лотман. – Текст : непосредственный // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология / сост. Б. А. Успенский. – Москва : ОГИ, 1999. – Вып. 2 (10). – С. 121-151.
94. Лэш, К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш ; пер. с англ. : Дж. Смити, К. Голубович. – Москва : Логос-Прогресс, 2002. – 224 с. – Текст : непосредственный.
95. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли ; пер. с ит. – Москва : Планета, 1990. – 79 с. – Текст : непосредственный.

96. Малявин, В. В. Конфуций / В. В. Малявин. – 3-е изд. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – 357 с. – Текст : непосредственный.
97. Манхейм, К. Избранное. Социология культуры / К. Манхейм. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 501 с. – Текст : непосредственный.
98. Марков, В. И. Интеллектуальная элита России : проблема идентификации и идентичности / В. И. Марков, П. В. Аксенов. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-2 (38). – С. 60-68.
99. Марков, В. И. Отчуждение в культуре : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации доктора культурологии / Марков Виктор Иванович ; Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. – Кемерово, 2002. – 36 с. – Место защиты: Кемеровская государственная академия культуры и искусств. Текст : непосредственный.
100. Марков, В. И. Творец в системе культуры (тезисы) / В. И. Марков. – Текст : непосредственный // Наука. Философия. Общество : материалы V Российского философского конгресса (Новосибирск, 25-28 августа). – Новосибирск : Параллель, 2009. – Т. 2. – С. 306-307.
101. Мартьянов, В. С. Постсоветская Россия. Социально-теоретические размышления / В. С. Мартьянов. – Текст : непосредственный // Мыслящая Россия : история и теория интеллигенции и интеллектуалов / под общ. ред. В. Куренного. – Москва : Наследие Евразии, 2009. – С. 72-95.
102. Мартьянов, В. С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции / В. С. Мартьянов, Л. Г. Фишман. – Москва : Изд-во «Весь Мир», 2010. – 256 с. – Текст : непосредственный.
103. Межуев, В. М. Интеллектуал, стремящийся до всего дойти собственным умом и не очень доверяющий традиции, в России не столь правило, сколько исключение / В. М. Межуев. – Текст : непосредственный // Интеллектуалы и

демократия : российский и польский взгляд / под общ. ред. И. М. Клямкина. – Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2009. – С. 91-96.

104. Микешин, М. И. Интеллигентская историософия / М. И. Микешин. – Текст : непосредственный // Ценности и смыслы. – 2009. – № 1. – С. 103-116.

105. Миненко, Г. Н. Трансформация русской культуры в XX столетии и структурные особенности нравственной мотивации современной российской молодежи / Г. Н. Миненко. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 1 (20). – С. 282-286.

106. Михайловский, А. В. Германия / А. В. Михайловский. – Текст : непосредственный // Мыслящая Россия : история и теория интеллигенции и интеллектуалов / под общ. ред. В. Куренного. – Москва : Наследие Евразии, 2009. – С. 116–162.

107. Михельс, Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия / Р. Михельс. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 107-116.

108. Михельс, Р. Железный закон олигархии / Р. Михельс. – Текст : непосредственный // Тоталитаризм: что это такое? : исследования зарубежных политологов. – Москва : ИНИОН РАН, 1993. - Ч. 1. – С. 131-161.

109. Михельс, Р. Необходимость организации. Глава из книги 4 «Социология политических партий в условиях демократии» / Р. Михельс. – Текст : непосредственный // Диалог. – 1990. - № 3. – С. 55-60.

110. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – Текст : непосредственный // Утопический роман XVI-XVII веков. – Москва : Худ. лит., 1971. – С. 39-139.

111. Моска, Г. Правящий класс / Г. Моска. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 1994. - № 10. – С. 187-198.

112. Моска, Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты / Г. Моска – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 1994. - № 12. – С. 97-117.

113. Мусихин, Г. И. Наша страна в целом опускается в третий мир, а ее интеллектуальная элита продолжает позиционировать себя как принадлежащую

к странам «золотого миллиарда» / Г. И. Мусихин – Текст: непосредственный // Интеллектуалы и демократия : российский и польский взгляд / под общ. ред. И. М. Клямкина. – Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2009. – С. 62-67.

114. Наронская, А. Г. Методологические аспекты изучения феномена элиты / А. Г. Наронская. – Текст: непосредственный // Известия Уральского государственного университета. – 2009. - № 3 (69). – С. 29-34.

115. Нарский, И. В. Российские интеллектуалы в роли миссионеров : инструментализация концепта «культура» либеральной оппозицией в России XIX – начала XX века / И. В. Нарский. – Текст : непосредственный // Вестник пермского университета. – 2012. – Вып. 2 (19). – С. 98-114.

116. Ницше, Ф. Воля к власти : опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – Москва : Интербук, 1994. – 363 с. – Текст: непосредственный.

117. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла : прелюдия к философии будущего / Ф. Ницше. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2009. – 240 с. – Текст: непосредственный.

118. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра : книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше ; пер. с нем. Ю. М. Антоновского. – Санкт-Петербург : Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 336 с. – Текст: непосредственный.

119. Ницше, Ф. Человеческое слишком человеческое : книга для свободных умов / Ф. Ницше ; пер. с нем. С. Франка. – Санкт-Петербург : Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 384 с. – Текст: непосредственный.

120. Новопашин, С. С. Российская элита и ее роль в социокультурном пространстве России (региональный аспект) : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Новопашин Станислав Сергеевич ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2003. – 162 с. Место защиты: Кубанский государственный аграрный университет. – Текст : непосредственный.

121. Орлов, М. И. Общество знаний как новая парадигма цивилизационного развития : специальность 09.00.11 «Социальная философия по философским

наукам» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Орлов Михаил Игоревич ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2011. – 19 с. – Место защиты: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Текст : непосредственный.

122. Орлов, М. И. Социальные функции интеллектуальной элиты / М. И. Орлов. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия: «Философия. Психология. Педагогика». - 2010. – Т. 10. – Вып. 4. – С. 26-30.

123. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет ; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – Москва : ИНФРА-М ; Весь мир, 2000. – 700 с. - Текст : непосредственный.

124. Осипова, Е. В. Социологическая система Вильфредо Парето / Е. В. Осипова. – Текст : непосредственный // История буржуазной социологии XIX – начала XX века ; под ред. И. С. Кона. – Москва : Наука, 1979. – С. 309-331.

125. Осипова, Е. В. Социология Вильфредо Парето : политический аспект / Е. В. Осипова. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2004. – 160 с. – Текст : непосредственный.

126. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. – Москва : Изд-во Алгоритм ; Изд-во Эксмо, 2006. – 352 с. – Текст : непосредственный.

127. Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм, 2006. – 336 с. – Текст : непосредственный.

128. Панарин, А. С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века / А. С. Панарин. – Москва : «Эдиториал УРСС», 1998. – 352 с. – Текст : непосредственный.

129. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето ; пер. с итал. А. А. Зотова. – 2-е изд. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с. – Текст : непосредственный.

130. Пархоменко, Т. А. Российская интеллектуальная элита в поисках «нового пути» (Последняя треть XIX – первая треть XX века) : специальность 24.00.01

«Теория и история культуры» : автореферат диссертации доктора исторических наук / Пархоменко Татьяна Александровна ; Российский институт культурологии. – Москва, 2008. – 39 с. – Место защиты: Московский педагогический государственный университет. – Текст : непосредственный.

131. Переломов, Л. С. Конфуций : «Лунь Юй» (Беседы и суждения) / Л. С. Переломов. – Москва : Восточная литература, 2001. – 168 с. – Текст : непосредственный.

132. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. – Москва : Мысль, 1998. – 798 с. – Текст : непосредственный.

133. Покровский, Н. Е. Российская интеллигенция перед историческим выбором / Н. Е. Покровский. – Текст : непосредственный // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. – Москва : Эдиториал УССР, 1996. – С. 8-40.

134. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел ; подгот. текста В. В. Целищева. - 3-е изд., испр. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во ; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с. – Текст : непосредственный.

135. Резаков, Р. Г. Интеллектуальная элита и ее роль в современном мире / Р. Г. Резаков. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2003. – № 2. – С. 34-41.

136. Резанова, З. И. Элита, элитный, элитарный : семантика и функционирование / З. И. Резанова. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2009. - № 2 (6). – С. 69-79.

137. Реймерс, Н. Ф. Интеллектуальная деятельность и ее ограничения / Н. Ф. Реймерс. – Текст : непосредственный // Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса : тез. докл. и сообщ. (Нальчик, 23-27 мая 1988 г.). – Москва : ВНИИПИ, 1988. – С. 160-166.

138. Ремизов, М. В. Утраченный референт / М. В. Ремизов. – Текст : непосредственный // Сумерки глобализации : настольная книга антиглобалиста : сб. – Москва : «Изд-во АСТ», 2004. – С. 261-263.

139. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права / Ж. Ж. Руссо. – Текст : непосредственный // Об общественном договоре :

трактаты / пер. с фр. : А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова. – Москва : «Канон-пресс», 1998. – С. 195-322.

140. Руссо, Ж. Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж. Ж. Руссо. – Текст : непосредственный // Об общественном договоре : трактаты / пер. с фр. А. Д. Хаютина. – Москва : «Канон-пресс», 1998. – С. 51-150.

141. Руткевич, А. М. Прусский социализм и консервативная революция / А. М. Руткевич. – Текст : непосредственный // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. – Москва : Праксис, 2002. – С. 66-92.

142. Савельев, А. Д. Идентификация и формирование научной элиты / А. Д. Савельев. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1995. - № 2. – С. 118-124.

143. Сартори, Дж. Вертикальная демократия / Дж. Сартори. – Текст : непосредственный // Политические исследования. – 1993. - № 2. – С. 80-89.

144. Севастьянов, А. Н. Национал-капитализм / А. Н. Севастьянов. – Москва, 1995. – 208 с. – Текст : непосредственный.

145. Снарская, Е. В. Человек в контексте повседневности : от масс к индивиду : специальность 09.00.01 «Социальная философия» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Снарская Екатерина Валерьевна ; ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Казань, 2014. – 23 с. – Место защиты: Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Текст : непосредственный.

146. Современная западная социология : словарь / сост. : Ю. Н. Давыдов (руководитель) [и др.]. – Москва : Политиздат, 1990. – 432 с. – Текст : непосредственный.

147. Соколов, А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2007. – 344 с. – Текст : непосредственный.

148. Степаненко, Н. А. Генезис и эволюция общественно-политических теорий и практик Ю. А. Жданова : специальность 23.00.01 «Теория и философия

политики, история и методология политической науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Степаненко Наталья Анатольевна ; Южно-Российский институт управления. – Ростов-на-Дону, 2014. – 23 с. – Место защиты: ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». – Текст : непосредственный.

149. Страда, В. Интеллигенция как зеркало европейской революции / В. Страда. – Текст : непосредственный // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : история и типология / сост. Б. А. Успенский. – Москва : ОГИ, 1999. – Вып. 2 (10). – С. 28-33.

150. Струве, П. Б. Интеллигенция и революция / П. Б. Струве. – Текст : непосредственный // Вехи : интеллигенция в России : сб. ст. 1909-1910. – Москва : Мол. Гвардия, 1991. – С. 136-152.

151. Субири, К. Наша интеллектуальная ситуация / К. Субири. – Текст : непосредственный // Человек. – 2001. – № 5. – С. 91-109.

152. Тамаш, П. Роль элит в венгерском «мягком переходе» / П. Тамаш. – Текст : непосредственный // Pro et Contra. – 1996. – Т. 1. – № 1. – С. 90-93.

153. Татарина, Ю. Н. Современная политическая элита : имидж в электоральных предпочтениях : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат кандидата политических наук / Татарина Юлия Николаевна ; ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления» – Москва, 2013. – 27 с. – Место защиты: ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления». – Текст : непосредственный.

154. Тишков, В. А. Новая политическая антропология : хрестоматия по политической антропологии : в 2 т. / В. А. Тишков ; сост. и отв. ред. В. В. Бочаров. – Санкт-Петербург.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – Т. 1. – 491 с. – Текст : непосредственный.

155. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1991. – 736 с. – Текст : непосредственный.

156. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с. – Текст : непосредственный.
157. Успенский, Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры / Б. А. Успенский. – Текст : непосредственный // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : история и типология / сост. Б. А. Успенский. – Москва : ОГИ, 1999. – Вып. 2 (10). – С. 7-20.
158. Фадеева, Л. А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории запада / Л. А. Фадеева. – Текст : непосредственный // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 41. – С. 108-138.
159. Филиппов, А. Ф. Западногерманские интеллектуалы в зеркале консервативной социологической критики / А. Ф. Филиппов. – Текст : непосредственный // ФРГ глазами западногерманских социологов : техника – интеллектуалы – культура. – Москва : Наука, 1989. – С. 145-168.
160. Фирсов, Б. М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века / Б. М. Фирсов. – Текст : непосредственный // Звезда. – 2001. – № 8. – С. 164-173.
161. Фирсов, Д. Е. Европейский интеллектуализм как социокультурная стратегия : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Фирсов Денис Евгеньевич ; ГБОУ ВПО «Ярославская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации. – Ярославль, 2014. – 316 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств». – Текст : непосредственный.
162. Флорида, Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – Москва : Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с. – Текст : непосредственный.
163. Фомина, В. Н. Некоторые аспекты дискуссий о «новом классе» в современной буржуазной социологии / В. Н. Фомина. – Текст : непосредственный // Новейшие тенденции в современной неомарксистской

социологии : материалы к XI Всемирному Социологическому Конгрессу. – Москва : АН СССР, 1986. – Ч. 1. - С. 64-80.

164. Фролов, Э. Д. Рождение греческого полиса. / Э. Д. Фролов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург: Изд. дом СПбГУ, 2004. – 265 с. – Текст : непосредственный.

165. Хабермас, Ю. Первым почуять важное : что отличает интеллектуала / Ю. Хабермас. – Текст : непосредственный // Неприкосновенный запас. – 2006. - № 3. – С. 5–13.

166. Цыренов, Ч. Ц. Трактат Гуань Чжуна «Гуань-цзы», его место и роль в культурной традиции древнего Китая : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич ; ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет». – Улан-Удэ, 2008. – 19 с. – Место защиты: Институт монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. – Текст : непосредственный.

167. Шадурский, М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли : проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение слова / М. И. Шадурский. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. – 160 с. – Текст : непосредственный.

168. Шевелев, А. А. Элитарность и эгалитаризм в современном российском обществе : теоретико-методологические основы трактовки / А. А. Шевелев. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-2 (66). – С. 195-199.

169. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр ; пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2011. – 256 с. – Текст : непосредственный.

170. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопэнгауэр ; пер. с нем. Ю. И. Ахенвальда. – Москва : Изд-во Харвест, 2011. – 848 с. – Текст : непосредственный.

171. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер ; авт. вступит. статьи А. П. Дубнов ; авт. комментариев : Ю. П. Бубенков, А. П. Дубнов. – Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 592 с. – Текст : непосредственный.
172. Шувалова, М. В. Интеллектуалы и дискурс власти как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века : специальность 09.00.03 «История философии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шувалова Мария Владимировна ; ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». – Тверь, 2012. – 23 с. – Место защиты: ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». – Текст : непосредственный.
173. Янг, М. Возвышение меритократии / М. Янг. – Текст : непосредственный // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы / пер. с разн. яз. ; сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. – Москва : Прогресс, 1991. – С. 317-346.
174. Ярош, Н. Н. Интеллигентные интеллектуалы как движущая сила модернизации России / Н. Н. Ярош. – Текст : непосредственный // Экономический журнал. – 2011. – № 2 (22). – С. 99-107.
175. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс ; пер. с нем. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с. – Текст : непосредственный.
176. Gouldner, A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class / A.W. Gouldner. – Text : direct // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective ; Ed. by David B. Grusky. – Westview Press, 1994. – P. 711-722.
177. Habermas, J. Die neue Unübersichtlichkeit / J. Habermas. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1985. – 267 p. – Text : direct.
178. Mills, C. W. The Power Elite / C. W. Mills. – New York : Oxford University Press, 1956. – 423 p. – Text : direct.
179. Mosca, G. The Ruling Class : Elements of political science / G. Mosca ; transl. Hannah D. Kahn. – New York : McGraw-Hill, 1939. – 573 p. – Text : direct.

180. Pareto, V. *Sociological Writings* / V. Pareto ; selected and introduced by S. E. Finer, translated by D. Mirfin. – London : Pall Mall Press, 1966. – 346 p. – Text : direct.
181. Toffler, A. *The Adaptive Corporation* / A. Toffler. – McGraw-Hill, 1985. – 217 p. – Text : direct.
182. Young, M. *The Rise of the Meritocracy. 1870 - 2033. An Essay on Education and Equality* / M. Young. – London : Penguin Books, 1961. – 189 p. – Text : direct.